

Калдовские Миры

Империя Тигвердов

НЕВЕСТА ДЛЯ БАСТАРДА

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, что больше пригодится в жизни — высшее образование или умение печь блины. Никогда не знаешь, что больше пригодится твоему сыну. Английский или фехтование, которым он занялся из-за аварии. Никогда не знаешь, где найдешь свое счастье. И где потеряешь — тоже не знаешь. Меня зовут Вероника Лиззард. Фамилия вымышленная, признаюсь в этом честно, потому что врать в империи Тигвердов бесполезно. Особенно милорду Верду, Имперскому палачу и бастарду императора. Он сильный маг и чувствует ложь. И только однажды он ошибется и потеряет свое счастье. Но это будет не скоро. А пока нам еще только предстоит встретиться, взломав грань миров. И, пересилив привычное одиночество, полюбить друг друга.

- [Тереза Тур](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Тереза Тур

ИМПЕРИЯ ТИГВЕРДОВ

НЕВЕСТА ДЛЯ БАСТАРДА

Глава 1

— Уважаемые, мне как-то странно озадачиваться вопросами дисциплины. Вы, похоже, не до конца осознали, куда поступили! Это Академия МВД, если кто еще не понял. Вы поступили, чтобы учиться — вот и учитесь!

Моя мама называла подобный тон голоса «специальным, учительским» и кривилась, если слышала его в моем исполнении. А что — получалось весьма и весьма мерзко, кто ж спорит. Все во имя педагогического процесса!

Первая лекция по истории России, которую я преподавала в нашем замечательном вузе, проходила классически — первый курс традиционно пытался кому-то что-то доказать, а преподаватели, в том числе и я, их традиционно строили. Как говаривал мой научный руководитель в Большом Университете, который я заканчивала:

— Аспирант — это зародыш специалиста, а вы, студенты первого курса... Я даже боюсь предположить, кто вы относительно разумности.

Но мы в свое время хотя бы добровольно признавали свое несовершенство. А эти красавцы и красавицы. Личности... Мало знаем, практически ничего не умеем... А гонору...

Вообще, никто особо не любит брать первый курс... Как выражается мой папенька: «И тут каждый суслик начинает из себя агронома корчить». Так что строить студизов приходится жестоко, чтобы потом не отчислять. Хотя некоторые экземпляры попадаются на редкость непонятливые и, кстати, искренне считающие, что им кто-то что-то должен. Казалось бы, должны понимать, куда поступили. Название вуза — Академия Министерства внутренних дел — говорит само за себя. Не... Не говорит.

Вот на мою лекцию по истории родной страны девушка-красавица явилась с флаконом лака для ногтей. Ну, еще бы — когда же ей их красить. На мое возмущение мне высокомерно ответствовали, что она же меня слушает...

Это она зря. Преподаватель — он ведь тоже человек. Злонравный и злопамятный. Когда его вынуждают, он старательно и умеючи выносит мозг студентам... Вот и у меня кандидатка на отчисление появилась...

Первое сентября, однако...

И так сколько лет подряд? Двенадцать уже... Ох, люблю я свою работу. Ладно, вдохнули и поехали дальше сеять разумное, доброе,

вечное...

Откуда там есть пошла земля русская?..

В этом году у меня все так же, все те же, все то же. Первый курс нескольких факультетов. У будущих теперь уже полицейских, следователей и экспертов традиционно много русской истории. У меня, соответственно, часов. И мои любимые заочники — уже трудящиеся на ниве правопорядка товарищи, которым резко понадобилось высшее образование. У них сейчас установочная сессия — у меня по пять пар в день на этой неделе. И все лекционные.

Домой я ехала, ощущая себя тем самым бессмертным пони, образ которого так любят тиражировать в Интернете. Поэтому машину вела аккуратно. Наверное, излишне. Все знакомые мужского пола меня критикуют за стиль вождения — трогаюсь не резко, стараюсь всех пропустить.

Перед самым поворотом на родную улицу у меня из-за спины выскочил черный грязный «УАЗ Патриот». Резко взвизгнули тормоза, водитель вывернул руль — и поставил машину перед моей.

Я даже тронуться не успела.

Сердце колотало где-то в области горла, руки потряхивало.

Заглушила мотор, достала ключи из замка зажигания, вытащила телефон — если что, позвоню знакомым дэпээсникам.

В окно моего небольшого и уютного «пыжика» постучали.

— Денис Юрьевич! — разозлилась я. — Что за шутки?!

И я выскочила навстречу своему старому-старому знакомому. Давно это было. Первые заочники в первый год работы. И я, искренне считающая, что важнее хороших знаний по истории родной страны быть ничего попросту не может. А еще у меня есть одна отличительная черта: если я волнуюсь, или переживаю, или просто чувствую себя дискомфортно, то поток слов из меня идет... нескончаемый и частично неосознанный... На той приснопамятной лекции чувствовала я себя, понятно, не очень уверенно. А что? Несколько групп — человек девяносто — взрослых дяденек и тетенок, смотревших на мои словесные экзерсисы широко открытыми глазами, в которых читалась тоска и раздражение. От этого я начала злиться и под конец лекции вспомнила, что не проверила присутствующих и отсутствующих. Подняла старосту, выяснила, что в аудитории нет трех студентов, и впала в окончательную патетику.

— Как можно! — возопила я. — У вас первая лекция!!! Я не могу понять, что может помешать прийти на лекцию, если уж вы решили учиться?! Я требую серьезного отношения к учебе. И передайте,

пожалуйста, тем, кого сегодня не было, что зачета по своему предмету я им не поставлю! Ни при каких условиях!!!

На этом я удалилась к первокурсникам.

Посредине лекции раздался осторожный стук. Я распахнула дверь.

— Вероника Евгеньевна... Там... к вам, — со странными интонациями проговорила наша лаборантка и припустила по коридору прочь.

Я вышла, огляделась и обомлела. В нашем достаточно узком и неярко освещенном коридоре обнаружили люди размером с мой двустворчатый шкаф. В количестве трех штук. С автоматами, в бронежилетах. С черными закрученными шапочками на макушке. Несколько долгих-долгих секунд я смотрела на них в священном ужасе. И вдруг поняла, что они смотрят на меня с теми же чувствами. Потом один из них решился и шагнул вперед. Я с трудом удержалась от визга.

— Вероника Евгеньевна! Что нам делать с зачетом? — очень жалобно протянул самый смелый.

— А?! — на редкость умно получилось у меня.

— Нам староста позвонила. Сказала, что нам зачета не видать. Мы к командиру подходили еще утром — а у нас охранение... И мы ему говорим: у нас история. А он нам и отвечает...

— Денис, заткнись... — вмешался еще один шкаф.

— Нет, мы вам не скажем, что он говорил про вашу историю... А потом староста позвонила — и мы к нему опять пошли. И он говорит...

— Денис, — снова остановил оратора сослуживец.

— Да понял я, понял, — отмахнулся от него тот, кто говорил. — Мы все-таки отпросились — и к вам!

— Это хорошо, что ко мне... — Я по-прежнему была в прострации, но, кажется, поняла — своим настроением я напугала сотрудников доблестных правоохранительных органов так же, как они меня своим явлением с автоматами...

— А вот что нам теперь с зачетом делать?

Эта история отучила меня говорить слово «никогда». И фразу: «Ни при каких обстоятельствах». Эти самые обстоятельства, как я уяснила с тех пор для себя, бывают очень и очень разные.

И вот сейчас один из этих бывших заочников внимательно и печально смотрел на меня.

— Ника... Вот ты... Ты во что вляпалась? — спросил у меня командир РУБОПа. Непривычно серьезно. Таким он был только на той самой встрече в коридоре нашего учебного заведения. Потом — сколько себя помню — он все время улыбался, когда видел меня.

Он стоял передо мной — рослый, сильный. Черноглазый, темноволосый, с резкими чертами лица, классически-перебитым носом боксера и... замечательным компанейским характером. С особой нежностью очень сильного человека ко всем, кого он считал «своими».

Я посмотрела на него внимательно и недовольно поджала губы. Как-то я не привыкла, чтобы мои студенты, пусть даже и бывшие, пусть и ныне занимающие такой пост, называли меня на «ты» и по имени.

— Хмуришься?

— Злюсь, Денис Юрьевич. Вы же знаете, как я аварий боюсь. И знаете — почему. Так весь этот цирк — зачем?

— До меня дошли слухи. Нехорошие такие слухи. Очень авторитетные люди — нашим они точно не по зубам — разыскивают женщину, у которой внезапно появился мальчик лет четырнадцати. Мальчик светловолосый, сероглазый. Ведет себя очень по-взрослому, из-за этого кажется старше своего возраста. И, самое главное, примета есть — небольшой шрамик над верхней губой. Слева.

Я молчала, судорожно соображая, что же мне делать дальше.

— Мальчишку и всех, кого обнаружат рядом, приказано убрать. Да так, чтобы никаких следов... Ничего мне не расскажешь?

Отрицательно покачала головой.

— Угу. И почему похожего ребенка я видел в твоей квартире рядом с твоим сыном, тоже промолчишь? И почему просила меня документы на этого ребенка сваять, тоже объяснять не будешь? Кстати, твой сын тоже светловолосый. Не боишься, что их попутают?

— Вы засветили свой интерес?

— Нет. Я забежался — и не успел в ЗАГС съездить.

— Спасибо, — выдохнула я с облегчением.

— Ника. Давай я договорюсь со своими — тебя с сыном отвезут куда-нибудь подальше...

— А Рэм?

— Кто?

— Второй мальчик? Которого разыскивают.

— Боюсь, что ни ты, ни я, ни кто-то еще... Его все равно найдут. И... — Он замер.

— Спасибо. Я поеду, пожалуй.

— Ты понимаешь, я сделать ничего не смогу. Если наших привлечь — еще быстрее найдут. Кто-нибудь сдаст. И к отцу твоему нельзя по тем же самым соображениям. Сольют информацию о тебе.

— Я понимаю. Спасибо, что предупредил.

— Ты не передумаешь? — обреченно проговорил он.

— Нет. Не могу.

— Тогда... Никому ничего не говори. Не укрывайся у тех, кого хоть как-то можно связать с тобой или с мальчиками. Машину поменять тебе надо. С этим я, пожалуй, помогу. Давай ключи от своей. Отгоню куда-нибудь подальше. В лес.

— Что с родителями делать? Их тоже надо предупредить.

— Я постараюсь. Только очень и очень потом. Когда будет безопасно. Теперь слушай. Выйдете из дома, сядете на маршрутку, которая едет по Таллинскому шоссе до Горелово. Там я оставлю серую старенькую «Ауди-80». Документы будут в бардачке. Возьми ключи.

Он назвал улицу, номера машины.

— Ты все-таки решил помочь, — посмотрела я на бывшего студента. Ничем мне, в принципе, не обязанного. Отношений между нами тоже особых не было. Приятельствовали — не больше...

— Я не люблю хоронить хороших людей. Если бы ты знала, Ника, как я ненавижу кладбища... Только жаль, что сделать больше не могу...

— Ты и так сделал много.

— Только поезжайте туда, где вас никогда не было. Телефоны — свой и детские — дома оставь. Ноутбук. Карты банковские тоже. Деньги... Только наличка. Вот — держи. Немного. Что есть. С Богом...

Он обнял меня, забрал ключи. Выдал мою сумку с переднего сиденья. Сел за руль моего «пыжика», поерзал, отодвигая кресло.

— Жуть какая! Как ты тут помещаешься? — сказал он в открытое окно.

Сдал назад.

— Кто же тебе этот мальчик? — задал он вопрос, понимая, что я не отвечу, и уехал.

Его огромный «УАЗ» так и остался на перекрестке, особо не прижатый к обочине.

Я покачала головой и отправилась домой через банк. Надо было снять всю наличку.

— Ваше сиятельство, — сказала я, как только открыла дверь дома, — вас, похоже, обнаружили. Как будем скрываться? Нам надо такое место, которое никак нельзя было бы связать с вами или со мной...

Глава 2

Ночь. Глухая, черная осенняя ночь. Дорога, которая из-за темени кажется жутковатой. Нервный, дергающийся свет фар встречных машин. И дикое нервное напряжение. Ощущаю себя дичью, которую загоняют охотники. И ладно бы была одна... Но на заднем сиденье сопят мальчики — заснули. Один мой. Другой — тоже, наверное, теперь мой. По крайней мере, я не смогла отдать его тем, кто за ним охотится. Как его мать не смогла в свое время пройти мимо покоренной машины, в которой умирал маленький ребенок. Мой ребенок.

Мелкий, мерно моросящий дождь упрямо и как-то жалобно просился внутрь машины. Дворники работали с трудом и скрипом. Я внимательно смотрела на дорогу, старалась ни о чем не думать, но мысли все равно текли, унося в воспоминания...

Виктор всегда любил скорость, адреналин и риск. Поэтому и машину мой бывший муж всегда водил так, словно речь шла о выигрыше в «Формуле-1». Молодой, красивый, спортивный, с насмешливым прищуром синих глаз. Из очень обеспеченной семьи. Насмешливое фырканье в моем исполнении в день нашего знакомства он воспринял как вызов. А вызов ему кидать не смели. Никто. Осада была недолгой. Я по прошествии лет отмечаю это со стыдом. Романтика, чтоб ее... Кипящая страсть. Дурь молодости.

Получилось все закономерно — крайне беременная невеста в девятнадцать лет. Поджатые губы моих родителей. Вся семья Виктора, включая его самого, практически в трансе — они познакомились с моим папенькой. А он в гневе... Это не то, что я бы рекомендовала для долгой и счастливой жизни. Полковник ФСБ на генеральской должности... Он объявил торжественно: свадьбе быть. Внука ему рожать. Так все и получилось. Моя мама — честь ей и хвала — бросила все дела, но в университете я практически ни дня не пропустила. Кстати, рожать меня увозили с родного исторического факультета. Сразу после сдачи последнего экзамена летней сессии...

А когда Павлику было почти два года, мы попали в аварию. Виктор вел «бэxu» в своей обычной манере.

— Кольцевая — это для того, чтобы погонять! — говорил муж как раз в тот момент, когда мы вынеслись со стороны города и встраивались в поток машин. — Скорость — классная, двести. Смотри, как офигенски

получилось, зад чуть закинуло. А ты чего плетешься!!!! Нет, смотри, выпрутся на Кольцевую и плетутся!

Он чуть сильнее, чем было необходимо, выкрутил руль, пошел на обгон — и мы цепанули тот самый автомобильчик, водитель которого взбесил моего мужа.

Я кричала, сын хрипел, железки и пластмасски сминались. Скрежет. Визг шин. Машина словно попала в водоворот, собрав на себя все проезжающие автомобили...

Когда все закончилось, я не могла пошевелиться. Голова была расплющена о подушку безопасности, из носа шла кровь. Ног и позвоночника, по ощущениям, не было вовсе. Только боль. И самое страшное, я уже не слышала дыхания сына.

— Помогите... Пожалуйста... — Я не могла кричать. Я могла едва слышно хрипеть. — Во имя всего святого, помогите...

Впервые за последние двенадцать лет я не испытывала паники, снова и снова вспоминая то, что произошло дальше... Наконец-то я могла с уверенностью сказать сама себе: «Нет, Ника, тебе не померещилось, ты не была в обмороке, все, что ты вспоминаешь сейчас, было на самом деле!» Легче не стало, наоборот, проблем прибавилось, и все-таки осознавать, что с тобой все в порядке, — ни с чем не сравнимое удовольствие! До сего момента эти воспоминания мучили и терзали... Смутными сомнениями...

Дверь машины вырвали, словно она была из бумаги. До сих пор в мельчайших подробностях помню длинные, легкие, будто прозрачные пальцы, тяжелые кольца, узкий рукав, закрывающий руку до костяшек... Помню, как сверкнуло золото вышивки, отражаясь в темно-карих глазах. Огромных, внимательных и... очень грустных. Золотые искорки, правильные черты лица, волны мягких каштановых волос, тонкая талия, перехваченная широким поясом со странным, но очень красивым узором, который почему-то отделился от хрупкой фигуры и поплыл на меня... Все это медленно исчезало из сознания...

— Сын... — все же шевельнулись мои губы, — сын...

— Надо же. Тоже мальчик. Сколько ему? — доброжелательно поинтересовалась незнакомка, словно мы встретились не в покореженной машине, а на какой-нибудь встрече новоиспеченных мамаш.

— Два. Скоро будет...

— Будет, — кивнула женщина. — Обязательно будет. Как и моему.

Я не видела, что она делает, слышала только мелодичное пришептывание на непонятном языке.

Потом заплакал Паша — горько и обиженно. Перепугано. Но сильно.

— Так, — тяжело дыша, проговорила женщина. — Все. Времени доработать до конца нет, но ничего. Шпагу в руки возьмет — и все разрабатается. Теперь вы. А то покалеченной маме без ног тяжело будет за таким сильным мальчиком бегать...

На мой лоб опускается теплая ладонь. Раздается мелодия непонятных слов — только более громкая, требовательная. Боль отпускает.

— Вот так-то лучше, — тихо говорит женщина. Внимательно, с каким-то печальным любопытством долго смотрит на меня. — Зачем вам такой мужчина?

И она брезгливо кивает на потерявшего сознание Виктора.

— У него только лоб разбит — и все. Он, в отличие от вас с сыном, остался бы жив. И даже не покалечился особо. Зачем рядом мужчина, который не защищает свою семью ценой собственной жизни? Оставь его. И шпагу дай сыну с первых шагов — разрабатывайте кисть. Не могу я задерживаться... Пора.

И она исчезла.

В тот же день, как только нас отпустили из больницы, а сотрудники ДПС и МЧС все никак не могли поверить, что мы с сыном не пострадали, я собрала вещи. Пренебрегла объяснениями, упреками свекрови — как же, ее мальчик под следствием, а я бегу — и ушла.

Виктор особо не расстроился.

— Любви между нами особой не было, — пожал он плечами. — По залету — это и есть по залету... Да и скучная ты. Драйва с тобой рядом никакого. Ботан.

Я смотрела на него и не понимала себя. Чем я думала? Где были мои глаза? Рядом со мной был мальчишка, который не умел ценить жизнь — ни свою, ни чужую. Ни даже жизнь своего сына.

Отец помог отделаться моему экс-супругу условным сроком — мне досталась квартира. Преподавать в Академии МВД я стала, будучи еще аспиранткой, потом защитила кандидатскую диссертацию. В восемь лет отвела Пашку на фехтование. Брали мальчишек постарше, но я уговорила. И через несколько лет сын выиграл первенство города, потом стал третьим в своей категории на России и попал в первую десятку олимпийского резерва. И понеслось... Соревнования, тренировки, репетиторы почти по всем предметам, чтобы не отставать в школе. Спасибо родителям — и моим, и Виктора: лагеря, мастер-классы и очень дорогую экипировку они брали на себя. Объяснять никому ничего, слава богу, мне ни разу не пришлось. Паша так был увлечен этим видом спорта, что все были уверены — заниматься фехтованием захотел он сам.

Я редко приходила на соревнования. Почему-то мне это причиняло боль... Каждый раз, когда наблюдала за тем, как легко, грациозно, на самом деле молниеносно сын делал выпад и неестественно выворачивал кисть... Почему-то лично для меня это выглядело как в замедленной съемке. Я снова слышала голос... Видела тонкие руки. Золотые искорки в темных глазах. На меня снова плыл замысловатый узор, отделившись от тонкой талии. Снова охватывал ужас, холодели ладони и болела голова.

А через двенадцать лет после аварии ко мне в дверь постучалась измученная и раненая женщина. Это была она. Та, что спасла сына и меня на Кольцевой. Только на этот раз она была в черном брючном костюме. Волосы стянуты в хвост, миндалевидные глаза чуть подведены. Но почему-то именно этот современный вид показался мне маскировкой. Это была она, но ощущение, что именно тогда, много лет назад, я видела ее такой, какой она и должна быть, не проходило. Рядом с ней стоял бледный мальчик — Пашкин ровесник. И, когда странная гостья попросила помочь выжить ее сыну, как она помогла тогда моему, я помчалась на кухню за перекисью и бинтами, а когда вернулась — ее уже не было. Не обращая внимания на двух мальчишек, настороженно косящихся друг на друга, не обращая внимания на Пашку, который кричал про проход с радужной оболочкой, в котором исчезла незнакомка, — я села на пол и заплакала. Вся тяжесть этих лет вдруг отпустила сразу. При этом вопросов стало больше, чем ответов... Нет, я не сумасшедшая — эта женщина действительно была там, во время аварии. И да — я сумасшедшая, — потому что в моем коридоре появилась и исчезла женщина... А потом заговорил этот странный мальчик. Тихо, медленно и очень серьезно.

И вот я скрываюсь с двумя четырнадцатилетними мальчишками...

Сначала мы попетляли вдоль Кольцевой, выехать на нее у меня не хватало духа — проскочили Волхонским шоссе до Пулковского, там постояли в пробке до Гатчины. Потом неслись прочь, прочь от города по Киевскому шоссе. Доехали до не приметного поворота на Москву. Еще в городе мне пришло на ум странное название — Яжелбицы. Вот уж где я никогда не была... Там я решила свернуть с трассы.

Небо начинало сереть, когда я увидела указатель на нужный поворот. Дорога была такая, что казалось — по ней только что отработала эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. Мы проехали через уже проснувшуюся деревеньку, постояли, пропуская стадо коров. Еще километров двадцать. Рассвет. И у меня резко стали слипаться глаза, машину повело. Я прижалась к обочине, вышла, ежась от холода. Где-то в машине был термос с кофе, который я сварила еще в Питере. Надо было бы

достать. Но на заднем сиденье спали мальчишки — будить их было жалко.

Я огляделась — на пригорке виднелось несколько покосившихся домиков. Дымков над ними не было, мне стало интересно — что это такое. Я прошла по дороге немного вперед. И обнаружила замызганный указатель, на котором было написано «Большие Язвищи». Стрелка указывала на те самые домики, которые и привлекли мое внимание. Хмыкнула, мне здесь уже нравилось.

— Мама! — раздался от машины крик Паши.

— Что? — закричала я в ответ — и быстрым шагом направилась обратно. — Что-то случилось?

— Ты чего так пугаешь! — возмутился сын. — Мы проснулись — тебя нет!

— Доброе утро, — улыбнулась я всклокоченным, заспанным мальчишкам.

— Доброе! — улыбнулся мне в ответ Рэм.

Паша лишь недовольно зыркнул.

— Я увидела неподалеку несколько домиков, по виду заброшенных. Жаль, что нельзя узнать точно, есть там кто-то или нет.

— Почему же нельзя? — отозвался Рэм. — Можно.

Он замолчал. Глаза его замерли, рассматривая что-то нам неведомое.

— Там нет людей, — наконец сказал он.

— Как ты это сделал? — изумился мой сын.

— Ничего сложного, — отмахнулся Рэм. — Я хорошо чувствую живых.

— Как-то странно звучит, ты не находишь? — уставился на него Паша.

— Может, все это обсудим попозже? Я бы упала где-нибудь, — выступила я с предложением. — Часиков на несколько.

— Ладно. Поехали посмотрим! — предложил Паша. — Все равно надо место искать, отдохнуть. А в идеале и на ночь задержаться.

— Да, — согласилась я. — Было бы неплохо. Это не гостиница, тут документов не спросят.

Мы тронулись. Съехали с асфальта на грунтовку. Проехали километра три — оказывается, домики были достаточно далеко от дороги. Добрались до этих самых Больших Язвищ. Сначала мимо нас потянулись поникие, покосившиеся деревянные дома, серыми тенями притаившиеся на пригорке. Деревня была пуста. Потом мы спустились в низинку. Там стоял одинокий домик, которого как раз не было видно с дороги.

Паша рассмеялся, сказал, что мы — как Дядя Федор, пес и кот. Только коровы не хватает...

Тут мы и вышли. Мне мальчишки достали спальник. Я зашла в дом — и как стояла, так и рухнула. Проспала целый день. Когда проснулась, то обнаружила, что мальчишки вполне себе обжились.

Они натащали воды — нашли старое ведро в сарае и колодец посреди деревни. Собрали все, чем можно было протопить печь. Открыли консервы, заварили кипятком макароны.

Когда я открыла глаза, то поняла, что в домике тепло. Но темновато. Ребята прошлись по заброшенной деревне. В дома особо не лезли, но в сараях обнаружили много чего интересного. В частности, свечи, которые сейчас и горели в комнатке, которую мы заняли.

Мне выдали миску с едой и кружку с чаем. И как только я поела, то тут же угодила на военный совет, который устроили мальчишки.

— Мам, — высказывался Павел. — Я тебя все равно не понимаю. Если Рэму грозит опасность — надо ехать к дедушке. Он поможет.

— Меня предупредили, что это бессмысленно, — тяжело вздохнула я.

— Но бежать, бросив все... Это тоже как-то неправильно, — пожал плечами сын.

— Я думаю, вам стоит оставить меня здесь, а самим возвращаться, — вмешался Рэм. — Пусть вас укроют. А меня надо предоставить моей судьбе.

Я внимательно посмотрела на него. По возрасту ему было столько же, сколько и Паше. Но по ощущениям он был намного его старше. Взрослее. И печальнее.

Сын вопросительно смотрел на меня. Он склонялся к мысли согласиться с Рэмом. Тем более тот сам предложил... Я разумом и отчаянно бьющимся внутри инстинктом самосохранения понимала, что поступить подло — это выход. Это способ выжить. Не метаться по неизвестности самой. Не рисковать Пашей.

Но отчего-то я не могла. Может, потому, что помнила хрип и затухающее дыхание своего ребенка в той проклятой аварии. А потом его крик — крик заново родившегося человека.

— Нет. Мы никого нигде не оставим. Мы будем действовать по тому плану, который придумали в Питере.

— Тогда ознакомьте меня с ним, — пробурчал мой ребенок. — А то вы меня, как маленького, разводите. Сорвали с тренировки... а ведь ты, мама, знаешь, как для меня важен сейчас каждый день! У меня отбор в молодежную сборную на носу. А я тут с вами в какой-то дыре!

— Паш, выхода не было, — ответила я сыну.

— Это я уже понял. Но тогда уж рассказывайте все как есть, —

приказал мой ребенок. — А то, мамочка, твои сказки о том, что это сын подружки, которая попала в больницу, а ее ребенку жить негде... Это просто унижительно...

Теперь мы переглянулись с Рэмом.

— Прошу прощения за обман, — сказал юный герцог, глядя на Пашку. — Моя мать обратилась за помощью к вашей только потому, что нам больше не к кому было идти. Я сожалею, что это подвергло ваши жизни опасности.

— И кто ты такой? Или надо обращаться на «вы»?

— Я — Геральд Аден Моэ, герцог Рэйм. Моя мать — правящая герцогиня Рэймская. Я ее единственный наследник. Несколько недель назад случилась попытка государственного переворота. Мой отец, консорт, погиб, но дал нам с матерью возможность покинуть дворец.

— Очешуешь, — выдохнул мой сын.

Интересно... Недовольно на него посмотрела не только я, но и Рэм.

— Да ладно вам, — пробурчал Паша.

— А если все же обратиться за помощью? — спросила я.

— Я не знаю, кому можно доверять. К тому же у меня приказ матери: скрываться. Она взяла на себя расследование — выясняет, кто пытался нас уничтожить. Кроме того, ей надо взять герцогство под свою руку. Как ни обидно звучит, у нее одной — если она не будет переживать за мою жизнь и безопасность — это получится лучше...

— Значит, мы скрываемся, — подвела я итог. — И развязываем руки герцогине для решительных действий. И надеемся, что...

Я осеклась.

— Мать жива... Я ее чувствую, — прошептал Рэм.

— Герцог... Герцогиня. Принц-консорт. Почему я один понимаю, как это бредово звучит?! Вы еще скажите, что в том мире есть магия! — возмутился Паша.

— Есть, — смущенно улыбнулся Рэм.

Паша издевательски зафыркал.

— Мама, а вот почему ты ему веришь? — сказал он наконец. — И про его мир, и про мать-герцогиню. И даже про магию. Без обид, Рэм, но звучит так, будто все мы — готовые клиенты для дурки.

— Потому что его мать-герцогиня нас с тобой спасла много лет назад. И спасла — как я понимаю — при помощи магии. А теперь наша очередь отдавать свой долг.

Сын какое-то время смотрел обалдело. Потом стал что-то вспоминать. Потом сообщать.

- Получается, что наша задача — не попасться, — кивнул он.
- Именно, — ответил сын герцогини.
- Тогда рассказывайте, что вы придумали, — потребовал Пашка.
- Пока ничего, — печально вздохнула я. — К сожалению.

Глава 3

Мы пекли картошку, попутно объясняя герцогскому сыну, что вот такие черные практически угли — ни с чем не сравнимое, изумительно вкусное лакомство. С учетом добавления соли, конечно.

Рэм пробовал осторожно. Потом распробовал... Согласился, что вкусно.

Вечер удался. Если забыть причину, по которой мы оказались в деревне Большие Язвищи, то можно было представить себя семьей, выехавшей из города на пикник. Буквально «на травку, потрогать козявку».

[\[1\]](#)

Осенний, чуть горький воздух... Свежесть, которую хочется вдыхать. Это время года пахло для меня несбывшимися надеждами, уже практически сгоревшими в костре вместе с опавшими листьями... Но это все будет чуточку позже, когда ветер сорвет яркие листья, пообещав им путешествие в теплые края вслед за птицами, и — как водится — обманет.

А пока... Холодная ночь. Яркие звезды. И полная бесприютность. Осень...

— Расскажи нам о своем мире, — попросил Паша.

— Мой мир... — задумчиво проговорил Рэм. — Это мир магии. И магов. И — не в обиду будет сказано вам — мы более трепетно относимся к природе. И никогда бы не позволили себе так загрязнять то, чем мы дышим.

— С лозунгами Гринписа все понятно, — поморщился Паша. — Расскажи лучше о магии.

— Мы используем силу стихий. Воды, воздуха, огня и земли. Я, например, прошу о помощи землю — это моя стихия. Потом я напитаваю силой слово — и отдаю приказ. И получаю то, что мне необходимо.

— А магичить у нас ты можешь?

— Могу, но это будет тяжело. Стихии в этом мире практически не откликаются. Они словно умерли. Или спят.

— Так... А что у тебя за страна?

— Герцогство Рэймское, — гордо объявил Рэм. — Мы богаты и независимы. Наша страна расположена в горах, виды потрясающие. У нас лучшие в мире ювелиры. Исключительные виноградники на южных склонах. Мы производим знаменитое рэймское вино. И гномий самогон.

— Что? Самогон? — воскликнула я.

— У вас есть гномы? — обалдел Паша.

— Гномов у нас нет, — рассмеялся Рэм. — Их вообще нет, по крайней мере, в нашем мире. Но есть легенды, что когда-то они обитали у нас в горах. И оставили нам уникальные способы обработки драгоценных камней. И непревзойденный рецепт очень крепкого спиртного напитка, который и носит название — гномий самогон. На самом деле там несколько раз особым образом перебраживают и перегоняют остатки производства вина — косточки, шмых... Но эффект, говорят, непревзойденный. И даже император Тигверд пьет именно наш гномий самогон. Правда, в последнее время, его вывозят только контрабандой.

— Почему? — стало интересно мне.

— Новый виток конфликта с Империей, — пожал плечами Рэм. — Они же завоеватели. Без пролитой крови во славу их оружия им жизнь немила. Им несколько десятков маленьких стран по их границам — как кость в горле. Сколько существует Империя Тигвердов, столько длится это противостояние. Только мы им не по зубам. И богаты, и местоположение страны уникально — в горах нас не взять!

— А ты все это откуда знаешь? — поинтересовался Паша.

— Ты смеешься? Я же наследник. Политическая география, экономика, военное дело. Фехтование, верховая езда и танцы — так, в виде развлечения.

— Офонареть!

— Расскажи нам еще про свое герцогство, — попросила я, бросив укоризненный взгляд на сына. Все-таки своей любовью к молодежному жаргону раздражал он меня несказанно.

Рэм с благодарностью посмотрел на меня и продолжил:

— Со всего света к нам ездят на воды — поправить здоровье. Даже высокомерные имперцы предпочитают отдыхать у нас. Я покажу вам плато, водопады и... — Рэм вспомнил, что он беглец, осекся и замолчал.

— Обязательно покажешь, — улыбнулся ему Паша. — Как только отпинаемся — а отпинаемся мы обязательно, — так сразу к вам. Отдыхать. И отвязываться!

Юный герцог невесело улыбнулся, но согласно кивнул.

— А по горным рекам летом у вас сплавляются?

— Нет, — удивленно ответил Рэм. — А как это?

— О, брат! Это клево, спроси у мамы. Даже ей понравилось.

— Понравилось, — не стала спорить я. — Мы были этим летом в горах, в Адыгее. И на такой сплав меня Паша подбил. Лодка надувная, резиновая, мы в спасательных жилетах. И река бурлит, несет тебя, как

щепку. Незабываемо.

— У нас бы дамы на такое не решились, — проворчал Рэм. — Но для вас, я думаю, мы такой отдых организуем.

— А помнишь, как мы потом с камня в воду прыгали? — счастливо улыбнулся сын.

— Разве у вас в горных реках вода не ледяная?

— Конечно, ледяная, — удивленно посмотрел на него Паша.

— Тогда — зачем?

— Ты не понимаешь? В этом же самый кайф! Ну, ничего, потом поймешь, когда прыгать сам будешь.

— Кстати, нас в тот момент еще и фотографировали. Кадры получились — исключительные, — добавила я.

— Все-таки у нас такие сумасшедшие виды отдыха не приняты, — с удивлением посмотрел на нас Рэм. — Все... чинно. Пешие прогулки, верховая езда.

— Круто, — восхитился Паша. — Я вот все хотел верховой ездой заняться серьезно — мне нравится. Но... И времени не хватает. Занятия фехтованием у меня шесть раз в неделю. Плюс сборы, плюс соревнования. Да и стоит это удовольствие... Не по-детски.

— Ты на юге, пока мы были в отпуске две недели, с лошади не слезал, — покачала я головой, — так что не прибедряйся.

— Почему не слезал? — возмутился Паша. — Я ведь и кушал, и спал. Да и мы по реке сплывались. И на водопадах были. А то, что ты в беседке сидела на ферме и книжку читала, пока я занимался, так это ты лошадей боишься. Кто ж тебе виноват.

— Не то чтобы я боялась, — не согласилась я под насмешливым взглядом сына, — просто я не понимаю удовольствия в отбитой пятой точке. И предпочитаю пешие прогулки. И танцы.

Рэм, услышав от меня про пятую точку, посмотрел недоуменно, словно не поверив, что я могла произнести такое.

— Все же вы совсем другие... — проговорил он наконец. — И отношения у вас... проще. И слова вы так не подбираете, как положено... у нас.

— И это плохо? — Паша насторожился.

— Не знаю... Но таким отношениям, как у тебя с мамой, я просто завидую.

— А разве у тебя... — опешил Паша.

— Нет-нет! — стал оправдываться юный герцог, наткнувшийся еще и на мой недовольный взгляд. — Вы не подумайте... Мы с мамой. И с

отцом...

У него перехватило дыхание — он вспомнил, что отец погиб, а мать рискует собой, чтобы вернуть себе обратно свою страну.

Мы все замолчали, уставившись в золотисто-алые угли костра.

— Отец и мать — самые близкие мне люди. Но... мама никогда не забывала сама и не давала забыть другим, что она прежде всего герцогиня Рэймская. А я прежде всего ее наследник.

— И как это проявлялось? — спросил Паша.

— У нас все жестче, чем у вас. Не так, конечно, как в Османском ханстве или в той же Империи Тигвердов, но... Такие посиделки у костра с моей мамой попросту невозможны. Или... сплав на лодке. Да и разговоры ни о чем — как вы их называете — по душам? Такое тоже сложно представить. И я никогда не думал, что это так... тепло.

Крупные сияющие алмазы звезд смотрели на нас, троих беглецов, и сочувственно подмигивали.

— Кажется, что в этом мире не осталось никого, кроме нас троих, — прошептал Паша.

— А скрываться надо там, где много народу, — задумчиво протянула я. — Знаете, по принципу листьев в лесу: когда их неисчислимое количество, сложно найти нужный.

— Может, в Москву? — предложил Паша.

— Здорово, — уважительно посмотрела я на сына. — Столица нашей родины... Там людей столько, что вполне могут пропасть и еще трое.

— Столица — это хорошо, — проговорил Рэм. — Только если преследователи поняли, что я в этом мире, то меня тут найдут. Дело времени. Причем не слишком долгого. Но идея с какой-нибудь столицей...

— Ты не забывай. Нам еще и легализоваться надо, — скривилась я.

— Это я помню.

— А если пойти от противного... — начал размышлять Паша. — Рэм, вот где тебя искать никогда не будут?

— Не знаю, — растерянно сказал юный герцог.

— Ну... Есть место, которое ты настолько терпеть не можешь, что никогда бы туда не сунулся?

— Империя Тигвердов, — не задумываясь, отрапортовал наследник Рэймского герцогства. — Наши восточные соседи.

— Вот, — подвел итог Паша. — Значит, нам туда и надо.

— Постой, — попыталась остановить я сына в его замыслах. — Это же соседняя страна. Рэма могут опознать. А проблемы с языком... А одежда. И мы с тобой, сын, не умеем себя держать, как там положено...

— Последнее как раз не проблема, — заявил Рэм. — Спины вы держите ровно, если Павел последит за речью и за манерами по отношению к вам, миледи, то... Все вполне может получиться. К тому же если мы прибудем в столицу Империи откуда-нибудь из Западной провинции, то наше легкое несоответствие и акцент спишут на провинциальность. Касательно того, что меня опознают... У нас не так распространены фотографии, как у вас. В газетах разве что. Но я уверен, что там мой портрет не печатали. Особенно в имперских. Они вообще интересуются лишь собой.

— Не то чтобы меня волновали средства массовой информации, — хмыкнула я. — Скорее, служба безопасности. Разведка. Вот у них твои портреты точно имеются. Как и изображения правящих домов по всему миру.

— Разведку еще надо заинтересовать, — скривился Рэм. — И потом. Я могу слегка изменить внешность. Стать больше похожим на Павла и вас. Главное, когда мы встретим мага...

— Не пропасться! — радостно поддержал его мой сын.

— Да... — вздохнула я. — И ничего в Штирлице не выдаст советского разведчика, кроме буденовки, парашюта и кирзовых сапог.

— А? — не понял мой сын.

— Ты за речью следить будешь, говорю? — пояснила я ему. — Тебе же русским языком объясняли — говоришь без молодежного жаргона!

— А кто такой Штирлиц? — поинтересовался Рэм.

— Разведчик, — хором ответили мы с Пашей.

— Кино такое есть, — добавил мой сын. — Классное!

Мы с Рэмом зарычали синхронным хором.

— Хорошее, — поправился мой невозможный отпрыск.

— Жаль, что у нас фильмов нет, — покачал головой Рэм. — Это ваше изобретение. Как и Интернет.

Я вздохнула. Как бы мне хотелось уверенно сказать вслед за Пашей: как только все закончится — и непременно хорошо, — так мы сразу... И гостить в герцогство, и смотреть фильмы, и обязательно «Семнадцать мгновений весны». И на шашлыки... Обязательно настоять, чтобы мама Рэма к нам присоединилась. Положено это там у них, не положено — не важно...

— Все это будет, — словно прочитав мои мысли, серьезно сказал Паша. — Не переживай.

— Только надо хорошо все обдумать, — отозвался Рэм. — И просчитать.

Мое материнское сердце дрогнуло от гордости. «Надо же... Взрослые совсем!» А вслух я сказала:

— Тогда давайте просчитывать. Что нам надо? Знание языка, манер.

— Одежда, — добавил Паша. — Легенда.

— В смысле? — опять не понял нас юный герцог.

— Легенда — это то, что мы будем рассказывать всем. Кто мы, откуда мы, как нас зовут, — пояснил Паша.

— А как мы будем выкручиваться с документами? Паспорта, подорожные, виды на жительство. Что нам может потребоваться?

— Это все как раз решаемо, — покачал головой юный герцог. — Дворяне Империи имеют право путешествовать по своим надобностям, не отчитываясь ни перед кем. По крайней мере, официально. Знание языка — дело наживное. В саквояже, который мама оставила, есть кристаллы с заклинанием на изучение любого языка. На имперский — он весьма отличается от вашего — я их настрою легко. Я говорю по имперски.

— Класс! — восхитился Паша. — Мне бы такой на английский. Особенно когда мы неправильные глаголы сдаем.

— Молчи уже, ленивец! — возмутилась я. Нелюбовь сына к изучению иностранных языков меня всегда раздражала.

Рэм посмотрел на нас снисходительно, как взрослый на расшалившихся детей, и продолжил:

— Что касается одежды и, кстати говоря, денег, то это все есть в саквояже. Остается главная, на мой взгляд, проблема.

— Какая? — спросила я.

— Что нам делать с вашими волосами?

И юный герцог недовольно уставился на меня.

— А что с ними не так?

Я как раз перед первым сентября приводила себя в порядок после отпуска. И стрижку свеженькую делала, любимое каре длиной до плеч, и мелирование, чтобы кое-где прорезавшуюся седину скрыть.

— У нас так не ходят, — пояснил мне Рэм. — Женщины волосы, по моему, вообще не стригут. И таких прядей ни у кого я не видел.

— Точно, — сказала я. — Рэм, ты умница, что обратил внимание.

— Только что нам теперь делать? — спросил Паша.

— Надо посмотреть, что у мамы в саквояже есть. Может, что-то и удастся использовать. Я бытовой магией до такой степени, чтобы отрастить волосы нужной длины, не владею.

— Ладно, — поднялась я. — Костер прогорел, мы вроде определились. Пошли спать. Утро вечера мудренее. Завтра начнем готовиться.

Утро началось с того, что я почувствовала себя как-то странно. Голова была не моя — по крайней мере, слушаться меня и отрываться от пола, на который мы и покидали спальники, она не собиралась. Я попыталась хотя бы повертеть ею, но уткнулась в волосы.

Они были повсюду. И кажется, еще и шевелились. Мое сердце ухнуло вниз, потом взлетело, затарахтев, куда-то к горлу. А потом я заорала.

Услышала шум слева и справа. Крик Паши:

— Мам, что это?!!!

— Что со мной?! — вторила я в панике.

И тут раздался смущенный голос Рэма:

— Простите меня. Это я ночью...

— Объяснения после! — зарычала я. — Прекрати это! Они шевелятся!!!

— Волосы просто растут, — пояснил юный маг. — Не бойтесь. Сейчас я что-нибудь придумаю...

Я рассматривала себя в зеркало. Старое, мутное. То, что нашлось в заброшенном доме.

Ну, что ж... Должна отметить, что у герцога Рэймского получилось неплохо. Грива роскошных волос — необычного теплого медового оттенка. Может, оттенка янтаря, с золотистым отливом на свету. Я до этого времени обходилась достаточно невнятным темно-русым оттенком, который уже несколько лет как приходилось закрашивать из-за ранней седины. Кстати, теперь она исчезла. Длину волос мы оставили по пояс, остальные обстригли, как только Рэму удалось отменить заклинание и волосы перестали расти как сумасшедшие.

Огромным минусом было то, что я понятия не имела, что делать с такой длиной волос. Косы у меня были в школе, до девятого класса, пока я еще занималась танцами. Потом я все безжалостно обстригла.

И что теперь? Как там женщины волосы носили? Без челки, но спереди изящными локонами, а остальное убирала шпильками или гребнями. Как-то так. И, надеюсь, чепцов замужние дамы не надевали, а то это будет слишком тяжело для моей и без того истерзанной нервной системы. Кстати, а где мне взять шпильки?

Я вздохнула.

— Ладно, не переживай, — сказала я Рэму, который ходил подавленный после своих ночных подвигов. Он расстроился, что перепугал меня. — Просто в следующий раз предупреждай.

Мы выяснили, что беглецу не спалось после всех наших разговоров, он и решил, что поколдовать перед сном — хорошая мысль. В результате я обзавелась нужной длиной волос, а Паша с Рэмом — поменяли оттенок своих шевелюр. И у одного, и у второго они стали такими же, как и у меня. Кроме того, Рэм чуть подправил свои черты лица. И их с моим сыном вполне можно было принять за двойняшек.

— Давайте разбираться с языком, одеждой и тем, кто мы такие, — распорядилась я после завтрака.

— Язык лучше учить во сне. Будет и эффективней, и безболезненней, — с извиняющимися интонациями проговорил Рэм.

— Хорошо, — согласились мы с Пашей. — Значит, когда мы уснем...

— Я все сделаю.

— Легенда? — спросил мой сын.

— Обедневшие дворяне из Западной провинции Империи Тигвердов, — было видно, что Рэм ночью не только колдовал, но еще и много думал. И теперь был готов представить все, что навывдумывал. — Вы — вдова... Иначе не объяснить, как вам одной разрешили уйти из дома. Да еще и вместе с сыновьями.

— Согласна, — кивнула я. — А зачем мы прибыли в столицу?

— Вы привезли нас в Роттервик, чтобы пристроить куда-нибудь. В учебное заведение. Или же на службу. Чтобы мы не прозябали в провинции. Чтобы у нас появился шанс.

— Это ты хорошо придумал, — потеряла я сережку. — Только вопрос с учебными заведениями. У вас когда начало учебного года?

— Осенью, — ответил Рэм. — Так же, как и у вас.

— Так чего же мы сорвались, когда учебный год уже начался? Логичнее было бы летом, к вступительным экзаменам.

— Вы не обязаны объяснять. И у вас не имеют права требовать объяснений, — начал Рэм.

— Допустим. Но ведь наша задача — не привлекать к себе внимания. А вот настолько глупая — даже и дворянка... Что едет пристраивать своих детей, когда все уже учатся...

— Такое может запомниться, — кивнул Паша.

— А если у вас конфликт с родственниками после смерти мужа? — обдумав, заговорил Рэм. — И вы уехали, чтобы все попробовать начать сначала...

— Вот это мне уже нравится. И можно будет упомянуть, что мы хотим подготовиться к поступлению в столичное учебное заведение на

следующий год, — продолжила его мысль я.

— А какая у нас будет фамилия? И имена? — спросил Паша.

— Ваша матушка так и останется Вероникой — такое имя есть у нас, — ответил юный герцог. — Я — Рэм, а ты будешь Паулем.

Мой сын скривился:

— По-моему, звучит ужасно. — И он противно протянул: — Па-а-ауль. Фу.

— Привыкай, — отрезала я.

— Ладно, — недовольно кивнул сын. — А фамилия?

— Она может быть выдуманной. Дворяне, которые вышли из своих родов, так делают.

— Тогда Лиззард, — хмыкнул Паша.

— А при чем тут ящерица по-английски? — удивилась я.

— Ма-а-ам, ты что, не помнишь, сколько я этого зверька учил в четвертом классе. И никак запомнить не мог. Пускай будет.

Мы с Рэмом переглянулись и кивнули.

— Теперь — одежда. — Герцог потянулся за небольшим саквояжем, который оставила ему мама, когда уходила.

Я все восхищалась этим «тревожным чемоданчиком». Несмотря на его небольшие размеры, там было все! Видимо, к варианту, что нужно будет убегать и скрываться, в герцогстве подходили серьезно. Одежда, деньги, драгоценности, оружие... Трости, перчатки и всякая мелочь... Теперь же мы наблюдали, как Рэм извлекает оттуда два комплекта мужской одежды и один — женской.

— Нет, — застонал Паша, рассмотрев то, что ему придется надеть. — Только не говорите мне, что это — чулки.

— Именно так, — насмешливо хмыкнул Рэм. — Чулки и туфли. Или же чулки, на которые надевают сапоги.

А я смотрела на платье, которое предложили мне. И про себя ругалась — ну вот почему из всех вариантов моды в Империи Тигвердов было принято носить то, что как две капли воды походило на ампир начала XIX века. Нелепые платья-ночнушки с поясом под грудь. Всегда полагала, что, как только надеваешь такое, оно сразу прибавляет тебе несколько килограммов. А мне так тем более, с моей наличествующей грудью да весом, далеким от анорексии. Упорно на пять килограммов больше положенного.

Вздыхнула. Попыталась одеться. Намучилась с нижним бельем. Корсет — вещь неудобная. Отметила, что в этом варианте крючки на платье, как и шнуровка на корсете, были спереди — видимо, герцогиня прекрасно

понимала, что прислуга не всегда может оказаться рядом, чтобы помочь.

Оглядела себя. Расстроилась. Вспомнила, что английская актриса, которая снималась в фильме «Гордость и предубеждение», выглядела пышечкой в подобной красоте, а она была от силы сорок четвертого размера — если переводить на наши. И успокоилась.

Сделала несколько шагов. Мда... Не джинсы, что ни говори.

Вышла к мальчишкам, споткнулась у порога, наступив на подол.

— К этому всему надо привыкать, — глубокомысленно изрек Рэм, со смехом в глазах глядя на возмущенного Павла в бархатном камзолчике, штанишках по колено и беленьких чулочках.

— Слушай, — закралось у меня нехорошее подозрение. — Если сопоставлять с тем, что носили в нашем мире... То у мужчин уже были длинные брюки. А такой наряд был, скорее, для бала. Не так ли?

Рэм расхохотался:

— Конечно. Но Пауль в нем... неотразим.

— Я тебя урою! — заорал «неотразимый» Пауль.

Мы с Рэмом хором рявкнули на него:

— Следи за речью!

— Ты же теперь Пауль Лиззард, — добавил Рэм. — Вот и соответствуй!

Глава 4

На последнем совете в нашей избушке было решено появиться в городке Триммс, который находился на расстоянии одного перегона от столицы. Именно через этот городок проходил тракт, связывающий столицу с Западной провинцией. Рэм говорил, что городок шумный, многолюдный и бестолковый.

— Там ни у кого не возникнет вопросов, откуда мы взялись, — пояснил он. — Кроме того, я там был один раз. Мама была приглашена к императору Фредерику, и я пробрался с ней. Меня, правда, в этом городке и обнаружили. Отругали и отправили домой. Но путь туда, используя артефакт перехода, я построить смогу.

Артефакты перехода вообще были вещью бесценной. Они могли перенести тебя из одной точки в другую. Кроме того, наиболее мощные можно было использовать, чтобы переходить между мирами. Именно такой артефакт собирался использовать Рэм. Единственное условие — нужно было хорошо представлять себе место, в котором ты хочешь очутиться.

— А еще есть маги, которые могут сами, без артефактов, выстраивать такие порталы, — рассказывал нам Рэм. — Но это уже запредельная мощь. Мама, конечно, сильный маг, но она так не умеет. И у меня сил не хватает. Говорят, на это способен император Тигверд и его сыновья. А может, и некоторые аристократы Империи — кто их знает.

В общей сложности за разговорами и подготовкой мы пробыли в селе Большие Язвищи пять дней. Учились говорить на имперском. Рэм смог наколдовать, чтобы он записался в наш мозг, — но надо было еще не сбиваться на русский. Репетировали легенду об обедневшей дворянке-вдове и ее сыновьях. Отрабатывали манеру поведения, умение ходить в непривычной одежде. Я осваивала книксены, Пашка — поклоны. Его светлость герцог Рэйм безжалостно угорал над нами.

В последнюю ночь перед отбытием я не спала — нервничала. Мне все казалось, что стоит нам только показаться на людях, как нас немедленно схватят и поведут в жуткие казематы.

Но все прошло вполне мирно. Обыденно даже. Мы втроем вошли в радужное марево портала. «Только надо расслабиться и не сопротивляться переносу, иначе будет жутко тошнить», — учил нас Рэм.

Юный герцог перебросил нас в парк городка Триммс. Он решил, что в

парке народу будет поменьше и мы не привлечем внимания. Так и получилось. Никому до нас дела не было. Мы вынырнули из портала. Оглянулись — и неспешно вышли из парка на улицу.

Нас встретил шум оживленного городка, стоящего на пересечении важных дорог. Толчея, гомон, спешащие по своим делам имперцы. И мы — еще трое, влившиеся в поток людей.

Купили места в почтовой карете, отходившей на закате.

— Не сомневайтесь, миледи! Чисто, просторно. Самое удобное прибытие в столицу! Ранним утром, — расхваливал свой товар мужчина в кассе. — Особенно для тех, кто плохо еще ориентируется в Роттервике. И гостиницу найти можно, не торопясь. И пообедать уже спокойно, без суеты.

Я скупно улыбнулась ему, протянула деньги:

— Три билета.

Мужчина принял монеты, протянул мне алые квадратные карточки, на которых были отпечатаны пункты отбытия и прибытия. И места — четвертое, пятое и шестое.

— Попутчики у вас люди спокойные, солидные — негоциант с женой и их дочь, — отчитался он мне. — В столицу по делам. По мне так, жена с дочерью решили гардероб обновить.

— Надеюсь, мы доберемся без приключений. — Я убрала билеты в сумочку.

— Что вы, миледи, — даже обиделся продавец. — Какие приключения! Как можно! Всем известно, что порядок и безопасность на дорогах под личным контролем милорда Верда, бастарда императора. А он не тот человек, который бы позволил, чтобы плохо исполнялось то, что ему поручил наш повелитель. И за порядком на дорогах следят солдаты, вышедшие в отставку. А мы спуску никому не дадим.

— Конечно-конечно, — кивнула я. — Это понятно. Но нервы...

— Не переживайте. Я когда-то служил с милордом Вердом. Он тогда только-только в чины стал входить. Так вот, смею заметить, что забота о своих людях у милорда — всегда на первом месте!

— Вы меня успокоили.

— Простите, миледи, за горячность, — поклонился мне служащий. — Мы люди простые — солдаты, политесам не наученные.

Я лишь улыбнулась. Не наученный он, как же...

— Вы позволите порекомендовать вам, где можно провести время до отбытия? — продолжил мужчина.

— Буду признательна.

— Вот. — Мне протянули карточку с адресом. — Гостиница здесь.

Очень приличная. Моя сестра держит. И кормят вкусно.

Кивнув, я вышла. На улице меня встретили Пауль и Рэм.

— Матушка? — спросил Рэм.

Показала им билеты.

— А мы газеты купили, как вы и просили, — почтительно проговорил Паша.

«Надо же, он так умеет», — подумала я.

— Куда мы теперь? — спросил сын.

— Мне надо зайти в магазин женской одежды.

— Зачем? — удивился Паша.

Я посмотрела на него возмущенно. Не хватало еще объяснять собственному сыну, что платья, которые герцогиня укладывала в саквояж, шились на нее. И если в талии мы были практически одинаковыми, то в груди я попышнее. Следовательно, об удобстве говорить не приходилось.

— Так, — распорядилась я. — Мы идем в гостиницу. Мне дали карточку с адресом. Там располагаемся и заказываем обед. Вы остаетесь, а я прогуляюсь.

Гостиница оказалась уютной, хозяйка — милой и приветливой. Мы не остались в общем зале, а заказали номер наверху. Туда же я приказала подать обед. Узнав, что магазин готового женского платья располагается на этой же улице, через три дома, я туда и отправилась.

— Миледи? — удивилась мне продавщица, как только оглядела мой наряд. — Вы уверены, что вам по чину одеваться у нас?

— Да. Я хочу что-нибудь попроще. И поудобнее, — ответила я, недоумевая про себя — что такое увидела в моих нарядах девушка, чего не видела я.

Я купила себе четыре платья — все были светленькими, как на подбор. Хотя продавщица утверждала, что все они были разных цветов: кремовое, персиковое, цвета слоновой кости и цвета шампанского. У меня, конечно, не было причин ей не верить, но... По-моему, они все были бледно-желтые. И это при том, что я попросила подобрать мне что-нибудь в дорогу. Хотелось чего-нибудь серенького. Или синенького. Но что делать — надела то, что мне выдали.

А вот верхняя одежда меня порадовала. Это была пара коротких жакетов — один синий, другой — терракотовый. Хоть какие-то цвета в мире нежной пастели и аккуратных, едва заметных цветочков.

— У вас очень красивая шляпка, — сделала мне комплимент продавщица, — я постаралась подобрать одежду, чтобы ее можно было надеть ко всем нарядам.

— Спасибо.

Я подошла к своим коробкам и хотела уже взять их с собой, но поймала крайне удивленный взгляд девушки.

— Доставьте мои покупки в гостиницу «Почтовый голубь», — отдала я распоряжение. Судя по тому, как девушка успокоилась, я повела себя правильно. — И подскажите мне, где можно купить пару удобных дорожных ботинок. Те, что я взяла из дома, мало подходят для путешествий.

Продавщица понимающе улыбнулась и ответила:

— Если вам будет угодно, вниз по улице, по нашей же стороне. Тут недалеко.

Я расплатилась и вышла.

Огляделась. И пошла искать обувную лавку.

Итак, мы уже несколько часов в Империи Тигвердов — Империи воинов, захватчиков, как ее характеризовал Рэм. Честно говоря, по его описаниям, я ожидала что-то сумрачное. Какую-то империю зла, где все ходят стройным строем и дружно скандируют: «Славься, император!»

Ничего такого не было.

Суесящихся людей вокруг было море. Все куда-то торопились, отбывая или прибывая. Но вокруг царила уютная доброжелательность. Я не замечала разлитого раздражения вокруг. Люди улыбались. И старались помочь друг другу.

Не знаю, как все сложится дальше, но пока мне тут нравилось. Еще бы утром без приключений въехать в Роттервик.

Купив удобные ботиночки (как они выделяют кожу — одно восхищение) и домашние туфельки (как есть наши балетки), я отправилась в гостиницу.

— Прикажете обед вам подавать? — встретил меня служащий. — Вашим сыновьям все понравилось, смею заметить. Я, как узнал, что вы за покупками отправились, распорядился вашу порцию отложить. Зачем, думаю, миледи холодное кушать будет?

— Замечательно, — кивнула я. — И проследите, пожалуйста. Мои покупки должны доставить.

— Не извольте беспокоиться.

В номере меня ждали мальчишки. Они азартно резались в дурака.

— Мам, все в порядке? — поприветствовал меня Пауль.

— Все хорошо. Покупки скоро доставят, обед разогреют. Карты откуда?

— Купили в лавочке неподалеку, — ответил мне Рэм.

— Не переживай, — тихо-тихо проговорил мой сын. — Они местные. Кстати, один в один — наши, родные. Земные.

— Странно, — посмотрела я на колоду. — Действительно.

— В нашем мире есть выходцы из вашего мира, — едва слышно сказал Рэм. — Это не афишируется, но наши миры не изолированы друг от друга.

— А что в газетах? — решила я сменить тему.

И Рэм, и Паша посмотрели на меня смущенно. Видимо, отвлеклись на карты — и про все забыли.

Я покачала головой, уселась в кресло. И стала читать.

Ни в одной из трех газет, что я просмотрела, ничего о Рэймском герцогстве не было. Кстати, ни об одном государстве, что были на этом же материке, тоже не упоминалось. Такое ощущение, что, кроме Империи Тигвердов, на этом свете больше никого и ничего не было.

Удивил меня небрежный тон в отношении императора Тигверда. Во всех газетах описывался роскошный прием, который давал повелитель. Отмечалось, что император открывал его со своей дамой сердца, маркизой Вустер.

Еще одна статья была про милорда Верда, того самого, о котором упоминал продавец билетов — солдат в отставке. И если он говорил о бывшем командире с уважением, практически с обожанием, то статья в газете о бастарде императора была ядовитая.

Бывший командующий вооруженными силами Империи два года назад стал преподавателем. К добру ли это? Что это несет нашим детям? И, самое главное, можем ли мы быть уверены в том, что наши дети в безопасности? Все ведь помнят историю, предшествовавшую этому назначению. Тогда милорд Верд был не в себе. Сколько пролилось невинной крови! И сколько ее может еще пролиться, если император Тигверд не возьмет под личный контроль хищные инстинкты своего незаконнорожденного сына.

И самый главный вопрос, который задают себе граждане Империи: в безопасности ли наследник престола, который обучается в Военной академии на последнем курсе? Академии, где ректором назначен милорд Верд, бывший командующий? Кто даст ответы на эти вопросы? Кто успокоит наших граждан?

А в ответ лишь высокомерная тишина...

И подобные размышляницы везде. Во всех газетах. Словно кто проплатил или договорился. Интересно, а почему администрация

императора не реагирует на подобные красоты? Или не печатает каких-нибудь своих газет, где бы все объясняли в нужном ключе? Или император таким образом показывает отношение к своему незаконнорожденному сыну? Занятно у них тут.

Карета была запряжена шестеркой холеных вороных лошадей. Я заснула, как только уселась на свое место. Благо сиденья были удобные, чуть откидывались назад. И места для ног было достаточно. Слышала, как тархтели до глубокой ночи наши попутчики — в основном мама с дочерью, — как они что-то спрашивали у Рэма и Пауля. Понимала, что карета летит с какой-то немыслимой скоростью, значительно больше тех двадцати километров в час, с которыми двигались подобные сооружения в нашем мире. Проснулась я тогда, когда в окошко постучался рассвет. Карета остановилась, а к нам заглянул человек в форме.

— Доброе утро! — поприветствовал он нас. — Добро пожаловать в Роттервик! Соболаговолите представиться.

— Негоциант третьей гильдии Брамс, — гордо сказал проснувшийся купец. — С супругой и дочерью. По личной надобности.

Человек в форме перевел взгляд на меня.

— Госпожа Лиззард. С сыновьями. По личной надобности.

Мужчина внимательно смотрел мне в глаза. И вдруг заговорил очень мягко:

— Миледи, если у вас что-то произошло, то вам не нужно оставаться с проблемами один на один, пытаюсь их решить самостоятельно. Нужно отправляться в канцелярию Его Величества и просить помощи. Я уверен, что там вам помогут.

— Я думаю над этим, — благодарно посмотрела на него. — Простите, так заметно, что мне нужна помощь?

— Вы путешествуете без сопровождающего и багажа. И называетесь явно выдуманном именем. Какие можно сделать выводы? — улыбнулся мне мужчина. — Вы знаете, где будете останавливаться?

— Мы можем порекомендовать меблированные комнаты, — вмешалась в разговор жена негоцианта. — Мы останавливаемся там не первый год. Там спокойно. Респектабельно.

— Спасибо вам, — оглядела я имперцев. — Спасибо.

Так мы и прибыли в столицу Империи Тигвердов, город Роттервик.

Глава 5

Потихоньку мы обустроились. Негоциант и его супруга проводили нас в меблированные комнаты, где можно было остановиться. И, как я поняла, речь шла даже не о безопасности — а о таком месте, в котором нам можно было остановиться по статусу.

Хозяйка приняла нас как родных — имперцы вообще были людьми гостеприимными, радушными и любезными. Все, кто нам встречался, старались нам помочь.

Четыре комнаты, которые мы сняли, были чистенькими и неплохо обставленными, столовались мы у хозяйки, мальчишек я в свободное время занимала рассказами по истории России или отправляла фехтовать в специально оборудованные для этого залы — по принципу, чем бы ребенок ни занимался, лишь бы утомился как следует.

А я... я осталась предоставленной самой себе. Читать целыми днями было скучно, Интернета не было, всяческими рукоделиями — как мне было положено в этом мире — я заниматься не умела. Да и потребности такой не испытывала. Иголка в руках, а также крючок или спицы рождали во мне чувства как бурного протеста, так и дикого раздражения. К ним прибавлялось еще и желание в кого-нибудь это богатство воткнуть. В общем, прощай нервная система.

Преподавателей-женщин в этом мире не было, да и чему я могла учить? Русской истории?

Было скучно.

Чтобы как-то занять себя, я много гуляла по городу Роттервику, узнавая столицу Империи. Город был красивый. Узкие, мощенные серым булыжником улочки, вытянутые вверх дома с красной черепицей и яркая, сочная — словно и не осень — зелень парков и скверов, которых тут было множество. Неспешно несущая воды река, что разделяла город на Нижний — в нем жили люди попроще — и Верхний. Там за узорчатыми чугунными оградами стояли особняки аристократов и находились правительственные здания. И императорский дворец. На который, правда, я смотрела издали.

А осень тем временем шла своим чередом. И в это воскресенье мы с мальчишками решили отправиться на прогулку в парк неподалеку. Парк примыкал к летней резиденции императора, но гражданам Империи дворянского происхождения вход в него был разрешен. Все-таки я не понимала, как имперцы различали, у кого какое происхождение.

Документов действительно никто ни у кого не спрашивал. Однако во всех случаях меня и мальчишек именовали дворянами. Интересно.

Когда я удивлялась, почему это происходит, Рэм смеялся и отвечал мне:

— По манере поведения, миледи Вероника!

Я и мальчишки спокойно миновали ворота императорского парка. Остановились полюбоваться фигурами воинственных грифонов, что венчали ворота и через равные промежутки располагались на высоченной, но изящной кованой ограде, окружавшей летнюю императорскую резиденцию.

— Черный грифон, распластавший крылья, — это символ императорского дома Тигвердов, — просветил нас с Паулем Рэм. — Символ воздаваемой справедливости и победоносного властителя. Соединение острого ума и безграничной силы. Изображенный на золотом щите является к тому же гербом всей Империи Тигвердов.

— Красив, — восхитилась я. — Надменен, но красив.

— Еще и беспощаден, — покачал головой герцог маленького, но свободолюбивого государства, что издавна боролось за свою независимость с Империей.

— А у нас орел двуглавый, — пробормотал под нос сын. — Мам, а они чем-то похожи, не находишь?

— Оба обозначают могущество и власть, может, еще независимость своей страны — крылья-то расправлены, — пожалала я плечами. — Цвета — золотой и черный.

— Птички, — рассмеялся мой неисправимый сын. И на этом мы влились в поток гуляющих.

Мы неспешно пошли по дорожкам, посыпанным розовой гранитной крошкой. Один в один как в нашем мире, например, в Петергофе. На вершине холма возвышался белоснежный замок — но к нему мы не сунулись. Пошли в противоположную сторону.

Вообще, если не слушать чужую речь и не смотреть на людей в одежде, которую у нас не носили уже лет двести, то можно было представить, что мы дома. А все произошедшее с нами — это лишь сон. Станный, но увлекательный.

Я опустилась на скамейку, опоясывающую раскидистое дерево. Рэм и Пауль посмотрели на меня насмешливо и унеслись, перед этим побросав захваченные из дома шпаги рядом со мной.

Закрыла глаза и прислушалась к звукам окружающего меня мира.

Играл оркестр — что-то на три счета, очень похожее на вальс. В

кронах деревьев легко шумел ветер. С этими звуками переплетался неспешный гул голосов, в котором время от времени слышались счастливые, даже ликующие детские крики.

Подбежал Паша... Нет, мы договорились, что здесь, в этом мире, он Пауль... Такое имя у них было. Значит, надо называть его как положено даже наедине или в уме... Подбежал Пауль, взял со скамейки, где я сидела, шпаги — и унесся к Рэму. Фехтование было у моего сына... больше, чем увлечением. Он им жил. А Рэму хорошо фехтовать было положено по статусу. И в этом мире, как я поняла, сражались холодным оружием. И магией.

Я прикрыла глаза, впитывая неяркое осеннее солнышко, и попросила кого-то:

— Пусть все обойдется... Пожалуйста, пусть все будет хорошо...

— Да неужели я много прошу, — услышала я рядом с собой раздраженное мужское брюзжание. — С точки зрения обороны страны или организации учебного процесса — это вообще мелочи... Так нет же!

Я распахнула глаза и с огромным интересом посмотрела на того, кому организация обороны страны и учебного процесса — равнозначные понятия. Как преподаватель я с ним вполне согласна. А что — человек однозначно понимает, о чем рассуждает... Приятно.

— Вот скажите мне, — обратился вдруг ко мне мужчина. — Как вы делаете так, чтобы прислуга вела себя адекватно: делала то, что приказано, и не лезла туда, куда не надо? И главное, чтобы они не варили на завтрак овсянку?

— Что? — изумилась я.

— Простите за бестактность и крайнее нарушение приличий, — резко и недовольно замотал головой незнакомец. — Мне попросту не к кому обратиться.

— Ничего страшного, — уставилась я на него.

Не сказать, что внезапно заговоривший со мной был красив. Слишком твердые губы, слишком узкие. Нос... Скорее выразительный и... большеватый. Отметила высокий рост, широкий разворот плеч, гордую осанку. Недовольные черные глаза — сверкающие. И в довершении портрета — светлые волосы, достаточно длинные, чуть выющиеся на затылке. Странного серебристого оттенка. Блонди-и-ин? Или седина с таким интересным отливом?

И главное, смотрит так требовательно... Нетерпеливо дожидаясь ответа.

— Я просто не понимаю сути проблемы, — заговорила я. — Думаю,

если четко поставить задачу и несколько раз проследить за правильностью исполнения, то можно всего добиться.

— Золотые слова, — пробормотал мужчина. — Только вот у меня не получается. Понимаете, я хочу покоя. Хотя бы вечером. И не хочу знать, как ведется домашнее хозяйство. Но у меня складывается ощущение, что прислуга делает мне все назло. И камердинер мне только что доложил, что очередная экономка собрала вещи и ушла. А теперь мне отказалось помогать агентство по найму. Дескать, я выдвигаю непосильные требования.

Против моей воли — а я видела, что мужчина по-настоящему расстроен и весьма раздражен и злить его еще больше было бы глупо — мои губы расплылись в улыбке. Он с таким возмущением проговорил «экономка ушла», будто его по меньшей мере жена бросила.

Я хихикнула. И тут же сказала:

— Простите.

— Вы считаете, что это и не проблема вовсе? — словно прочитав мои мысли, спросил мужчина.

— Не то чтобы да... — аккуратно сказала я.

Тут его взгляд сместился — и из возмущенного стал настороженно-любопытным. К нам, не убрав шпаги в ножны, подходили Рэм и Пауль. И у меня язык не повернулся назвать их мальчиками — это были молодые мужчины, собравшиеся защищать то, что им дорого, — меня.

— Смотрите, как правильно заходят, — с непонятым восторгом проговорил мужчина. — С двух сторон, боком. С правого плеча. Это?..

— Мои сыновья, — поднялась я со скамейки.

— Молодые люди, — чуть склонил голову мужчина, когда Рэм и Пауль приблизились достаточно. — Я не представляю угрозы. Конечно, проявил бестактность, заговорив с вашей матушкой, не будучи ей представленным, но, я надеюсь, вы извините мне это.

— С кем имеем честь? — холодно поинтересовался Рэм.

Брови незнакомца взлетели вверх. Лицо приобрело выражение крайнего удивления, приправленного легким раздражением. И... восторга, что ли...

— Какая восхитительная...

— Гордость, — перебила я его, опасаясь, что Рэм сейчас окончательно сорвется. — Именно она, милорд. Больше, попросту, у нас ничего не осталось. Хорошего вам дня.

И я отвернулась от него, показывая, что разговор окончен.

— Молодые люди, — обратилась я уже к мальчикам. — Мне ничего не

угрожает. Можете продолжать свои упражнения.

Я решила, что мальчишек надо убрать. Нам еще ссоры, которая привлечет внимание, не хватало...

Рэм и Пауль коротко поклонились и отошли.

Мужчина остался на месте.

— Простите, если показался грубым, — вдруг сказал он. — Я — Ричард Фредерик Рэ, лорд Верд, бастард Его Величества.

— Вероника Лиззард, — представилась я.

— Вот так... А почему выдуманное именем-то? — скривился мужчина. — Вы — явно дворянка — и по манерам, и по одежде. А такого имени в перечне дворянских родов попросту нет.

«Конечно, имя выдуманное! Да и то, что я дворянка — тоже неправда. Бабушки и дедушки — кто крестьяне, кто шахтеры. А спина прямая — потому что танцами много лет занималась», — подумалось мне, но вслух я сказала:

— Я называюсь выдуманным именем, потому что хочу предложить вам экономку. Умение выполнять распоряжения, приведение в чувство прислуги, организация вашего покоя и уюта в доме... Это могу гарантировать.

— И эта экономка, как я понимаю...

— Я, милорд. Под своим именем работать было бы неловко.

Не знаю, как эта идея возникла в моей голове, но с каждым мгновением она нравилась мне все больше и больше. К тому же те, кто нас отслеживает, подобной случайной встречи точно не смогут просчитать.

И значит, мы будем в безопасности.

Осталось уговорить моего случайного собеседника, что эта идея — хорошая. А судя по тому, как он хмурился, ему так не казалось.

— Вы — и экономка... — сказал он наконец. — Это смешно.

— Разве обедневшие дворяне не работают экономками или гувернантками? — возразила я.

— Да, но... Вы не выглядите как обедневшая дворянка. Слишком хорошо одеты. Слишком уверены в себе.

— Это так, — согласилась с ним я. — Но боюсь, денег от проданных драгоценностей надолго не хватит.

Он замолчал, обдумывая мои слова.

— Мда... — покачал милорд головой, — так оригинально я прислугу еще не нанимал.

— Скажите, — полюбопытствовала я, — а в прошлые разы, когда было все, как положено, вам нравился результат?

— Нет, — в глазах мелькнула усмешка, — очень не нравился. А вам так нужна работа?

— Если вы интересуетесь, как у меня с деньгами... Мы не бедствуем. Пока, во всяком случае, но есть ряд обстоятельств...

— Подходим к самому главному... Что вы хотите взамен?

— Хорошее учебное заведение для моих сыновей, — решительно ответила я. — Как вы понимаете, уже осень, и шансов у нас немного. Ждать следующего года — не хочется. А вы, когда подошли к скамейке, что-то говорили об организации учебного процесса. Следовательно, вы к этому имеете непосредственное отношение. И сможете нам помочь.

— А что вы только сейчас всполошились? Не летом, когда положено?

— Летом, — вздохнула я, — летом все было по-старому... Мне и в голову не приходило, что я, оставшись без крова, схватив сыновей, буду вынуждена бежать. И куда-то их потом пристраивать.

— Может быть, вам не искать сложных путей и обратиться к Его Величеству? Император суров, но милостив. И если вас преследуют... Или угрожают... Или...

— Простите, это невозможно.

— Вы преступница? Вас разыскивают за совершение какого-нибудь преступления?

— Нет, — удивленно посмотрела я на него. — С чего вы взяли?

— Я просто вас проверяю. Предупреждаю, я чувствую ложь. Продолжим?

— Прошу вас, — чуть наклонила голову я.

— Вы замышляете что-то против Империи?

— Нет, — отрицательно покачала головой я.

— Что-то против меня лично?

— Нет. Ни против вас, ни против Империи я ничего не замышляю.

— Вы хотите войти в мой дом только по тем причинам, которые изложили?

— Я хочу, чтобы мои сыновья занялись делом, чтобы они имели возможность занять то положение, которого достойны. Что касается меня — я хочу крыши над головой и...

— Договаривайте, — приказали мне.

— Не бояться.

— Вы говорите правду. Надо же, — отчего-то удивился он.

— Вас удивляют люди, которые говорят правду?

— Весьма и весьма, — улыбнулся чему-то он. — Только у меня два вопроса: как вы свое решение будете объяснять сыновьям? И под какой

фамилий мы будем их зачислять на первый курс Имперской военной академии, которой я имею честь руководить?

— Насчет фамилии я не знаю. Простите. А с сыновьями я договорюсь.

— Да уж, будьте добры. Кстати, фехтуют они превосходно.

Глава 6

— Мать! Ничего, что я так официально? — патетично обратился ко мне сын, когда я рассказала о своей идее, где можно переждать грозу. — Ты совсем спятила?

— Тон смени. И лексику подуйми, — рекомендовала я отпрыску и посмотрела на Рэма.

— Конечно, с матерью так разговаривать нельзя. И Паулю необходимо развивать такую черту характера как сдержанность, но что-то рациональное в его возмущении есть. Сударыня, вы хоть представляете себе, кто такой лорд Верд, с которым вы имели неосторожность заговорить?

— Нет. И кстати, это он заговорил со мной.

— Это роли не играет.

— И кто такой лорд Верд? Где-то я слышала его имя...

— Это бывший главнокомандующий Имперских вооруженных сил, — торжественно объявил Рэм. — Его еще называют имперским палачом.

— А... — вспомнила я. — Это я про него в газете читала, что император отправил его обучать детей в какую-то академию?

— Про него, — кивнул Рэм.

— Так это же хорошо, что мы его встретили, разве нет?

— Он жестокий, страшный человек, — покачал головой Рэм. — Внебрачный сын императора. Победитель всех последних военных кампаний Империи. Подавлял бунт в Западной провинции — залил ее кровью восставших. Во время правления предыдущего императора, Максимилиана, организовывал захват крепостей по границе с Османским ханством на юге.

— Я собираюсь работать у него экономкой, а никак не засланкой повстанцев, — пожала я плечами. — Поэтому мне вряд ли что-то угрожает.

— Он сильный маг. Про него ходят слухи, что он умеет чувствовать ложь.

— Я так поняла по нашей беседе, что это правда.

— Он допрашивал тебя? — возмутился Паша.

— Задал несколько вопросов. А что тебя удивляет? Он первый раз в жизни меня видит. Ему же надо понять, кого в дом впускаешь.

— И что ты сказала?

— Правду. И вам рекомендую — наверняка он будет беседовать и с

вами. Так что давайте договариваться, какую именно правду мы будем ему сообщать.

— Все-таки, мам, я с тебя фанатею! — признал мое совершенство сын через какое-то время, когда мы проговорили основные вопросы. — Ты действительно не сказала ни слова неправды.

— Мы ничего не замышляем против Империи или против милорда. Мы действительно в затруднительном положении. И нам нужен дом, где мы могли бы укрыться. Лиззард — не наша фамилия. Нашу мы не можем сообщить. А дальше — все вопросы к маме. Все.

— И главное — не лгать, — задумчиво протянул Рэм.

— Именно так, мой мальчик.

— И все-таки это унижительно, — покачал головой юный герцог.

— Скажи мне... Когда ты вернешь себе положение и тебя твои доброжелатели спросят: «Где вы укрывались, ваше сиятельство?», что ты ответишь?

— В другом мире, потом в доме у имперского палача.

— Неправильно.

— Это же правда, — мелькнул гнев в его глазах.

— Отчего же? Это лишь часть правды. Которую не факт, что кому-то надо знать. А официальная правда заключается в том, что укрывались вы в Имперской Военной академии, куда проникли хитростью. Это может хоть как-то унижить вас? Или кинуть тень на вашу честь?

— Нет, но...

— Все. Слова «нет», которое вы сами и сказали, вполне достаточно.

— А вы? — поднял он на меня несчастный взгляд.

— А меня воспитали, что любой труд почетен, — пожала плечами. — И поэтому я не чувствую себя униженной. Тем более что все это существенно повышает наши шансы на выживание.

— Почему ты так хочешь отослать нас в эту академию? — спросил Паша. — Мы ведь изначально собирались снять дом. И деньги у нас на это есть!

— По нескольким причинам. Во-первых, все получилось случайно — следовательно, те, кто будет нас искать, не смогут просчитать этот наш шаг. Во-вторых... Скажите, Рэм, кому-нибудь придет в голову искать вас в академии, а женщину, что вас сопровождает, — в экономках у милорда Верда?

— И в страшном сне это никому не приснится.

— Вот поэтому я и настаиваю. И, кстати говоря, есть еще и в-третьих.

— Любопытно послушать, — чуть улыбнулся Рэм. И я поняла, что

убедила.

— Вы с Пашей будете заняты делом. Вы будете учиться. Делать уроки, дружить с другими мальчишками. Или драться с ними. То есть вести максимально нормальную жизнь. А не сидеть, спрятавшись в домике, и ждать... А теперь еще раз повторяем легенду — и поехали.

Его милость прислал за нами экипаж — все, как мы вчера с ним договорились. Меня удивило то, что он, человек, безусловно, занятой, ожидал нас на пороге собственного дома.

Дом был... неожиданно легкий, словно воздушный, стремящийся вверх, к солнцу. Я, честно говоря, ожидала увидеть, скорее, серый, мрачный и неприступный замок, но не изящный дом из белого камня, с башенкой слева от входа.

— Молодые люди, вы со мной, — отдал он приказ Рэму и Паулю, после того как мы раскланялись на пороге. — Я оформлю вас в академии под фамилией своей матери как дальних своих родственников, будете зваться мастером Рэмом Рэ и мастером Паулем Рэ. Надеюсь, мне не придется стыдиться того, что я дал вам возможность назваться своей фамилией?

— Нет, милорд, — коротко поклонился Рэм.

Пауль повторил его движение.

— Вот и славно. Сударыня, дом в вашем распоряжении. Слуги предупреждены, — обратился милорд Верд уже ко мне.

— Милорд, — присела я в короткий книксен. Хорошо, что мы их отработали с Рэмом.

— До вечера, — кивнул он мне.

— Одно мгновение, — остановила я его.

— Слушаю вас.

— Когда вы сможете уделить мне время, чтобы я могла получить четкие указания?

Милорд скривился как от зубной боли:

— Это обязательно?

— Простите, но ваших мыслей читать никто не умеет, — нахмурилась я. — Даже я. Пожалуйста, милорд. Один раз.

И тут же улыбнулась.

Он поджал губы:

— С вас вкусный ужин.

— А что вы любите?

— Мясо, — кровожадно и в чем-то ожидаемо заявил он. — Доброго

дня, госпожа Лиззард. Молодые люди, лошади оседланы. Вперед.

Мне захотелось кинуться вперед, обнять мальчишек, погладить одного и второго по голове, предупредить, чтобы были осторожнее, всхлипнуть... Но я поймала ироничный взгляд лорда Верда и замерла. Сцепила руки и заставила себя остановиться...

Мы с сыновьями вежливо раскланялись. Мужчинам подвели лошадей — и вот их уже не было. Только удаляющийся стук копыт.

Я вздохнула тяжело — и отправилась в дом. Смотреть, что у нас там плохого... Интересно, что все-таки случилось, что милорд так взъярился на прислугу. И чего он там не поделил с экономкой, что она срочно собрала вещи.

— Сударыня! — поприветствовал меня седой, чопорный на вид пожилой мужчина, недовольно поджавший губы при моем появлении. — Рады приветствовать вас.

— Благодарю вас. — Я стала развязывать ленты шляпки. — Я — ваша новая экономка, госпожа Лиззард. Будьте добры, пригласите прислугу Я бы хотела познакомиться.

— Слушаюсь. — Его губы поджались совсем в тонкую нитку.

— И кто бы сомневался, — пробурчала я, — мое появление восприняли без восторга.

Слуг было четверо. Первым вперед вышел мужчина в возрасте, раскрывший мне дверь.

— Адерли. Джон Адерли, — представился он по фамилии. — Камердинер его милости.

— Очень приятно, — улыбнулась я ему.

— Натан, — представился конюх, подводивший лошадей, молодой улыбчивый мужчина.

— Оливия, — подошла к нему симпатичная женщина. — Я — горничная.

— И моя жена, — добавил Натан.

— Хорошо. — Мне эта пара понравилась.

— Каталина, — сухо сказала еще одна женщина. — Я — повариха.

— Замечательно, — обрадовалась я. — Нам надо договориться о том, что будет сегодня на ужин. Милорд распорядился...

— А давайте вы будете заниматься своими делами, — зло отрезала женщина, — и не лезть в мои.

— Любезная, — заговорила холодно теперь уже я. — Вы немного не поняли. Меня наняли именно потому, что хозяин недоволен тем, как исполняются его приказы. В частности, он что-то говорил о том, что никак

не может добиться, чтобы на завтрак подавали еду, которая ему нравится. Поэтому я буду выполнять ту задачу, для которой меня сюда пригласили, — обеспечивать такую работу служащих в этом доме, которая была бы по душе милорду Верду. Чуть позже я зайду к вам на кухню уточнить меню на ужин и на завтрак.

Я специально говорила все это мерзким, преподавательским голосом и не сводила глаз с Каталины, пока она не кивнула.

— Так лучше. Оливия, покажите мне, пожалуйста, дом. Все остальные могут заниматься своими делами.

Дом... Что и говорить — дом был богат. Мрамор каминов, изящество безделушек, преобладание белого, бежевого и золотистого. Картины на стенах — портретов не было. В основном пейзажи. На первом этаже — роскошная гостиная, столовая, библиотека с роялем. Отдельный коридор вел к господскому кабинету за закрытой на ключ дверью. Вверху, на втором этаже, в одном крыле были хозяйские покои, в другой стороне отдельная лестница вела к комнатам слуг. Под этими комнатами располагалась огромная кухня.

— Красиво, — улыбнулась я. — И дом содержится в порядке. Наверное, это не легко для вас — он очень большой.

— Прежняя экономка раз в неделю нанимала поденщиц из деревни, — ответила Оливия.

— Хорошая практика, — обрадовалась я. — Вы подскажете, к кому стоит обращаться?

— Конечно, госпожа Лиззард.

— Вы можете заниматься своими делами, а я пойду на кухню.

— Могу я задать вопрос?

— Конечно.

— Какие комнаты вам приготовить? В... господской половине?

— А где жила прежняя экономка?

— В нашем крыле, — растерялась девушка.

— Вот и замечательно, — доброжелательно откликнулась я. — Не будем отступать от правил.

— Но, может быть, вам будет удобнее... — смешалась горничная.

— Я заселюсь в ее комнаты. Подготовьте их, пожалуйста.

И я поспешила на кухню.

Интересно, меня что — всерьез посчитали любовницей милорда Верда? Может, и комнату решили зажать, предполагая, что я поселюсь рядом с ним? Нет, мужчина он, конечно, видный. Привлекательный. Но... И работаю я на него. И некстати какие-то отношения сейчас. И не факт, что

мы друг друга заинтересуем...

Поймала себя на том, что я улыбаюсь, рассуждая о том, каково это — иметь в любовниках такую персону. Похоже, я все-таки немножко сошла с ума от всех своих приключений... Покачала головой — и зашла на кухню.

— Добрый день еще раз, Каталина. Что на ужин?

— Мясо под карамельным соусом со сложным гарниром из овощей, — гордо сказала она. — Салаты. И заливное из дичи.

— А как милорд относится к карамельному соусу? Я так понимаю, это на любителя?

— В новом сезоне это самый модный вид горячего, — отрезала она.

— Не буду спорить. Я лишь хотела спросить, любит ли его милорд. Этот самый карамельный соус.

— Не жаловался, — прошипела повариха.

— Ладно, допустим. Кстати, а что его милость любит на завтрак?

— Понятия не имею, — гордо заявила Каталина. — Я варю овсянку.

Я рассмеялась. Что-то это все мне напомнило ситуацию с сэром Баскервилем в нашем незабвенном фильме о Шерлоке Холмсе:

— Мальчик любит овсянку...

— Она полезная. Ее положено есть на завтрак! — продолжила Каталина.

— Кем положено? — аккуратно спросила я.

— Положено — и все!

— И так каждый день?

— Конечно.

Я вздохнула от сочувствия к милорду Верду. Подумать только: иметь репутацию имперского палача, быть сыном императора, пусть даже и незаконнорожденным, не последней персоной в своем отечестве — и получать по утрам ненавистную овсянку. Изо дня в день. Без права на отдых... И помилование. Может, Каталина и есть чья-нибудь засланка и мстит милорду за прошлые преступления и подвиги? Кашей!

— А вам не кажется, что пытаться воспитывать взрослого самоопределившегося мужчину — это как-то... смешно, — сказала я вслух.

Наша повариха зафыркала, не соглашаясь.

— Напеките на завтрашнее утро блинов, — распорядилась я. — Надо узнать, с чем милорд их любит.

Ко мне повернулись спиной, давая понять, что аудиенция окончена.

— Каталина, а как питаются слуги?

— Я готовлю на всех. — Она уже не поворачивалась.

— Хорошо. А как закупаются продукты?

— Раз в неделю. Я пишу список. Прежние экономки сами ходили в деревню, чтобы заказать там продукты. Нам их доставляют.

— Что с этой неделей?

— Все заказано.

— Я узнаю у его милости, что он предпочитает из еды. И к пятнице мы вместе с вами уточним список.

Мне уже не ответили.

Глава 7

Мой сын сказал бы, что это «подстава». Рэм бы, наверное, улыбнулся краешком губ и отметил, что я должна была бы это предвидеть. Сама я могла лишь обзывать себя дурой.

Милорд Верд ненавидел «подслащенное мясо» — как он выразился. При этом он с какой-то детской укоризной посмотрел на меня. Я понимала, что по большому счету не виновата. Но было тоже как-то обидно.

«Ну, погоди, — подумала я, мысленно обращаясь к поварихе. — Зараза!»

А в слух произнесла:

— Милорд, во избежание подобных недоразумений давайте составим...

Хотела сказать «пакт о ненападении», но осекалась. Скорее всего, женщины в этом мире так не говорят.

— Прошу вас, пойдемте в библиотеку, — поднялся он.

И я, сжимая в руках записную книжку и карандаш, отправилась за ним.

— А вы серьезно подходите к своим обязанностям, — рассмеялся он, внимательно посмотрев на меня.

— Я привыкла выполнять свои обещания, — хмуро ответила я.

Непонятно в этой ситуации было то, что сам вельможа не так уж и рассердился — скорее опечалился. Я, между прочим, злилась на нашу повариху и ситуацию в целом гораздо больше, чем он.

— Присаживайтесь. — Он кивнул на кресло возле камина, опустившись в соседнее. — Что вы хотели спросить?

Я осталась стоять перед ним, наблюдая, как он вертит широкое кольцо на указательном пальце левой руки. На кольце черными бриллиантами удивительно изящно был выложен грифон, распластавший крылья: как я уже знала, это был герб правящего дома Тигвердов. Только слева, уже алыми камнями, была проведена алая полоса — должно быть, знак того, что владелец этого герба незаконнорожденный.

— Миледи... Госпожа Лиззард...

Я поняла, что залюбовалась на длинные пальцы, что вертели кольцо, и потеряла всякую связь с реальностью. Мне стало неловко. Щеки полыхнули.

— И все же присядьте, — мягко сказал милорд Верд. — Я настаиваю.

Кивнула. Села. И проговорила, хорошо еще не запинаясь:

— Что вы не выносите из еды? Кроме овсянки — это я уже поняла. И мяса со сладким соусом.

— Пожалуй, что и все.

— Что вы любите?

— Из еды? — насмешливо поинтересовался он.

Я с укоризной на него посмотрела.

— Печености всякие, — смущенно признался он. — Пирожки, блины, булочки... Как мама и бабушка готовили. Обедневшие дворяне, знаете ли... Денег на прислугу особо нет. Ничего нет, кроме гордости. Может быть, меня эта ваша фраза и зацепила в парке. Какое-то время я себя ощущал так же.

И у него как-то получилось легко, беспечно улыбнуться. Хмурые, словно специально сложенные для того, чтобы показывать недовольство, черты лица разгладились, и он стал потрясающе красив. Надо же...

— Хорошее время было. Знаете, это были, пожалуй, единственные люди, которые меня любили. Просто так, просто потому, что я был на свете... даже, наверное, вопреки всему, что я принес в их жизнь. — И мне показалось, что милорд забыл о моем присутствии.

Он задумался, глядя на огонь. Потом сказал:

— Хотя нет — есть еще старые солдаты. С которыми я прошел все кампании.

— Как господин Джон Адерли? — не могла не спросить я.

— Да. Мы служили с ним вместе. Я могу попросить вас быть с ним помягче?

Кивнула:

— Разумеется, милорд.

Мне хотелось спросить, как там устроились Пауль и Рэм, но я как-то не решалась. Все-таки я служащая...

— Вроде бы вашим сыновьям понравилось, — вдруг сказал милорд Верд. Угадал мой вопрос, наверное. — Приняли их, во всяком случае, неплохо. Теперь все зависит от них.

— Что вы имеете в виду? В академии может быть опасно?

— Нет. Мы очень внимательно следим за кадетами и стараемся предусмотреть все.

Я достаточно скептически фыркнула.

— Вы знаете, кстати, для чего была создана Имперская военная академия для отпрысков самых знатных родов? — спросил у меня хозяин поместья.

— Для чего же?

— Чтобы забрать подростков из семей и воспитать их в духе преданности императору и Империи. Плюс чтобы ослабить влияние родственников. И особенно матерей.

— Чем же Империи так матери не угодили? — резануло меня по сердцу его фразой.

— Мужчина должен быть мужчиной. Уметь принимать решение и нести за него ответственность. А матерям, уж простите меня, свойственна гиперопека. А потом они удивляются, что вырос не сын, а размазня.

— Как часто мне можно будет видеть моих мальчиков?

— Вот видите, вы говорите «моих мальчиков». А они и не ваши — они сами по себе. И не мальчики уже — взрослые. И доказали это тем, что встали на вашу защиту, когда увидели во мне угрозу. Это-то меня и подкупило. И не расстраивайтесь так. Вы как раз вполне здравомыслящая особа.

— Спасибо, — получилось иронически.

— Но вы не согласны со мной?

— В том отношении, что сыновей необходимо забирать от их матерей, чтобы те их не испортили?

— Вы как-то неправильно видите ситуацию, — обиженно сказал он. — Я считал, что Его Величество поручил мне важное и необходимое дело — пусть даже и трудное. А вы так говорите, словно я изверг какой-то...

— Простите, я просто переживаю.

— Вам все равно рано или поздно придется привыкнуть, что у вас разные жизни, — тихо сказал он. — И это не значит, что сыновья вас забудут или будут любить меньше. Просто жизнь... Она такая. Она разведет...

— Спасибо вам...

— Если у них не будет замечаний по учебе или по поведению, я смогу привозить их на выходные. Так делают все — и я не буду выглядеть исключением.

— Могу я просить рассказать вас о своем распорядке дня? — решила я поменять тему разговора.

— Просыпаюсь я рано. Завтракаю в семь утра. В восемь удаляюсь на работу. Как правило, приезжаю на обед в два... Ужинаю — когда возвращаюсь. Обычно — поздно.

— Что вы предпочитаете на обед? Чтобы не получилось, как с этим соусом, «самым популярным в сезоне», — не удержавшись, передразнила я

повариху.

Милорд, кажется, все понял и улыбнулся. Что-то во мне его веселило:

— Вы не замечали, что у нас, в Империи, принято вести себя так, как полагается по статусу? Иной раз — слишком?

— Что вы имеете в виду? — аккуратно спросила я. А то я знаю, как положено вести себя в Империи.

— У меня есть статус. Я вельможа, приближенный к короне. Доверенное лицо. — Он скривился. — Следовательно, я должен есть продукты определенного перечня, устраивать свою жизнь по определенным правилам, выбирать только определенных женщин и демонстрировать лишь определенные чувства и эмоции.

— Какие именно?

— Безразличие пополам с презрением, пожалуй. Еще в моде — скука. Ее, как и бледность лица, принято демонстрировать.

— А слуги? Почему у вас с ними проблемы? Я, честно говоря, думала, что если у человека определенная репутация, то ему покоряются. И боятся его разгневать...

— Меня тяжело разгневать подобными мелочами. Я, как правило, не обращаю на них внимания. Мне попросту некогда задумываться о том, что мне подали на обед или на ужин. Если уж я нашел время его проглотить. Наш разговор с вами при первой встрече... Это был какой-то непонятный мне самому душевный порыв. Надо отметить, мне совершенно не свойственный.

Он поднялся, отошел к столику, заставленному графинами, бутылками, бокалами и рюмками разных мастей.

— Хотите выпить? — поинтересовался он, наливая себе что-то мутноватое в маленькую рюмочку.

— К вопросу о том, что принято, а что — нет... — Я пыталась понять для себя, не выдам ли я непонимание местных обычаев и традиций...

— Ничего предосудительного — глоток чего-нибудь вкусного. У вас ведь тоже был тяжелый день?

— Не без этого. — Я поднялась и пошла к нему.

— Глоток вишневой наливки? Вина не держу — не люблю я его. А слабее наливки ничего нет.

— Хорошо. Так что вы предпочитаете есть на обед? — вернулась я к теме разговора.

— Без разницы, — упрямо сказал он.

«Слышала я такое уже. Просто мясо — пока хватит».

— Есть суп, который вы не любите?

— Нет. — Он страдальчески посмотрел на меня — и налил себе еще рюмку.

— Вы едите рыбу и грибы?

— Да.

— Допускаются ли приправы и зелень?

— Какую-то приправу я не люблю, — признался он.

— Какую? — сделала стойку я.

— Не помню. Но я от нее чихаю.

Я залпом, наплевав на приличия, выпила наливку. Крепко, но вкусно. Сладко.

— Тяжелый случай, — пробормотала я.

— Вы что-то сказали?

— Теперь по поводу ужина...

— Я вас обязательно познакомлю с милордом Милфордом, — широко улыбнулся мой хозяин.

Поймав мой удивленный взгляд, он добавил:

— Это начальник имперской контрразведки, мой друг. Что-то мне подсказывает, что вы ему понравитесь.

«Красота! Только с контрразведкой мне не хватало познакомиться...» — подумала я. И продолжила:

— Сколько перемен блюд должно быть на ужине?

— Слушайте, может, еще по наливке и поговорим о чем-нибудь другом? А то я себя ощущаю как на допросе.

— Тогда мне понадобится больше времени, чтобы понять, чем вас кормить. Так сказать, опытным путем составить меню. А вам придется потерпеть.

— Договорились, — безропотно согласился вельможа со зловещей репутацией. — Только я должен предупредить, что у меня обедают по вторникам мои дипломники.

— Сколько человек?

— Шестеро, включая меня.

— Замечательно, — опечалилась я. — Сегодня какой день недели?

— Четверг.

— Время есть.

— Не переживайте. И еще одно. В моем кабинете слуги должны убираться лишь в вашем присутствии. Не то чтобы там лежало на виду что-то секретное. Просто — порядок такой.

— По поводу порядков... Могу я брать из библиотеки книги, чтобы читать их у себя?

— Можно, — пожал он плечами. — Только там практически нет развлекательной литературы.

— Я заметила. Труды по истории, военному делу. Мемуары. Исследовательские работы.

— Надо же, — улыбнулся он, — у вас такой восторг в глазах. Интересно...

— Пожалуй, мне пора, — аккуратно поставила я бокал на столик.

— Кстати говоря, вы не спросили о самом главном.

— О чем же?

— Где брать деньги на хозяйство.

Глава 8

Не знаю, как бы меня разместили, будь я гостьей милорда — до гостевых спален мы не добрались вчера, — но и меня, экономку, разместили роскошно. Две небольшие, но уютные комнатки. Одна — проходная — выполняла роль гостиной, другая была спальней. К ней примыкали ванная комната и гардеробная. Мда... Я со своими несколькими платьями робко заняла краешек. Подумала. И гордо водрузила на одну из полок волшебный саквояж.

Спала я плохо, каждый час просыпаясь и поглядывая на часы. Все боялась проспать и не явиться на кухню в шесть утра. Надо же было проверить, собирается ли милейшая Каталина выполнить мое распоряжение или нет.

И все равно звонок будильника стал для меня неожиданностью. Я поднялась, умылась — удобства в доме с канализацией и водопроводом несказанно радовали. Нацепила сбрую — по-другому именовать местное нижнее белье у меня не получалось. Несильно зашнуровала корсет — он был достаточно мягкий, и шнуровка находилась спереди, — натянула чулки. Тяжело вздохнула, надевая панталоны — с кружавчиками, по колено. Платье-ночнушку очередного светлого цвета. С рукавчиками-фонариками. Фух, аж запыхалась.

Что забыла? Ах да. Волосы... Волосы приходилось на ночь завивать на специальные тряпочки — папильотки. Взбрызгиваем льняным отваром и закручиваем. А что делать — должна же я выглядеть как бе-е-едная овечка...

Посмотрела на себя в зеркало повнимательнее. Если забыть, насколько неудобна вся эта одежда, смотрелась я премило. Эдакая беззащитная, очаровательная и томная. Правильные черты лица, красивые губы. Серо-голубые глаза сверкают. Волосы нового янтарного оттенка радуют. Только платье подкачало. Или я в нем — не понять. Вздохнула. Ладно, хватит любоваться — все равно я дама не первой молодости, тридцать четыре все-таки... Так что вперед к свершениям.

Посмотрела на часы — обнаружила, что прособиралась полчаса, значит, если мне на кухне надо появляться в шесть, минут в пятнадцать седьмого, вставать надо на двадцать минут пораньше.

— Доброе утро, Каталина, — бодро поприветствовала я повариху, что скривилась при моем появлении слишком уж демонстративно. — Что вы

приготовили на завтрак милорду?

— Овсянку, — гордо отвечала она.

Я пожала плечами, открыла один из шкафов, куда еще с вечера сложила все, чтобы по-быстрому напечь блинов. Осталось только достать молока из холодного — так назывался специальный шкаф, куда слуги складывали продукты, чтобы те не портились.

Больше всего я переживала за незнакомую сковородку — кто его знает, как себя поведет тесто, будет ли переворачиваться. Но все обошлось. Один румяный блинчик, потом второй...

Я мурлыкала под нос песенку, не обращая внимания на опешившую Каталину — у нее, видимо, случился разрыв шаблона. Я так поняла, что готовить дворянкам, за которую меня и принимали, — нельзя. Хотя, если я правильно поняла вчерашние рассуждения одного страдающего нестандартностью милорда, не так нельзя, как не принято. А статусу надо соответствовать.

Когда через двадцать минут подошла Оливия, чтобы нести еду — на стол она накрыла, — у меня уже все было готово. А холодное отварное мясо, ветчину и несколько сортов сыра к блинам я нарезала еще с вечера.

— Каталина, — обратилась я к поварихе. — Послушайте меня внимательно. Я не буду скандалить и кому-то что-то доказывать. Я вас уволью — и дело с концом.

— Милорду отказалось помогать агентство в поисках персонала. Еще летом, — злобно ответила она. — Меня и последнюю экономку он нашел по рекомендации графини Олмри. Так что я не думаю...

— При необходимости я договорюсь с агентством, можете мне поверить. И мне проще готовить самой, чем ждать каких-то проблем от вас.

— Не боитесь руки испортить?

— Нет, — улыбнулась я. — Вот чего-чего, а этого я не боюсь.

— А что на это ваш любовник скажет?

— У меня нет любовника, во-первых. И если бы люди занимались своими делами, а не лезли бы в чужие — всем было бы жить легче. Это во-вторых. Вы это уяснили?

— Да, госпожа Лиззард.

— Я расписала порядок завтраков для милорда. Там оладьи, блины, сырники, булочки и прочие вкусности. Кстати, от какой приправы он чихает?

— От гвоздики.

— Выбросьте ее всю.

Она независимо пожала плечами.

— Что на обед?

— Тыквенный суп-пюре, рыба под кисло-сладким...

— Стоп. Сладкие соусы вы больше не готовите.

— Он же лорд, — возмутилась Каталина. — Не какой-нибудь ремесленник или торговец. Ему положено...

— ...кушать то, что ему нравится. А наша с вами работа — это организовать. Соус к рыбе сделайте несладкий.

Построив кухарку, уточнив, что надо заказать в деревне, я обошла дом. «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»,^[2] — вспомнилось мне старое, доброе, школьное.

Все было в порядке. Все трудились на ниве феодализма — или что там у них, надо бы разобраться... Все во вверенном мне хозяйстве было в порядке. И я пошла в близлежащую деревню знакомиться с ее жителями.

Места действительно были потрясающей красоты и какой-то неожиданной умиротворенности. Пронизанная светом дубовая роща, в центре которой на пригорке находился дом. Листья чуть начинали менять окраску с зелени на медь. Неширокая ухоженная дорога, которая вела в мир: в деревню, примыкающие к ней здания академии и дальше — в столицу. Я спускалась с пригорка и уже видела деревенские дома — добротные, серого камня, с изгородями из высокого колючего кустарника багряного цвета, как меня окликнули:

— Госпожа! Я могу к вам обратиться?

Ко мне, сняв картуз, подходил мальчик лет девяти-десяти. Светленький, щупленький. Бедно, но чисто одетый.

— Добрый день, — ответила я ему. — Ты житель этой деревни?

— Да, госпожа. А вы из поместья?

— Совершенно верно. Я новая экономка милорда Верда. Меня зовут госпожа Лиззард.

— Я хотел просить вас о милости, госпожа...

— Слушаю тебя.

— Мне очень нужна работа. Прежняя экономка разрешала разбирать покупки, носить ее корзинку, когда она бывала на рынке. А еще она нанимала маму на поденную работу в доме. Вы можете у старосты спросить, я правду говорю.

— Так ты меня специально поджидал, чтобы предложить свои услуги?

Он склонил голову.

— Как тебя зовут?

— Вилли, госпожа.

— Хорошо, Вилли. Я согласна взять тебя на работу. Мне как раз нужен

быстрый, ловкий и ответственный мальчик, который будет выполнять мои поручения.

Его лицо расплылось в такой искренней и счастливой улыбке, что мне стало неловко — я же просто наняла себе маленького помощника...

— Пойдем, Вилли, ты сегодня назначаешься моим проводником. Я тут человек новый. Мне надо знать, кто чем торгует, у кого что покупать. А кого нанимать в поместье для грандиозной уборки.

Мальчишка оказался смысленый и опытный. Кроме того, ехидный и точный в определениях. И очень наблюдательный. Я узнала, у кого свежее мясо, кто обвешивает, у кого стоит покупать цыплят, а у кого — нет. Кто как работает — это касалось женщин, которых время от времени нанимали в поместье. Он свел меня с молочницей. «Лучшее молоко, моя госпожа, клянусь всеми стихиями!» Я сразу и договорилась о ежедневных поставках в поместье.

Поймала себя на том, что иду, возвращаясь в поместье, и улыбаюсь. Все-таки все хорошо устроилось, а сегодня уже пятница — и я увижу мальчишек. Вилли шел чуть позади и тащил огромную корзинку с моими покупками. Вроде брала всего по чуть-чуть, а получилось, как всегда.

Когда мы подошли к дому, к специальному боковому входу для покупок и слуг, ко мне подбежала встревоженная Оливия:

— Госпожа Лиззард! Вас к себе милорд Верд требуют. Задержались даже после обеда. А вас все нет и нет.

— Где он? — спросила я, снимая шляпку.

— В кабинете. Только... еще перчатки снять положено.

Я кивнула, на ходу стаскивая неудобные узкие перчатки.

Что случилось?

Хорошее настроение, навеянное прогулкой и общением с неугомонным Вилли, исчезло, осталась только тревога.

— Оливия, там со мной молодой человек, Вилли. Последите, чтобы его покормили, — и пусть меня дождется.

— Слушаюсь, госпожа Лиззард.

Она забрала у меня перчатки на пороге господского кабинета, в котором я еще не была. Я постучала.

— Да, — раздался недовольный голос милорда.

— Прошу прощения за то, что заставила вас ждать — меня не было в доме.

— Я так и понял. Вы были в деревне.

— Да, милорд Верд. Хотела спросить, я могу нанять мальчика для поручений?

— Это неугомонного Вилли? — неожиданно искренне улыбнулся он.

— Именно так.

— На здоровье. Назначьте ему содержание побольше — у него отца нет, он в семье единственный кормилец, как я понимаю.

И он замолчал, поглядывая на меня, словно и не зная, как изложить мне новости, ради которых он стал меня дожидаться.

— Что с сыновьями? — Сердце ухнуло куда-то, а затылок заledenел.

— Они не приедут сегодня домой.

— Что случилось?

— Может, вы присядете?

Я посмотрела на него зло. Увидев мой гнев, он как-то недоверчиво хмыкнул, не привык, наверное, чтобы на него так смотрели.

— На самом деле ничего страшного не произошло. И не произойдет. Просто у них сегодня на закате состоится дуэль — и после этого все участники, как вы понимаете, будут торжественно препровождены в карцер.

— Как дуэль? Как карцер? — уже бежала я.

— Куда вы? — раздался окрик мне в спину.

— Я забираю своих сыновей, и мы уезжаем, — отрезала я. — Немедленно.

— Никуда вы не поедете. И молодые люди останутся там, где они есть. — Лед в его голосе обжигал.

Я дернула дверь на себя. Она не открывалась.

— Прекратите истерику, сядьте и послушайте меня внимательно, — раздался приказ.

Поскольку я не собиралась его слушать, я упорно дергала ручку двери.

— Госпожа Лиззард! — новый окрик. — Прекратите сейчас же. Я почему-то считал вас спокойным уравновешенным человеком — только потому и предупредил. А вы... — Он взял меня за плечи, развернул к себе. — Да вы дрожите вся, — в голосе теперь слышалось удивление — и мне нестерпимо захотелось его чем-нибудь стукнуть. — Успокойтесь. Им ничего не грозит. Сядьте.

Милорд Верд усадил меня на стул и уставился темными-темными, практически черными глазами.

— Налить вам выпить?

Я покачала головой. Что еще ожидать от мужчины, когда тот хочет успокоить?

— Разве что нечто мутное и явно крепкое, что вы пили вчера, — вырвалось у меня.

— Что? — вот тут опешил он. — Вы претендуете на мой гномий самогон, который мне привозят лично и контрабандой?

Признавая поражение, я подняла руки вверх:

— Простите, нервы. Так что случилось?

Глава 9

Мне все-таки удалось удивить милорда Верда.

— Никогда не видел настолько упрямую женщину! — рычал милорд Верд в конце нашего разговора, но мне удалось главное: мне разрешили наблюдать за дуэлью.

Для себя я решила, что если почувствую хоть какую-то угрозу для Рэма или Пауля, то немедленно прекращу весь этот цирк, и мы, активировав артефакт перехода, просто-напросто исчезнем.

— Еще раз вам повторяю, ничего непредсказуемого или экстраординарного не происходит. Представьте себе, молодые люди всегда, во все времена, выясняли — кто первый, кто самый сильный... На мой взгляд, мастер Рэм и мастер Пауль поступили вполне достойно, соответственно ситуации. Им сказали о том, что они ублюдки из рода ублюдков, — и мастер Рэм немедленно кинул перчатку в лицо юному маркизу Борнмуту. Мастер Пауль тут же поддержал брата, заявив, что выступит в роли секунданта. Должен отметить, что я всецело на их стороне — они ведь с братом записаны как мои дальние родственники — следовательно, оскорбление нанесено и мне.

— Я вот чего не понимаю... Если администрация в курсе конфликта, если вы и остальные преподаватели все знаете, то почему?..

— Не остановим?

— Да. Ведь кто-нибудь может пострадать.

— Может, — согласился милорд. — Но если мы будем все время вмешиваться — как мы воспитаем молодых мужчин? Приученных отвечать за свои слова — а юный маркиз, безусловно, заслуживает трепки.

— А какой урок должны извлечь мои дети?

— Если хочешь, чтобы к тебе и к твоей семье относились с уважением и пиететом, надо быть сильным.

— Сильным, сильным, сильным... Вы заметили, что все время повторяете это слово? Может, надо быть умным и уметь избегать конфликтов?

— Ну, во-первых, сила ума не отменяет...

— В нашей местности любят говорить: «Сила есть — ума не надо», — проворчала я.

— Никогда не слышал, — удивленно посмотрел он на меня, и я прикусила язык — нашла, кому русские народные поговорки цитировать!

— А во-вторых? — постаралась я отвлечь милорда Верда.

— Во-вторых, всегда надо уметь защитить то, что тебе дорого. К сожалению, наш мир не совершенен, и это может сделать только сильный. Причем я имею в виду не только силу тела. Но и силу духа. Кстати, вы умеете ездить верхом?

— Нет. — Я удивленно посмотрела на милорда Верда, не понимая, откуда такой переход с темы на тему.

— Экипаж будет весьма и весьма приметен. А мне бы не хотелось афишировать свой интерес и свое присутствие. Сударыня, нам придется пойти на серьезное нарушение приличий.

Честно говоря, я подумала, что он иронизирует. Посмотрела прямо ему в глаза: нет — серьезен. И прямо-таки огорчен мыслью об этикете. Что же мне придется сделать?

— Милорд, я всецело доверяюсь вам. — Постаралась, чтобы и мой тон не нарушал патетичность момента.

— Мне придется посадить вас в седло перед собой.

— Хорошо, — кивнула я.

Мы договорились, что я буду его ждать за воротами поместья — там неподалеку от них среди дубов лежал огромный камень — практически кусок скалы, — заросший мхом. Вот около него мне и приказали быть в восемь вечера.

— Я возьму вас, если вы будете спокойны, — сказал мне напоследок милорд Верд. — Если я увижу хоть какие-то признаки истерики, нервного припадка и чего-нибудь дамского, я выдам вам нюхательные соли и оставлю дома.

Ну что на это скажешь? Я коротко поклонилась и вышла. На этот раз дверь сразу распахнулась.

До восьми вечера я всячески пыталась себя занять — чтобы действительно не скатиться в истерику. Терять самообладание сейчас было нельзя. Я взяла книгу расходов — и стала составлять списки покупок на следующую неделю. Потом сходила к Каталине и обсудила меню. От меня, наверное, шла такая энергетика, что ни подколок, ни возражений я не услышала. Запланировала генеральную уборку на понедельник, отправила Вилли сообщить поденщицам, что мы их ждем. Определилась, кто сколько получает в неделю. Подумала, как хорошо, что милорд Верд без моих просьб решил платить Вилли — очень хотелось помочь мальчику.

И хотя от выматывающего тиканья в голове я не избавилась, да это было бы и невозможно, в руках я себя держала.

Я прибежала к камню рано — сил ждать уже не было. Понарезала

круги вокруг деревьев. Еще раз запретила себе думать о плохом. Напряженно застыла, вслушиваясь, когда же раздастся стук копыт.

— Вы забыли шляпку и перчатки, — поприветствовал меня милорд Верд, подъехавший со стороны, противоположной от дома. — Постарайтесь впредь так не делать.

— Хорошо. — Не говорить же ему, что головных уборов я даже нашей питерской зимой не ношу.

Он возвышался надо мной. Его конь нетерпеливо перебирал ногами, поглядывая с истинно аристократическим высокомерием на букашку в моем лице, что возникла на его пути.

— Не отправлю вас домой только лишь потому, что намерен накинуть на нас личину невидимости. Я думаю, вы согласитесь, что никому не стоит знать о том, что мы с вами ездили наблюдать за ходом дуэли.

Я лишь кивнула — говорить не хотелось. Да и боялась, что голос будет дрожать. Господи, как же я боялась! Милорд Верд изучающее меня разглядывал.

— Все-таки зря я все это затеял. Надо было попросту промолчать, — сказал он, как мне показалось, себе самому.

— Пожалуйста. Поедьте. Я обещаю не вмешиваться. Но оставить меня в поместье — это жестоко.

Тяжелый вздох. Потом слова:

— Подойдите ко мне. Слева. Это право. Слева — это с другой стороны. Хорошо. Вставляйте на кончик сапога и протягивайте мне обе руки. Не бойтесь.

Ощущая себя неуклюжей собакой на заборе, я утрамбовалась перед ним. Мы тронулись. Шагом, потом быстрее. Высоко-то ка-а-ак!!!!

— Расслабьтесь, — слышалась команда. — Вы так нервничаете, что Гром тоже дергается.

Я побоялась сказать, что мне нестерпимо страшно, — понимала, что милорд попросту ссадит меня с коня и велит идти домой. Поэтому я выдохнула — и заставила себя расслабиться. По крайней мере, попыталась.

— Ваши сыновья держатся в седле намного лучше. — Теперь в голосе звучала явная насмешка.

— Они занимались, — пробормотала я.

— А вы — нет?

— Не думала, что мне это пригодится.

— Зато завтрак вы мне организовали просто изумительный, — теперь в голосе слышались бархатные нотки. — Свершилось то, о чем я так долго мечтал.

— Я вот все равно не пойму, милорд...

— Что именно, госпожа Лиззард?

— Вы же командовали солдатами. Армиями. Теперь учениками и преподавателями...

— И вас интересует, почему я позволил прислуге сесть мне на голову?

— Именно.

— Вам известно, что делают с солдатом или офицером, не выполнившим приказ?

— В военное или в мирное время? — не могла не уточнить я.

Надо мной раздался довольный хмык.

— Значит — известно... От гауптвахты — до казни... В зависимости от ситуации. Это там, где мне все понятно. А дома, я могу или гневаться — но повод нелепый, — или уволить всех... И тогда искать еще кого-то. Экономок, кстати, за год я сменил семерых.

— А что так?

— Все никак не мог объяснить, что обо мне нельзя сплетничать. Особенно с посторонними. И не надо сливать информацию обо мне в газеты. Тем более явно выдуманную. И не стоит устраиваться на работу, чтобы получить допуск в мой дом и попытаться пристроить свою девственную титулованную родственницу в мои жены...

— Серьезно? — рассмеялась я.

— Этим как раз пыталась заниматься предпоследняя экономка.

Я уже хохотала в голос.

— Вот вам смешно, а если бы у меня была хоть мало-мальски приличная репутация, эта история ее бы уничтожила.

— А я всегда считала, что вопросами репутации больше озабочены дамы.

— Не без этого, но, согласитесь, когда все тебя обсуждают и хмыкают у тебя за спиной — в лицо мне это делать никто не рискует... — приятного мало.

— Согласна... Противно.

— Хотя, если вспомнить о моем происхождении, я, наверное, должен был уже привыкнуть.

— Наверное, все равно хочется, чтобы люди оставили тебя в покое.

— Именно так.

— А что с вашей последней экономкой? Та, которая собрала вещи в тот день, когда мы познакомились?

— Сдала информацию в газеты о... подробностях моей личной жизни. Я так поняла, что его лирические отношения с некой графиней стали

достоянием народа...

— А кто был до этих двух? Последних.

— Летом... Девочка, молоденькая совсем. Из всех самая приличная была. Забыл ее имя. Вера? Ника-Вероника ее звали.

— Как? — Собственное имя резануло сердце плохим предчувствием.

— Стойте, вас что, зовут так же? — удивился он. — А я сперва и не обратил внимания.

Я хмыкнула тихонько, отмечая замечательное свойство милорда — крайнее невнимание к окружающим его людям.

— Есть такое, — словно прочитав мои мысли, пророкотал вельможа. — Я плохо запоминаю все, что не относится к службе. Вот военные операции. Или обучение кадетов...

— Или дороги, которые находятся под вашим личным контролем, — вставила я.

— И дороги тоже... — в голосе за спиной послышалась усмешка. — А все мелочи вокруг... Я запоминаю плохо.

— Так что случилось с вашей летней экономкой? — спросила я. — Той, что была самой приличной?

— Да... Я же о ней заговорил. Госпожа Вероника попросту исчезла — ушла, не сказав никому ничего. Правда, я накануне разгневался на нее... Думаю, она испугалась этого и ушла.

— Вы настолько страшны в гневе?

— Да, — отрезал он холодно. И я поняла, что тема и серьезная, и ему лично очень-очень неприятная.

— Простите, — сочла за благо сказать я, про себя подумав, что надо бы выяснить причину его гнева, чтобы не оказаться в подобной ситуации.

— Ничего. Мы, кстати, уже прибыли.

Разговор заставил забыть меня о способе передвижения и о собственном страхе.

— Так. Давайте мне руки — скрепите их над головой, — я вас ссажу. Так же в обратном порядке. Вот так, хорошо.

Я почувствовала под ногами твердую землю — и обрадовалась. Потом поняла, как сильно болит пятая точка. С трудом удержала от того, чтобы со стоном облегчения не растереть ее, плюнув на приличия и присутствие вельможи.

Прошла вперед. Так! Идти ровно! Обнаружила большую поляну в окружении деревьев — за ней были величественные башни серого замка. Академия. Вблизи она смотрелась совсем по-другому.

Милорд уже спешил. И, кивнув, проговорил:

— На этой поляне кадеты решают вопросы чести. Так... теперь пора и мне становиться невидимым. И Грома замаскировать.

Несколько пассив руками — и вороного красавца коня не видно. Потом исчезает и милорд Верд.

Мне кажется, что время течет медленно-медленно, каждая минута застывает, чтобы посмотреть на то, насколько близко я подойду к сумасшествию.

— Тише. — Теплые мужские руки обняли меня за плечи. Я не видела милорда Верда, но чувствовала его за спиной. — Не дрожите. Честью клянусь, с вашими сыновьями ничего не случится. Кто-то кого-то поцарапает — и все. Они же сражаются до первой крови. Потом мы с вами вернемся домой. Я налью вам своего гномьего самогона. Пол чайной ложечки на стакан... Мы поужинаем. Или вы ели уже? Нет? Что-то эти бездельники задерживаются. Может, решили отменить все?

Сначала мы услышали радостный гомон мальчишеских голосов. Потом увидели целую толпу.

— Двадцать два человека — вся группа, — довольно сказал мне на ухо милорд.

— Давайте начинать, господа! — сказал парень постарше.

— И графа Тробрайда с последнего курса, с десятого, притащили, поганцы, чтобы он дуэлью руководил. Все по правилам. Молодцы!

— Молодцы?! — зарычала я.

— Тише! — Милорд Верд прижал меня к себе. — Тише.

А тем временем молодой человек, которого милорд назвал графом Тробрайдем, руководил процессом. Послушал отказ противников примириться, дал команду.

И вот уже противники стоят друг напротив друга, обнажив шпаги: сосредоточенный Рэм и мальчишка с изумительно презрительной физиономией.

— Начали! — раздается команда.

Звонят шпаги. Рэм словно сливается с оружием — мальчишка напротив ничем ему не уступает. И я вдруг понимаю, что их дуэль похожа на танец: опасный, смертельный, но удивительно красивый.

В какой-то момент Рэм выстилается по земле, выбрасывает руку вперед — стон его противника, кровь на бедре — и крик графа Тробрайда:

— Остановитесь! Кровь. Проигравший — маркиз Борнмут. Победитель — мастер Рэм Рэ. На этом позвольте объявить дуэль оконченной.

— Нет, — расталкивает гомонящих кадетов какой-то еще недовольный. — Я — секундант маркиза, барон Кромер, требую удовлетворения. Пусть секундант мастера Рэ сразится со мной.

— Правила этого не запрещают, — недовольно соглашается с ним граф Троубридж. — Что вы скажете, мастер Пауль Рэ?

— Я согласен. — Бледный Пашка достает шпагу, встает в спортивную стойку, несколько раз прыгает вперед, потом назад. — Готов.

— Начали! — снова командует старшекурсник.

А дальше все происходит настолько быстро, что я не успеваю заметить, что именно делает мой сын.

Какое-то неуловимое, на бешеной скорости движение вперед. Пашка летит навстречу чужой шпаге. Я кричу, но моего голоса не слышно, потому что ахнули все. В последний момент сын изворачивается, меняет траекторию движения, перетекает чуть в сторону — и все понимают, что он невредим, а свою шпагу он вонзил над ключицей соперника.

— Остановись! — орет старшекурсник. — Шпагу не вытаскивай! Барон кровью истечет. Ты ему артерию пробил! Целителя!

Я понимаю, что у меня за спиной никого нет. Милорд Верд уже появился на поляне и склонился над раненым. А я не могу пошевелиться. Видимо, как ректор академии ни спешил на помощь пострадавшему, кинуть на меня заклинание, чтобы обездвижить, он все-таки успел.

Глава 10

Ночь. Темнота. Если бы меня не обездвигили, я наверняка стучала бы зубами. От холода. А так... Поскольку я была в роли статуи, то даже такого сомнительного удовольствия я была лишена.

В голову лезли всякие мысли о том, что меня тут попросту забыли. Умом я понимала, что это бред, да и пофыркивание коня где-то за спиной подтверждало, что милорд Верд вернется на поляну. Но все равно было жутко.

И чем больше я прислушивалась — тем больше мне казалось, что сейчас на меня выпрыгнет из кустов кто-нибудь плотоядный. Поэтому когда Гром явно оживился, забил копытами и призывно заржал — ужас охватил меня. Не кричала я лишь потому, что не могла — милорд не только обездвигил меня, но и лишил голоса.

И вдруг я почувствовала, что тело может двигаться. Ноги подогнулись, и я упала на колени. Слезы выступили на глазах, я зашипела, стараясь не ругаться в голос. Сейчас перейти на русский — великий, могучий и беспощадный — было бы глупо. Поэтому я рычала и шипела, пережидая боль.

— Простите, — раздался рядом со мной голос милорда. Удивилась, услышав в нем нотки раскаяния. — Я задержался. Пока двадцать три человека посадишь под арест... Вы можете встать?

Я поняла, что сейчас милорд Верд просто дернет меня вверх, пытаясь помочь. И что ни к чему хорошему это не приведет.

— Не надо, — прохрипела я.

Он тяжело вздохнул, опустился рядом со мной на колено, положил мне руки на плечи, забормотал на мелодичном непонятном языке. Я его слышала много лет назад, именно этот язык, когда над Пашей и надо мной проговаривала что-то мама Рэма.

Боль, оскалившись напоследок, ушла.

— Поднимайтесь, — раздался приказ, и милорд протянул мне руку. — Надо вас закутать — вы вся ледяная. Почему вы не догадались взять из дома теплую одежду?

— У меня ее нет, — лязгнула я зубами, поднимаясь с земли и расправляясь.

— Хорошо, что у меня есть. — Мне послышалась в его голосе насмешливая улыбка, и он закутал меня во что-то длинное и теплое. — Я

взял свой плащ из академии.

Потом милорд Верд подхватил меня на руки, подошел к коню и легко закинул мое бедное тело боком на седло. О-хо-хо! Как же я завтра ходить-то буду? Не говоря о том, чтобы сидеть? Как они вообще умудряются после езды верхом с отбитым мягким местом договариваться?

Милорд Верд между тем вскочил в седло сам, придерживая меня одной рукой. И так ловко у него получалось — загляденье!

Застоявшийся конь резво взял с места бодрой рысью.

— Будет впредь вам наука оставлять мужские дела — мужчинам, — прошептал мне на ухо милорд.

— Так я ни о чем не жалею. И ни на что не жалуюсь, — отвечала я, стараясь не заикливаться на своих неприятных ощущениях.

— И уже можете говорить.

Какое-то время мы молчали. Я пригрелась, и у меня стали закрываться глаза — и это несмотря на неудобную позу. Мне пришлось изо всех сил бороться с дремотой. Еще не хватало романтично заснуть у мужчины на руках. Я представила, как мы подъезжаем к порогу, как милорд снимает меня с седла... И все это на глазах у прислуги... Представила лица... Нет... Не стоит.

— Вы можете оставить меня у того камня, где забирали? — обратилась я к милорду.

— Хотите вернуться домой одна? Не хотите сплетен?

— Не хочу, — согласилась я. — Лучше будет, если мы вернемся домой по отдельности. Сначала вы — с парадного крыльца, как положено. А потом тихонько проберусь и я.

— Согласен. Только я сначала прослежу, как доберетесь вы. А потом появлюсь — минут через двадцать. Я, во всяком случае, теплее одет.

Наверное, это было нервное, но я захихикала.

— Что с вами?

— Простите, милорд, но все это... так нелепо.

— Слухи, порочащие репутацию, вы называете нелепостью?

— Именно так. И всегда не понимала: зачем это кому-то надо... Ну, занимайся своей жизнью и не лезь в чужую... И все будет гораздо спокойнее и приятнее.

— Возможно, — проворчал он. — Но не в нашем мире.

«И даже не в моем», — хотела сказать я, но вовремя прикусила язык.

— Как Рэм и Пауль?

— Рэм — хорошо. С чувством выполненного долга. Пауль же... В смятении. Я у него поинтересовался еще, была ли у него задача убить

юного барона. Ваш сын ответил, что нет. Тогда я задал вопрос, почему он таким образом выстроил поединок? Не прощупывая противника, не интересуясь его стилем ведения боя, так рискованно... Один удар — и смертельный...

— Они в карцере заперты поодиночке?

— Естественно.

— Бедный мальчик. Он с ума сойдет от переживаний...

— Оставьте эти... стенания. Он — мужчина. И должен понимать, что делает. К тому же ему некогда переживать. У него задание — подготовить доклад по кровеносной системе. Вены, артерии. Куда бить, чтобы противник истек кровью практически мгновенно. Куда бить, чтобы не дать подняться, но не убить. Куда бить, чтобы напугать — не больше. Куда и как бить, если речь идет о дуэли до первой крови. Книги ему доставят.

Я задумалась. Паша ведь занимался спортивным фехтованием на рапирах. Они же в защите — в кевларовых куртках. Да и на острие шпаги надет специальный наконечник. Ударить надо быстро — в любую часть туловища — «кроме затылка», — так им, кажется, говорили. Вот он и сделал то, чему его учили... Где открылся юный барон — туда и ударил. А про отсутствие защиты просто забыл с перепугу...

— Прибыли, — отвлек меня от рассуждений голос милорда. Меня спустили с коня.

— Спасибо вам, — проговорила я и стала снимать с себя плащ.

— Что вы делаете? — раздраженно пророкотал мужчина.

— Мы же явились домой не вместе и с разных сторон, — холодно-то как! — следовательно, мне весьма проблематично будет объяснить, почему я пришла в вашем плаще. Держите.

— Бегите скорее!

А теперь бархатные нотки в голосе...

Я и пошла. Стараясь идти ровно.

Дом был ярко освещен огнями. В нем кого-то ждали — и мне на секунду стало жаль, что не меня...

— И все-таки эта новая Вероника — его любовница, — услышала я голос Каталины, когда шла по коридору мимо столовой, где ели слуги.

— Да с чего ты взяла? — Это уже Оливия.

— Ну, какая с нее прислуга? — насмешливо проговорила наша повариха. — Смешно. Она ведет себя как хозяйка. И мальчишки эти... С ними тоже все непонятно. Может, это дети милорда?

— Не знаю, — не сдавалась Оливия. — Всяко может быть. Но первую ночь госпожа Лиззард провела у себя в комнате. А милорд — как я

понимаю — у себя. Правда, Джон?

— Правда, — раздался голос старого солдата. — Только не стал бы милорд вводить в дом любовницу. Непорядок это.

— Но сейчас-то их обоих дома нет, — никак не могла успокоиться Каталина.

— Мало ли у кого какие дела, — это уже был голос мужа Оливии, Натана. — Вряд ли они любовники. Вы вспомните, что было, когда летняя экономка, молоденькая эта... госпожа Вероника, пробралась в спальню милорда. Как он с утра гневался, когда ее у себя обнаружил. Какой крик стоял!

— Конечно, он гневался. Он же прибыл домой изумительно пьяным. А она, девочка-дурочка, этим воспользовалась... А милорд — как любой мужчина — привык выбирать сам... — возмущенные объяснения Джона.

— А вы заметили, что у экономок — и у той, и у этой — имена одинаковые? — спросил Натан.

— И к чему бы это? — добавила Каталина.

— Совпадение! — решительно заявила Оливия.

Я покачала головой — вот что случилось с моей тезкой... Интересно, с чего девочка в постель-то к милорду Верду полезла? С какой такой неземной любви? Хотя... Я вспомнила мужчину: его плавные, словно бы и неторопливые движения, взгляд темных глаз, волосы практически серебряного цвета...

Так, матушка. Стоп! А то так можно много до чего додуматься! Я помотала головой, прогоняя вредные мысли, перестала подслушивать и отправилась наверх, в свою комнату.

Минут через пятнадцать я спускалась вниз — в столовую для слуг. Есть хотелось невероятно.

— Госпожа Лиззард! — поднялась Оливия. Ее движение повторили остальные. — А мы переживали, где вы.

— Была в своей комнате, — нахмурилась я. — А что случилось?

— А-а-а... — Оливия оглядела остальных. — Ничего.

— Тогда будьте добры, подайте ужин. Милорд еще не приехал?

— Нет, госпожа Лиззард, — отвечал камердинер. — Ждем.

— А в какое время милорд обычно возвращается со службы?

— Очень по-разному. Он никогда не предупреждает, поэтому мы всегда наготове — и ждем.

— Это правильно, — улыбнулась я Джону. — Всегда приятно возвращаться домой, когда тебя ждут.

На этом все как-то откланялись, разошлись, как я поняла, по своим

комнатам. И я осталась одна. Время шло к одиннадцати. Спать хотелось неимоверно, поэтому я, быстро поужинав, отправилась в постель. Но не успела я дойти до комнаты, ко мне подбежала Оливия.

— Госпожа Лиззард! Милорд просил зайти к нему.

— Что еще? — резко поднялась я — и охнула. Спину все-таки прихватило. — Где милорд?

У служанки от любопытства практически подергивались носик и ушки.

— В гостиной, — кивнула она мне. — Милорд только что вернулся.

— Когда мне надо к нему зайти? — уточнила я. — После ужина?

— Он распорядился, чтобы немедленно.

Со всей поспешностью, на которую я была способна, отправилась вниз.

— Добрый вечер, милорд! — поклонилась я, когда вошла.

— Добрый! — окинул он меня задумчивым взглядом и чуть улыбнулся. — Пойдемте, я хочу с вами поговорить.

— Что-то срочное? — насторожилась я. — Вы даже не ужинали...

В ответ милорд Верд распахнул передо мной дверь. Я вышла — и он предложил мне последовать за ним.

Перед кабинетом он снова любезно распахнул передо мной дверь и пропустил вперед.

— Что-то с мальчиками? — резко развернулась я к нему и чуть не налетела прямо на хозяина.

— Нет, — удивленно посмотрел он на меня. — Что с ними может случиться в карцере?

Я взглянула на него с недоумением. Мне хотелось поинтересоваться — чем тогда обязана. Но мне показалось, что это прозвучит грубо.

— Просто... Я обратил внимание, что для вас поездки... мм-м... в седле... — как-то неуверенно проговорил милорд Верд, — это что-то необычное.

— Безусловно, — кивнула я.

— Я дам вам мазь, — решил мой хозяин. — Я приказываю использовать ее, когда мои кадеты занимаются верховой ездой и у них оказываются отбиты... мм-м...

— Спасибо, — искренне поблагодарила я.

— Вам нужно будет намазать... э-э-э...

— Поняла. — Я на миг полюбовалась на смутившегося вельможу — не смогла удержаться от такого удовольствия, — приняла возжеленную баночку. И отправилась мазать пострадавшую часть тела, которую храбрый

имперец обозначил как «э-э-э».

Снова подъем в шесть утра. Спасибо милорду Верду и волшебной мази — чувствую себя хорошо.

Пока одевалась, думала о том, где взять теплую одежду. И ведь не только себе, но и Паше с Рэмом. В волшебном саквояже есть теплая одежда герцогини, но она мне, как и платья, не по размеру. Да и стоимости она немалой. Сразу возникнут вопросы.

Подошла к зеркалу и тяжело вздохнула. Укладываясь спать, я, конечно же, забыла накрутить волосы на местные орудия пыток. Следовательно, на голове была красота неземная: нечто среднее между «я у мамы дурочка» и «не одна я в поле кувыркалась». Взялась за расческу и стала плести косы, две — по бокам, потом собрала все волосы в одну. Закрутила. Заколола.

Получилось неплохо.

Отправилась инспектировать кухню. Каталина, к моему удивлению, поприветствовала меня вполне любезно. Тесто на оладьи было уже готово.

— Буду жарить, когда Джон сигнал подаст, что его милость встал. Суббота все-таки. Он, если ничего срочного, на службу не ходит. Поэтому поднимается поздно, — просветила меня повариха.

— Вам нужна помощь во вторник? — спросила я.

— Какого рода помощь?

— Все-таки торжественный обед. Шесть человек. Да еще и нас, слуг, пятеро. Можно приглашать кого-нибудь из деревни для черновой работы. И я могу приходить помогать.

— Вы хотите сказать, что встанете у плиты?

— При необходимости — конечно. Там что у нас запланировано?

Пару часов мы провели за мирной беседой о том, как лучше организовать процесс готовки с учетом того, что я планировала ввести в питание всяческие печености, о которых мечтал милорд. А с ними возни было много...

Затем у порога раздался какой-то шум, и я поспешила на господскую половину.

— ...Немедленно! — сердито распоряжался в нашем холле какой-то посторонний господин. Рядом с ним стоял еще один величественный и надменный милорд.

Джон пытался объяснить, что милорд еще не принимает, но его не слушали — на него кричали.

— Доброе утро, милорды, — выдохнув, я вышла на поле боя. — Госпожа Лиззард, экономка. Чем я могу помочь вам?

— Мы должны увидеть милорда Верда. Немедленно, — холодно приказал господин, молчавший до этого.

— Конечно, господа. Как прикажете доложить о вас?

— Герцог Борнмут и барон Кромер.

Вот, значит, как! Сиятельные отцы маркиза и молодого барона, с которыми Пашка и Рэм дрались на дуэли, пожаловали.

— Прошу вас, милорды. Если вы сообразоволяете пройти в гостиную — вам, безусловно, будет удобнее дожидаться. Слуга доложит о вас тотчас же.

Перед тем как присесть в положенном книксене, я выразительно посмотрела на Джона, запрещаю ему спорить и возмущаться.

Господа, недовольно зыря по сторонам, прошли в открытую для них дверь, что вела в гостиную.

— Не торопитесь, — одними губами сказала я, подойдя почти вплотную к Джону. И прошла вслед за господами. — Может быть, прикажете подать кофе? Или что-нибудь выпить?

— Нам нужен милорд Верд, — поджал губы герцог с таким же противным лицом, как и его фамилия.

— Мы, безусловно, поспешим выполнить распоряжение вашей светлости, — с неимоверной почтительностью отозвалась я.

Они пыхтели, кидали на меня презрительные и высокомерные взгляды, призванные, наверное, размазать меня по этой самой роскошной гостиной. Я почтительно им улыбалась, стояла навтыжку — время от времени приседала в книксенах и предлагала чего-нибудь откусать или отпить.

Пока никто из них и не догадался, что я издеваюсь. И заодно даю возможность выпастись лорду Верду.

Шаги милорда я слышала минут через пятьдесят, когда наша беседа с посетителями пошла по очередному кругу. Вельможи и так явились весьма и весьма раздраженными, а теперь попросту кипели. Нехороший цвет лица благородного герцога и не менее изысканного барона радовал глаз.

— Чем обязан, господа? — Распахнулась дверь, и на пороге появился милорд Верд. — Госпожа Лиззард, можете быть свободны.

Короткий поклон, и я удаляюсь. Зачем же смущать мужчин своим присутствием? Подслушивать можно и под дверью. Благо никто из них особо не сдерживался — и все говорили на повышенных тонах.

Я быстро пересекла холл, зашла в коридор, ведущий на служебную половину, обошла парадные покои и вышла в смежную с гостиной библиотеку.

— Ваши уболюдки напали на наших детей! — гремел голос герцога. — Я требую, чтобы их судили за попытку убийства.

— Как вы вообще допустили, чтобы рядом с наследниками наших родов оказались подобные... мастер Рэм Рэ и мастер Пауль Рэ? — А этот голос, барона, полон презрения.

— Мы требуем! — снова завелся герцог.

— На каком основании вы можете что-то требовать от меня? — А вот голос милорда Верда был спокоен и негромок. — Хоть что-то?

Повисла тишина.

— Вы слегка переоцениваете свое значение в иерархии Империи. — Спокойствие милорда Верда было высокомернее и оскорбительнее криков герцога и барона. — Требовать от меня чего-то может лишь император. Даже наследник на данном этапе имеет право лишь подчиняться, поскольку он кадет моей академии. Так на каком основании вы беспокоите меня? На каком основании вы называете моих воспитанников ублюдками? Кто вы, чтобы сомневаться в чистоте их происхождения?

— Что? Вас это зацепило? — Голос одного из «гостей» наполнился предвкушением. — Вы еще не привыкли, что после вашего появления на свет старинный род Рэ ассоциируется лишь с появлением бастардов?

— Барон... — Ленивая насмешка в голосе милорда Верда. — Вы что, всерьез думаете, что я начну кидаться перчатками и вызывать вас на дуэль? Оставим это мальчишкам первого курса, дуэль которых я наблюдал вчера во всех подробностях. Ваши сыновья, должен отметить, не только дурно воспитаны, но и плохо обучены фехтованию. Они получили по заслугам, только и всего...

— Что?!! Да как вы смеее!!!

— Вам что-то не нравится в моих словах? — любезно поинтересовался мой хозяин. — Так не стоило врываться в мой дом и тревожить меня. Что касается ваших сыновей... Знаете, какие у меня полномочия относительно юных дворян, что воспитываются у меня в академии? Мне рекомендовано их не убивать — только и всего. Все остальное мне не только разрешено, но и приветствуется Его Императорским Величеством.

— Они же дети. Наши дети...

— Они — будущие солдаты Империи. И чем быстрее вы это осознаете, тем лучше будет не только для них, но и для вас. Что касается меня... Я принадлежу не себе — а императору и Империи. И вам это хорошо известно. Только если император отдаст приказ вас уничтожить, я вас уничтожу. Или лично. Или весь род. До последнего младенца. Как будет угодно моему повелителю и отцу. Да, я его ублюдок и бастард. И горжусь этим. А теперь прекратите истерику и покиньте мой дом.

Глава 11

— Подслушивали? — резко распахнув двери в библиотеку, рявкнул милорд Верд.

— Да, милорд, — бодрым голосом девочки-отличницы отрапортовала я и преданно уставилась ему прямо в глаза.

Суровый вельможа глядел на меня. Я понимала, что он изо всех сил хотел продолжить возмущаться, но... не выдержал и рассмеялся.

— Спасибо вам! — вдруг сказал он.

— За что, милорд? — действительно удивилась я.

— Я тоже был какое-то время в библиотеке, пока вы беседовали с моими гостями. Вы их нарочно отвлекали?

— Мне хотелось, чтобы вы хоть чуть-чуть отдохнули, — смутилась я. Решительно заставила взять себя в руки и поинтересовалась: — Милорд, прикажете подавать завтрак?

Неделя прошла спокойно. Я обвыклась, Каталина не бунтовала, Джон стал относиться ко мне с симпатией. В понедельник мы вычистили дом — все заблестело. Во вторник состоялся обед — те пятеро, что приглашаются на обед милордом, оказывается, едят у милорда диплом. Защита уже зимой. Из них я опознала только графа Трuebasриджа — видела на поляне, где фехтовали мои сыновья.

Отметила, что по тому количеству продуктов, что кадеты способны поглотить, можно подумать, что в академии не кормят вовсе. Хорошо, что об этом знала повариха и на этот раз решила меня не подставлять — еды мы с ней наготовили вволю.

Утром следующего дня я отправилась прогуляться в деревню. Вилли, который каждый день приходил в поместье на работу, отправился меня сопровождать.

— Вилли, — спросила я у него, — а ты где-нибудь учишься?

— Я умею читать, писать и считать, госпожа, — гордо сказал мальчишка. — Я ходил в школу при храме Стихий. Три года.

— А кем бы ты хотел стать?

— Все равно кем, — нахмурился Вилли. — Только бы выбраться отсюда. И маме помочь мелких поднять. Она совсем измучилась. А я... не хочу слугой быть.

Поймала себя на желании погладить его по голове, но удержалась —

мало ли, обижу.

— Нет, госпожа, вы не подумайте, — вдруг засуетился он. — Я вам благодарен и... мне нужна эта работа, но...

— Все в порядке, — успокоила его. — Я понимаю.

Хотела спросить про отца. Но прикусила язык. Неизвестно же, что у них случилось в семье...

— Я уже все решил, — серьезно сказал Вилли. — Мне бы только до шестнадцати лет вес набрать, чтобы меня в армию взяли. А там... И жалование можно будет маме отдавать. И потом — если все будет в порядке — в дорожки устроиться. Отставников милорд Верд организовал так, чтобы они должности при государственных трактах получали. А если что... Опять же — пенсия моей будет.

Покачала головой — такие взрослые рассуждения от такого малыша.

— А сколько у твоей мамы детей?

— Со мной — четверо, — ответил мальчишка. И вдруг, словно решившись, признался мне: — Вообще-то, я хотел бы мосты строить. Через реки.

Мы прошли по рынку. Я купила огромных краснощеких яблок. Отобрала несколько с собой. Договорилась, чтобы остальные доставили в поместье. Да побольше! Побольше!

Уже на выходе с рынка мое внимание привлекла женщина с ягодами, похожими на крупную малину. Попросила попробовать. И даже зажмурилась от удовольствия. Сладко!

— Возьмите, госпожа, — обратилась ко мне женщина. — Я лимарру в лесу собирала, хорошая ягода. Последняя. Еще неделя от силы — и отойдет.

— Эту я заберу, — кивнула я на два оставшихся туеска. — А к выходным вы можете такой же набрать — и принести ее сразу в поместье милорда Верда?

— Конечно, госпожа! — радостно закивала женщина.

«Вот мальчишки обрадуются!» — подумала я.

Больше мне ничего не приглянулось, и мы отправились в обратный путь. Уже на выходе из деревни я вспомнила, что не зашла в лавку к мяснику и не предупредила, что надо доставить в поместье хорошую говядину, необходимую нам на завтра для пирогов с мясом и грибами.

Поэтому я отправила Вилли с поручением, а сама поставила корзинки с яблоками и лимаррой на землю и приготовилась ждать моего помощника.

— И все-таки милорду Верду как-то не везет на женщин! — раздался чей-то оглушающий мужской голос.

— И что тебе-то за печаль в этом, сержант! — загоготал другой, такой же не тихий бас.

— Да я!!! — взревел голос. — За командира!!!! Переживаю!

— И за всеми его бабами присматриваешь?! — новый издевательский голос.

— Да пошел ты!!!

Я поняла, что остановилась на изгибе мощенной булыжниками улочки, куда долетали вопли из трактира неподалеку, который как раз и находился на окраине деревушки.

— Да сколько у него тех женщин было? — Этот голос был совсем пьяненький. И мирный.

— Сначала... Луизочка эта — вся такая... Он еще жениться хотел. Потом, когда она за барона своего замуж выскочила, — всяких актрисул и балеринок было...

— Не-ме-ря-но! — снова раздался самый громкий голос. — Силен командир!

Звон посуды и крики:

— За командира! За милорда Верда! Бра-бра-бра!!!

Потом кто-то расстроенно протянул:

— А теперь у него — что за крокодилица?

— Графиня какая-то. Все фифу из себя корчит, а сама — змеюка-змеюкой...

— Да... Лучше уж честные давалки за деньги, чем эта...

Тут ко мне подбежал Вилли с докладом, что поручение выполнено. И отвлек от подслушивания интереснейших сведений о моем хозяине. Я вздохнула, но при ребенке стоять и следить за разговором пьяных солдат было неловко. Поэтому мы отправились домой.

Вечером, после того как все дела были переделаны, Вилли покормлен и отправлен домой, я отправилась на прогулку. С собой я взяла один из туесочков с лимаррой. Быстро пересекла сад и цветник, вышла за калитку и направилась к огромному камню. Там с одной стороны были удобные выступы. По ним я забралась на самый верх. Уселась, расправила юбку. И стала любоваться на солнечные закатные лучи, что пробивались через кроны деревьев, не забывая класть ягодки на язык.

...Значит, женщин в жизни милорда Верда немало. Хотя странно было бы думать что-то другое... Так, мать, а тебя-то это все каким боком задевает и раздражает?

Тут я прислушалась к себе и осознала — мда... И задевает. И раздражает. И с чего вдруг? Он мне кто? Хо-зя-ин. И человек, давший нам

приют и защиту в сложное время. Так что — пеки свои блинчики, радуй милорда и... все.

Тут в мои мысли ворвался крик:

— Госпожа Лиззард!

Я резко повернулась, понятное дело, потеряла равновесие и стала падать вниз. Я даже не успела понять, что происходит, не говоря о том, чтобы испугаться. Меня подхватила какая-то сила, обжигаяще горячая, но аккуратно-нежная, и водрузила обратно на камень.

Вот тут у меня испуганным зайцем затрепетало сердце. Я пришла в себя, огляделась. Я была на камне, возле стоял, уже спешившись, милорд Верд.

— Я испугал вас? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Задумалась просто.

— Простите, я не хотел. Просто увидел вас. И обрадовался.

— И лимарру просыпала, — невпопад ответила я.

— Зачем вы вообще на этот камень забрались? — недовольно протянул он. — И сидите на нем, ничего не подстелив?

Милорд Верд протянул мне руку, заставил подняться, сгреб рассыпанные ягоды в ладонь, подул на них — как мальчишка, право слово. И положил все в рот. Довольно зажмурился. Насмешливо мне улыбнулся. Потом снял с себя знакомый мне уже плащ, кинул на камень.

— Вот теперь можете садиться, — довольно пророкотал он. — Не простудитесь.

Запустил руку в туесок с ягодами, выгреб часть. И опять высыпал себе в рот.

— Вот что я люблю из ягод — так это лимарру, — признался он мне. И сразу же отошел. Взял коня за повод и направился к дому.

— Милорд Верд! — окликнула я его, чтобы поблагодарить.

— Если вы хотите сказать, что вам неловко будет объясняться со слугами, откуда у вас взялся мой плащ, то вы можете оставить его здесь, на камне. Я заберу утром.

А вот теперь в его голосе были недовольные, рычащие нотки.

— Хорошего вам вечера.

Резкий кивок, и милорд удаляется.

И вот что это только что было? Я даже не успела сказать, что он меня не так понял.

Прошел день, потом второй. Я практически не видела милорда. Он приходил поздно, уходил рано. Поскольку я быстро разобралась с ведением

хозяйства, у меня образовалось достаточно свободного времени, я опять стала читать. Особенно мне была интересна история и география того мира, в который я попала.

Здесь были два огромных материка: один в Восточном полушарии, другой в Западном. Большой остров, который назывался Запретные земли. И целая россыпь небольших островов, где одиночных, где грядой.

На материке в Восточном полушарии самым большим государством была Империя Тигвердов — по фамилии императорского рода. Тигверды — звучало красиво. Кстати, получается, что фамилия моего хозяина — Верд — это фамилия императорского дома минус три первых буквы. Опять же, признак его незаконнорожденности, как и императорский грифон на гербе, перечеркнутый алой полосой.

«Каково ему живется?» — задала я себе вопрос. Вздохнула, подумав, что нелегко. И продолжила рассматривать атлас здешнего мира.

Еще на этом же материке было — из крупных государств — Османское ханство — на юге от Империи. И несколько десятков государств помельче, включая герцогство Рэймское — западного соседа Империи.

Второй материк, находившийся в Западном полушарии, — некая земля неизвестная. Все попытки высадиться на берег оканчивались неудачей. Острова, как и следовало ожидать, были давно и успешно колонизированы. Кроме, как я поняла, Запретной земли. Я полистала справочник. Выяснила, что на этом острове, состоящем практически из одних болот, обитают порождения магии. Например, кентерберийская змейка. И соваться туда без очень веской причины не стоит.

Сама Империя Тигвердов состояла из пяти провинций — Северной, Южной, Западной, Восточной и Центральной. Столица — город Роттервик. Политика — как я поняла — достаточно жесткая. Воля императора — это что-то святое. Армия — это элита, дворянство все — военнообязанное.

С самой Империей все в принципе было понятно. Есть дворянство — это те, что попроще, в основном военные. Есть еще аристократия — те, что гордились протяженностью рода свыше пятисот лет и занимали ключевые позиции. Они стояли во главе управления государством.

Император. Вдовец. Ему было шестьдесят два года, в расцвете сил — в том числе магических. Считалось, что именно сейчас он достиг зрелости. Как я поняла, срок жизни мага — около трехсот лет. Так что действительно... В самом деле, если жить столько, то шестьдесят два — самый расцвет. Даже свои историки отмечали жесткость, но справедливость правления. Страна достигла небывалого уровня развития, но при этом проявление непокорности подавлялось безжалостно.

Наследник. Пока про него писали мало. Как я понимаю, в его двадцать четыре года он считался мальчишкой, которого активно воспитывали, но ничего серьезного не доверяли.

И третья по значимости фигура — это старший сын императора, его бастард, рожденный вне брака от мелкопоместной дворянки. Милорд Верд, в доме которого мы с мальчишками и очутились по воле случая. Имперский палач, ненавидимый за жестокость во многих провинциях. Ублюдок, ненавидимый аристократами за влияние на императора и наследника. Очень одинокий человек, как я поняла.

Еще я активно искала в любой литературе, какое отношение имеет герцогство Рэймское к Империи Тигвердов.

Оказалось, это единственная провинция в Империи, которая сумела выйти из состава Империи. И случилось это при прадеде нынешнего императора.

За свою независимость герцогство сражалось отчаянно. А имперцы, чтобы удержать богатые территории, перекрыли поставку продуктов питания в горные области. Начался голод. Но жители маленькой страны и тут сумели выкрутиться. Они заключили договор с другой крупной страной — Османским ханством, — и те доставляли им продукты порталами. За это им платили не просто драгоценными камнями, но драгоценностями короны. Как я поняла, это были какие-то очень сильные магические артефакты.

А Османское ханство, пользуясь тем, что войска имперцев были сосредоточены на западе, отбило несколько южных крепостей по пограничной реке.

И тогдашний император быстро заключил мирный договор с мятежным герцогством, и войска двинулись на юг — к знакомому уже врагу.

В книге было как-то достаточно невнятно написано, почему же император, победив Османское ханство, не вернулся, чтобы подчинить бывшую провинцию. Мне показалось, по каким-то недомолвкам, что у него был роман с тогдашней герцогиней.

В общем, вот такие соседские отношения. Становилось понятно, почему Рэм так не любил Империю и милорда Верда как, пожалуй, самого яркого представителя этой страны.

Я как раз читала в своей комнате, когда в пятницу, после ужина, меня вызвал к себе милорд Верд.

Глава 12

Пока я спешила вниз, я прогоняла мысли о том, что что-то случилось, что мальчишки ввязались еще во что-то, что...

— Госпожа Лиззард, — раздался голос милорда Верда. — С вами все в порядке?

— Со мной — да! — Оказывается, я уже была в гостинной. — Что-то случилось?

— Как вас легко перепугать, — отметил мой хозяин. — Присаживайтесь, госпожа Лиззард.

И он кивнул на кресло возле камина, напротив своего собственного. Дождлся, пока я усядусь. Спросил:

— Как прошла неделя?

— Спасибо, без проблем.

— С вашим появлением в доме стало как-то... уютнее.

Я улыбнулась. Слышать это было приятно.

— И тем более мне бы не хотелось вас огорчать.

— А вы намерены это сделать? — удивилась я.

— Понимаете... — Он поднялся, заходил по комнате, время от времени проворачивая на указательном пальце кольцо. — Ваших сыновей приняли за моих родственников. Не воспитанников, а именно родственников. И в большинстве своем люди склоняются, что это мои внебрачные сыновья. И я принял решение не разубеждать людей в этом. Все-таки если прознают, что мать мальчиков трудится у меня экономкой... Это нехорошо отразится на их положении. Вы же не намерены называться своей настоящей фамилией?

— Ни в коем случае.

— И как вы относитесь к тому, что мы не будем разубеждать людей в ошибке?

Я замолчала, обдумывая то, что он мне сказал. На самом деле это было щедрое, в чем-то спасительное предложение. Ну, кроме того момента, что «он принял решение»... Это меня, конечно, задело, но не настолько, чтобы я высокомерно отказывалась. Хотя оставался вопрос: а ему-то это зачем надо?

— С благодарностью принимаю ваше предложение, — склонила голову я.

— Ваши сыновья возмущались и отказывались.

— Они еще слишком молоды и горячи, — пожала я плечами.

— Скажите... А ваш супруг... он жив?

— Да, — удивилась я переходу.

— Тогда как так получилось, что вы оказались одна? Без защиты семьи, но с двумя сыновьями? Без дома?

— Вы знаете, к моему супругу это не имеет никакого отношения, — честно ответила я.

— Он бросил вас?

— Нет, — улыбнулась. — Скорее, это я бросила его.

Какое замечательное недоумение сверкнуло в темных глазах моего собеседника...

— Не понимаю, — признался он.

— Он посмел рискнуть жизнью Пауля... И не потому, что... ситуация была безвыходная. Нет. Из-за азарта, ради острых ощущений. Пауль чуть не погиб. Я должна была остаться безногой калеккой. Меня спасла женщина-маг. Просто потому, что проходила мимо...

— Я действительно не совсем все понимаю...

— Простите, я не могу рассказать вам подробнее. Просто не могу.

— Хорошо. Единственно, вы не совсем понимаете, какие последствия будут у того, что мальчики будут признаны моими родственниками.

— И какие же? — подняла я на него глаза.

Мы сцепились взглядами.

— Вы приготовьте им гостевые спальни на господской половине, — продолжил милорд Верд, внимательно отслеживая мою реакцию. — Кушать они будут со мной в господской столовой. Вы к ним обращаетесь мастер Рэм и мастер Пауль. И дозируете свое общение.

— Но им надо купить теплую одежду... — совсем растерялась я.

— Конечно. В субботу утром, как только они придут, я дам вам распоряжение отправиться в город за теплой одеждой.

— Спасибо вам, — проговорила я. — Я приму ваше решение. И простите нас за беспокойство.

— Вы знаете... — тихо-тихо проговорил милорд Верд. — Если бы это были мои сыновья... Я был бы счастлив. Поэтому я рад помочь вам.

На следующее утро Пауль и Рэм прибыли.

И если Рэм спокойно отнесся к моим приветствиям: «Добрый день, мастер Рэм Рэ, мастер Пауль Рэ. Рада приветствовать вас дома!», — то Пашу перекосило знатно.

К сожалению, остаться втроем и поговорить нам не удалось. Рядом

крутился сияющий, как свеженачищенные сапоги милорда, Джон — похоже, он и вправду решил, что Рэм и Пауль — сыновья его милости. Время от времени мелькали Оливия и Натан, а взгляд Каталины буквально жег мою спину.

— Вы уже прибыли, — спустился к нам со второго этажа милорд Верд. — Очень хорошо. Госпожа Лиззард, распорядитесь насчет завтрака — после него молодые люди отправятся в город за покупками.

— Слушаюсь, милорд. — Я присела в книксене и отправилась на кухню отдавать распоряжение.

— Вас будет сопровождать господин Адерли, мой камердинер. Он человек многоопытный и поможет вам определиться с гардеробом. Захватите с собой госпожу Лиззард, ей тоже надо в город. — Это я слышала уже спиной.

Как и почтительное:

— Да, милорд! — исполненное хором Рэмом и Паулем.

В экипаже мы оказались вчетвером.

— Как вам академия? — спросил Джон.

— Трудно, — улыбнулся Рэм. — Никогда не думал, что будет настолько трудно.

— С учебой?

— Скорее, с общением с другими кадетами.

— И с дисциплиной, — пробурчал Пауль. — Это же просто казарма. Ни влево, ни вправо — только ровными рядами. Одни приказы — никаких вопросов, объяснений. Я туалет ночью мыл только за то, что три запятые в сочинении пропустил. Три запятые — три унитаза.

Я не выдержала — захохотала.

Джон смотрел на меня удивленно, Рэм и Пауль обиженно.

— Я просто представила, что после сочинения в академии унитазов для помывки не хватает...

Теперь хохотал и Джон. Сын совсем насупился, а Рэм отметил задумчиво-задумчиво:

— Да нет. С их количеством преподаватели как-то угадывают...

— А еще есть танцы, — продолжил жаловаться Пауль. — И преподаватель. Танцор такой...

И сын артистично изобразил лицом нечто жеманное, а положением рук — что-то нарочито изящное.

— Да... Наш «Ножку тянем» — это нечто.

— И сразу скалкой по ногам, — продолжил Рэм. — Если что не так.

— Это действенный подход, — одобрил старый солдат. — Быстрее

дойдет.

— А фехтование — классное! — вырвалось у моего сына.

Мы с Рэмом посмотрели на него с укоризной — опять молодежный сленг пробивается, даже сквозь другой язык.

— Мы сейчас учимся фехтовать двумя руками. В одной — шпага, в другой — длинный кинжал — дага. А еще преподаватель нам показывал, что можно творить, если на левой руке намотан плащ. Это нечто! Врачебное дело — это еще ничего, математика — она везде математика. А вот риторика — бе-е-е! Гадость.

— А мне нравится, — заметил Рэм. — Людей надо убеждать не только шпагой и дагой, но и словом.

— Просто словом без шпаги и даги плохо получается, — не согласился с ним Пауль.

— А мне нравятся занятия по магии, — проговорил Рэм.

— И мне, — не стал на этот раз спорить Пауль. — Я, оказывается, маг. С сильным потенциалом. Только развивать свой дар стал поздно.

— Ты не останешься без помощи, — ответил ему Рэм.

Мы прибыли обратно в столицу. Роттервик приветствовал нас шумом и суетой. И пусть это не шло ни в какое сравнение с Петербургом, я на секунду опешила. Отвыкла за эти дни от большого количества людей.

Сначала в магазин женской одежды отправили меня. Джон проводил, представил продавщицам и распорядился, чтобы я, после того как все подберу, пришла в кофейню на этой же улице.

— Кто первый закончит — тот и подождет.

Я кивнула, соглашаясь.

Исходя из того, что мне было как-то все равно, что на мне надето — платья-ночнушки мне не нравились, как-то нелепо я в них выглядела, — с покупками я управилась достаточно быстро. Даже если продавщиц и удивило мое требование, чтобы крючки и шнуровка были спереди, то виду они не подали.

— Слушайте, — попросила я их. — А можно как-то цвет платьев сделать другой? Не такой светленький?

— А что бы вам хотелось? — подошла ко мне женщина в возрасте, как я понимаю, хозяйка этого магазина.

— Чего-нибудь синего, — решила я. — Яркого-синего.

— Синее платье, — задумчиво покачала она головой. — Вам, безусловно, пойдет, но... Это же не в моде.

— А что можно заказать... Не такое пастельное? — не сдавалась я.

— Есть платье цвета морской волны. Есть лазоревое. Может, бирюза...

— Давайте, — кивнула я.

— Там придется все крючки перешивать, — быстро сказала продавщица.

— Я могу оставить заказ? — спросила я. — А вы, как сделаете, так в поместье и доставите.

— Мне не положено шить на заказ, — смутилась хозяйка.

— Вы не умеете?

— Что вы! Конечно, умею... Просто... Я торгую готовым платьем. И только подгоняю по фигуре, если возникает необходимость. И у меня не те расценки и не та клиентура, чтобы шить на заказ.

— Но у вас не будет неприятностей, если вы сделаете исключение? — спросила я.

— Нет. Конечно, нет.

— Тогда... Пожалуйста. Сшейте мне платья! — попросила я. — Хочется выглядеть прилично, а одеваюсь я сама, без прислуги. И еще... Я бы хотела, чтобы вы убрали складочки впереди, по завышенной талии. И кушак под грудью. А то я чувствую себя бегемотихой. Можно сделать прямой силуэт и чуть присборить сзади?

— Это не лишено смысла, — улыбнулась хозяйка, — у вас красивая грудь, и ее не стоит зрительно увеличивать.

— Она у меня просто есть, — вздохнула я. — Но мне все кажется, что в таких платьях, по моде, мы с ней смотримся нелепо.

Хозяйка улыбалась и уже рисовала. Получилось такое платье, как мне хотелось. Потом мы с ней выбрали ткани. Одно из платьев было синим, шелковым. Другое — бирюзовым, еще одно — лазурным. Еще было бледно-бледно сиреневое. Договорились, что я прибуду на следующей неделе, в субботу, на примерку.

Пока я взяла пару свежих платьев, уже не капризничая насчет цвета. И конечно же, мне подобрали теплую одежду, за которой я, собственно, и прибыла в город.

Легкий плащ, теплый плащ. Очаровалась я длинным таким пальто не пальто, жакетом не жакетом, прямого силуэта, по фигуре. И главное, не романтично-светленького цвета, как все остальное, а яркого, насыщенного. Одно — я решила, что это все-таки пальто, — было ядовито-синего цвета, другое — вишневого. Долго выбирала. Оставила оба. А еще я зафанатела шляпками. Мне их подобрали под каждый вариант верхней одежды. Плюс перчатки.

— Сколько я вам должна? — достала я мешочек с монетами, которые я извлекла из волшебного саквояжа Рэма.

— Простите, госпожа Лиззард, счет приказано отправить в поместье милорда Верда.

— Как это? — опешила я. — Послушайте, у меня есть деньги, и я не собираюсь...

— Простите еще раз — этот вопрос не ко мне. Как вы понимаете, приказ доверенного лица его милости, господина Адерли, я оспаривать не буду. Кстати говоря, на улице похолодало. Может быть, вам стоит надеть пальто? Синее, например. Вам же оно понравилось? Вы выглядите в нем изысканно. Да и шляпку к нему.

Я согласилась. В любом случае разборки следовало устраивать не хозяйке магазина. И не Джону. Хотя каким образом устраивать выяснение отношений милорду Верду, я тоже представляла себе смутно. И кстати, одежду мальчишкам, получается, тоже оплачивает он... Вот уж не было печали... Допускать, чтобы я или мальчики были у него на содержании, я не собиралась. Это унижительно, в конце концов.

Забавно, но в кофейню я все же пришла первая. Значит, отдельно взятая женщина в моем лице, по крайней мере, управляетсся с покупками быстрее, чем два молодых человека под руководством доверенного лица милорда.

Кофейня выглядела очень мило. Была абсолютно похожа на наши, питерские. Может, кофе получше, а пирожные чуть повкуснее. Вот и вся разница.

Кроме того, я обнаружила, что можно заказать свежавыжатый апельсиновый сок. С удовольствием это и сделала. Задумалась над тем, что надо бы такой пресс купить и в поместье. Зима скоро — витамины не помешают...

Снова звякнул колокольчик. Это был Пауль. Был он какой-то растрепанный и расстроенный. Остальных видно не было.

— Что случилось? — поднялась я.

— Мама, — тихо и оскорбленно сказал он. — Как ты могла от нас... от меня отказаться?

— Пашенька, — сама не заметила, как перешла на русский. — Ты что такое говоришь?

— Нас все считают его сыновьями. Нам запрещено называть тебя мамой. Ты кланяешься нам, как прислуга. Ты решила, что тебе будет выгоднее от нас избавиться в этой академии?

— Паша, мы скрываемся. И все, что я делаю, — диктуется лишь необходимостью выжить. Понимаешь? Мы должны выжить. Ты. Рэм. Я.

— Но это же... унижительно.

— Возможно. Но это дает шанс.

— И на что еще ты согласна, чтобы этот самый шанс появился?

— Паша... Остановись. Мы сейчас до многого договоримся, о чем потом пожалею.

— Я презираю тебя за то, что ты способна так пресмыкаться, — сказал он холодно. — Что ты способна так расстилаться... Вот скажи, чем ты оплатила то, что лорд Верд взял над нами покровительство? Правда ли все то, что про нашу мать говорят в академии?

— Не смей! — Голос дрогнул.

— А то что? Госпожа экономка Лиззард... Или уже не просто экономка?

Глава 13

Если местные жители и удивлялись, увидев бегущую по улице плачущую женщину в изящном синем пальто, то никто ничего не предпринял, чтобы остановить.

А мне... мне было все равно. Наверное, не стоило так бурно реагировать, надо было вспомнить, что Пашка — все-таки подросток и в этом возрасте хамство и свержение авторитетов — дело, в общем-то, нормальное и по возрасту положенное. Что дети вообще — и подростки в особенности — существа безжалостные и хорошо умеющие бить по самому больному... И это опять-таки норма. Но... было так обидно, так больно... Ведь в моей одинокой жизни мой сын был самым близким человеком.

Не осталось сил бороться, подстраиваться под обстоятельства, пытаться выкрутиться в тех хитросплетениях, что подготовила жизнь. Было больно. И осталась просто пустота.

Словно в насмешку над моей тоской на меня посматривали синева неба и яркое солнце, запутавшееся нитями блестящих лучей в золоте листвы. Я внезапно поняла, что стосковалась по серости Питера, по низкому небу, тяжелым облакам. Мой город был в отличие от этого мира настоящим. Там была настоящей я. Там я знала, кто я такая. Там я знала, как себя вести. Отповедь мерзким «специальным» голосом — и сын бы уgomонился. А в этом мире, где я прислуга, как-то неожиданно для себя я проявила слабость...

Слезы текли и текли и все никак не могли уняться. Я уже ругала себя — и чего я расквасилась? Что такого произошло?.. Но успокоиться никак не могла.

В себя я пришла не скоро. Поняла, что не знаю, где нахожусь. Какой-то сквер в окружении богатых домов с чугунными кружевными заборами.

— Вы оставили шляпку и перчатки в кофейне, — раздался рядом знакомый голос лорда Верда. Недовольный голос.

А мне было как-то все равно...

— Благодарю вас, — сказала я, не думая поворачиваться к нему или подниматься, как было положено мне, его экономке. — Только непонятно, откуда вы тут взялись...

— Пришел, — миролюбиво объявил милорд Верд. — Как только Джон появился в кофейне, то обнаружил, что вы пропали, а ваш умный сын

растерялся и не знает, что делать. Потом пришел Рэм, узнал, что произошло, и дал в ухо Паулю. Бедный Джон был вынужден их разнимать. Потом мой камердинер связался со мной. Он был совсем в расстроенных чувствах и сообщил, что они вас потеряли и вы бегаєте по незнакомому городу в слезах. Я выстроил портал, попал в Роттервик и отправился вас искать.

— А как вы меня нашли?

— Велика сложность, — рассмеялся он. — Вы же не исчезнувший наследник герцогства Рэйм... Пара заклинаний — и готово.

Я испугалась, когда услышала его слова о наследнике Рэймского герцогства. Потом оценила комизм ситуации, в Рэме, значит, этого самого наследника не опознали.

— Как-то вы чересчур расстроились. — Он сел рядом на скамейку и сунул мне в руки шляпку и перчатки.

— Действительно. А то не с чего, — проворчала я. Но надела шляпку, завязала ленты. Натянула перчатки.

— На такие взбрыки подрастающего поколения надо реагировать жестко — это безусловно. Но доводить себя до такого состояния... Не стоит.

— Обидно.

— Обидно. Наверное, от близких такого не ждешь — поэтому так больно... Поэтому, когда вырастаешь, становится так стыдно перед своими. Особенно перед мамой.

— Вы хотите сказать, что и вы?..

— Безусловно. Что ж я, подростком не был? — невесело усмехнулся милорд Верд. — А в моем случае еще и официально признанным бастардом Его Величества. Можете себе представить, как ко мне относились сверстники, вдохновленные их родителями. Спуску я никому не давал. Дрался, дрался, дрался. На шпагах, на кулаках. Магически... Иногда меня накрывало — за что мне все это? Почему я не как все? Понятно, к отцу-императору претензий быть не могло. Поэтому я трепал нервы матери.

— И что она вам отвечала?

— Что за свою любовь к единственному мужчине в ее жизни она ни перед кем, в том числе и передо мной, отчитываться не будет. И что, как бы она меня ни любила, разговаривать с ней в таком тоне я не смею.

— И вы не смели?

— Отчего же? Время от времени пробовал. Подростки вообще любят испытывать границы дозволенного. И чем подросток больше любит — тем

решительнее он будет прощупывать эту границу.

— Зачем? Он хочет свободы?

— Нет. Он хочет, чтобы ему показали, что мир — нормален, граница есть и он в безопасности.

— То есть Паша... Пауль нарочно провоцировал меня, чтобы ему указали его место?

— Совершенно верно. Так что приведите себя в порядок и давайте отправляться домой. Будем объяснять вашему отпрыску, насколько он не прав. Хотя, честно говоря, он уже наказан.

— Что? — подскочила я.

— Понимаете, когда мне доложили, что вы в слезах выбежали из кофейни и теперь неизвестно где, я разгневался. Отправил детей через портал домой. И наказал.

— Что с моим сыном?

Нет. Я не кричала. Я не истерила. Голос был холоден. Спокоен. И даже как-то деловит. Но в нем была сила.

— Вот, — одобрительно закивал лорд Верд. — Запомните эту интонацию. Если бы вы так говорили с сыном с самого начала, то конфликта бы не было. Он бы понял, что вы в стае главная, и успокоился бы.

— Вы с ума сошли со своей педагогикой? Какая стая? Что с моим мальчиком?! — окончательно рассердилась я.

— Стая — такая же, как у волков, — с улыбкой посмотрел на меня милорд Верд. — Ну же! Молодежь тяготеет именно к этой модели поведения. Кто сильный — тот и прав. А вопрос о том, что Пауль не мальчик, а молодой мужчина... Это мы уже выясняли...

Я не сводила с милорда Верда гневного взгляда. И мне было все равно, что его считают страшным человеком и что свое недовольство он может обратить на меня.

Он тоже не отводил взгляда. И вдруг я поняла, что он улыбается. Он еще и доволен нашей перепалкой?

— Да ничего с *вашим мальчиком*, — он произнес это ядовитейшим образом, — не случилось. Получил трепку. Поставлен в угол. Вместе с Рэмом.

— А Рэм-то чем вам не угодил?

— Он вообще умница! — обрадованно проговорил милорд. — Сначала с братом подрался за то, что тот вас оскорбил, а затем ему же и на помощь кинулся, когда я на Пауля заклинание обездвиживания кинул и по потолку его распластал.

Я только смогла покачать головой. Похоже, мир сошел с ума. И я вместе с ним.

— Так что на потолке в холле у нас два замечательнейших украшения. Мастер Пауль Рэ и мастер Рэм Рэ. Давайте поужинаем в городе и поедем их снимать.

— А может — сразу в поместье?

— Нет-нет, — широко улыбнулся он. — Нам, для закрепления эффекта, необходимо, чтобы молодые люди прониклись.

Ну, вот что ты ему скажешь?.. Тем более я понимала, что милорд не так уж и не прав. И все, что мне говорил лорд Верд, не новость. Я хорошо знаю возрастную психологию — подростков в особенности. Все-таки сколько лет преподаю. Но применить все это к своему сыну... Охо-хо... Как-то не получилось...

— Итак, у нас с вами поздний обед. Куда бы вы хотели пойти?

— Я в столице практически ничего не знаю, — задумчиво протянула я. — Единственно, не очень хочется помпезности...

— Отчего нет? Вы прекрасно выглядите.

— Это нормально — обедать в столичном ресторане со своей экономкой?

Лорд Верд недовольно поморщился.

— А покупать экономке одежду — это тоже нормально? — продолжила я. — Никак ее не компрометирует? Никак не унижает?

— Я хотел порадовать, — тихо сказал он. — И помочь. Только и всего.

— Милорд... Ваша помощь настолько велика, что... Я даже не могу сказать, насколько я вам благодарна. Но покупать одежду мне или моим детям... Простите. Я не могу этого позволить.

— Хорошо. Возможно, я был не прав. Только, с вашего позволения, я не буду брать ваши монеты. Это как-то... перебор. Я просто вычту сумму покупок из вашего жалованья, идет?

— Договорились. — И протянула ему руку.

В его глазах на секунду мелькнуло веселое изумление. Я обругала себя. Похоже, здесь подобные прикосновения были не приняты. Между посторонними людьми. Через секунду он аккуратно пожал кончики моих пальцев.

— Ужинать, — приказал он. — Насчет помпезности, правда, я не уверен. Мое знакомство с ресторанами ограничено теми, в которых мне положено бывать. Но, по крайней мере, там неплохо кормят.

Милорд Верд привел меня в ресторан «Изумрудная цапля». Что сказать... Пафоса, света, золота и высокомерных лиц в ресторане было

предостаточно. А вот остальное... Каталина готовила лучше, честное слово... Но — самое главное — никто к нам не подошел, на меня присутствующие никак не отреагировали. Я выдохнула с невыразимым облегчением, когда мы вышли из ресторана, и я оперлась на поданную мне милордом руку. Он помог мне взобраться в экипаж.

— Вам не понравилось, — подвел он итог, как только мы тронулись.

— Я все время ожидала, что подойдет герцог, который с непроизносимым именем... Неприятный такой.

— Борнмут? Что приходил к нам?

— Именно. Или барон — сына которого тяжело ранил Пауль... И будет возмутительная сцена.

— Простите. Не хотел ставить вас в неловкое положение. Просто я... Как бы так сказать... Самим фактом своего существования — уже неловкость. Поэтому я как-то приучился не замечать людей, которые пытаются поставить меня в щекотливую ситуацию.

— И как вам это удастся?

— Я выбрал нескольких человек, мнение которых для меня важно. В глазах которых мне хочется выглядеть... прилично. И все. Мнения остальных для меня попросту не существует. Иначе бы я с ума сошел, кому-то что-то доказывая.

— А ведь вы правы, — задумчиво протянула я. — Абсолютно. А я зря нервничала.

— Спасибо. — У него получилось как-то обрадованно, и теперь он протянул мне руку.

Я подала ему свою, и он поцеловал мне пальцы.

Ох... И чего это я так смутилась?.. Вот уж некстати...

Остаток пути мы проделали в молчании, но не напряженном, а странно-уютном.

А в доме, в холле, я увидела Пауля и Рэма, распяленных на потолке в виде морских звезд. Мой испуганный вскрик напоролся на холодное распоряжение милорда Верда:

— Госпожа Лиззард, отправляйтесь в библиотеку и дождитесь нас там. Мы сейчас подойдем.

Силы в его голосе было столько, что меня попросту снесло в сторону библиотеки, хотя, честно говоря, я и не собиралась подчиняться.

Как только я послушно закрыла за собой двери, меня отпустило. Я заметалась по библиотеке, не зная, как поступить. Кричать на милорда, требуя освободить сыновей? Устроить истерику? Поверить ему, что он не собирается причинить вреда?..

Первым вошел Павел. Очень смущенный. За ним в библиотеку проник Рэм. Я замерла.

— Мам... — протянул мой сын, — ну, ма-а-ам...

Я всхлипнула и бросилась его обнимать...

— Дурачок ты мой, — шептала я, — какой же ты дурачок...

— Мам, прости меня...

Мы стояли долго. Потом я наткнулась на горький взгляд Рэма.

— Иди сюда, мой хороший, — позвала я его.

— Простите меня...

— Все хорошо, — как заклинание повторяла я, — все обязательно будет хорошо. Только давайте больше не ссориться.

Милорд Верд заглянул минут через десять. Мы втроем успели успокоиться и договориться, что соглашаемся с игрой, придуманной милордом. Будем как Штирлиц в тылу врага. И тем более старательно будем играть, потому что от этого зависят наши жизни.

Молодые люди были отправлены ужинать. После этого им разрешили вернуться в библиотеку и выпить чаю в нашем присутствии. И на десерт употребить лимарру, которую еще утром принесли в поместье и до которой так дело и не дошло.

Как только Паша и Рэм вышли — никаких возражений на приказ милорда не последовало, — мне предложили выпить. Я согласилась с радостью.

— Так как насчет гномьего самогона? — поинтересовалась я.

Милорд тяжело вздохнул:

— Распорядитесь, чтобы сока вам какого-нибудь принесли. И чайную ложечку.

Оливия внесла поднос, на котором стоял кувшин с соком и лежала чайная ложечка. По-моему, служанка аж подрагивала от любопытства. Кинула пронзительный взгляд на меня, на милорда все же смотреть опасалась.

Милорд Верд старательно отмерил ложечкой что-то мутное из глиняной бутылки, влил в стакан сока из кувшина и подал мне.

Я понюхала, сделала глоток. По крепости — немногим слабее водки... Только со вкусом апельсина да еще каких-то травок. Да... стакана ее, родимой, мне явно будет многовато. Вечер определенно переставал быть томным...

Глава 14

Утром я дико гордилась собой. Я удержалась. И ограничилась лишь парой глотков замечательного напитка из стакана, ровно до тех пор, чтобы меня прекратило потряхивать... Но не более. Так что я наступила на горло собственной песне, хотя напиток хотелось отчаянно, и не стала изображать из себя красноармейца в фашистском плену, действуя по принципу: «Русские после первой не закусывают...»

Остаток вечера прошел... странно. Мы беседовали в гостиной. Я распоряжалась насчет чая. Каталина в честь приезда мастера Рэма и мастера Пауля расщедрилась на торт, изумительный, со взбитыми сливками и лимаррой, пропитавшей темные коржи.

— Каталина! — торжественно проговорила я, когда попала на кухню. — Я просто должна это сказать!

— Госпожа Лиззард? — настороженно отозвалась наша повариха.

— Ваш торт вкуснее, чем все, что мы пробовали в кофейне с молодыми господами. А еда в доме лучше, чем в «Изумрудной цапле». Ой.

Я поняла, что проболталась и путем нехитрых умозаключений прислуга догадается, с кем же я была в модном ресторане. А ну и пусть догадываются!..

Но повариха отреагировала без любопытного блеска в глазах, который я так не выносила. Она смутилась и растрогалась.

— Спасибо, — тихонько ответила она. — Это... так приятно.

Остальные слуги смотрели на меня с одобрением.

На этом я отправилась спать.

Бывает, что думаешь — заснешь еще до того, как упадешь в кровать... Ан нет! Вот она — ночь. Вот она — тысяча и одна мысль... И главная на повестке дня... — нет, ночи — что это было?..

Мальчишки после чая достаточно быстро ушли. Я поднялась, чтобы уйти с ними.

— Пожалуйста, останьтесь...

Я развернулась и посмотрела прямо в глаза милорду Верду. Натолкнулась на что-то невероятное, притягательное. В этом взгляде темных глаз хотелось запутаться. И остаться... Но самое главное — в этом взгляде страшно было ошибиться и принять желаемое за действительное...

И я, спрятавшись за неважные и обыденные слова, поспешила уйти из гостиной. А то получилось бы что-нибудь по типу: «Пьяная женщина —

доступная женщина». Потом стыда не оберешься.

А теперь я ворочалась и думала... А что, есть мысль — надо ее думать. И времени много — вся ночь.

— И что же страшного было в этом интересе? — вдруг замелькали у меня в голове мысли, такое ощущение, что чужие. «Надо меньше пить!» — ответила я себе.

— Да не то чтобы страшно... — пробормотала я непонятно кому, где-то в своей бессоннице.

— Неприятно? — не унимался, будем считать, мой внутренний голос.

— Абсолютно нет. Наоборот, — улыбнулась.

— И какие же чувства возникли?

— Внезапно нахлынувшее желание... — кому-то ответила я. А что?.. Я нетрезвая — еще и честная. По крайней мере, с собой. В своих снах...

Мне показалось, или голос как-то нервно сглотнул.

— Тогда почему ушла?

— Страшно...

Кто-то в моей бессоннице зарычал и засмеялся одновременно:

— Не понимаю...

— Страшно близко подходить к кому-то. И подпускать к себе кого-то близко-близко тоже страшно, — прошептала я. И наконец-то заснула...

Утром я проспала. Проснулась уже ближе к десяти, вскочила. Уже привычно отругала себя за то, что не завila волосы. Так же привычно заплела косы и заколола их.

Сбежала вниз. Сначала кухня.

— Госпожа Лиззард, — улыбнулась мне Каталина. — Милорд и его воспитанники отзавтракали. Только... он им нормально поесть не дал. Только по два сырничка позволил! А они маленькие совсем! Занятие фехтованием у них с утра... А дети голодные!

— Так они во дворе?

— Да, — кивнула повариха. — Завтракать будете?

— Спасибо. Я сама все возьму. Каталина, — мне пришла в голову мысль, — а что, если мы напечем пирогов и пирожков? Пирожки с разными начинками. Все их любят, особенно милорд. Да и мальчиков побалуем... На обед тогда подадим бульон с кусочками мяса и выпечку. А на ужин сделаем большие пироги — с рыбой.

— Можно, конечно... Только тесто я не ставила. А дрожжевому — ночь подходить.

— Я мы сделаем «ленивое».

— Как это?

— Практически сразу замешиваем — и ставим в хо... — хотела сказать «в холодильник», но осеклась, — в холодное.

— Давайте попробуем, — скривилась она, но протестовать не стала.

— Я и Оливия будем вам помогать. С выпечкой, да еще и на такое количество народа, возни много.

Как и всегда, когда я говорила о том, что буду готовить или буду помогать с готовкой, Каталина смотрела на меня удивленно. Я, как, впрочем, и обычно, не обращала на это никакого внимания.

Первую партию пирожков у нас растащили, не дожидаясь обеда. На кухне отметились все. Ладно, Джон и Натан — они хотя бы официально знали, где кухня. Мальчишки нашли ее по запаху — так они объяснили свое появление. Последним пришел милорд Верд.

Каталина как раз доставала из печи еще один противень. Ждали своей очереди в духовку два огромных пирога с рыбой. Я долепливала последние пирожки — теперь с капустой. Их решено было пожарить. Оливия чистилась — пора было начинать сервировать стол к обеду, а мы все были в муке.

— Это было серьезное испытание для моей силы воли, — рассмеялся хозяин, оглядев нашу живописную группу. Из нас троих только горничная выглядела прилично. — Обеда дожидаться невозможно.

— Бегу накрывать, милорд! — И Оливия, поклонившись, унеслась.

— Милорд, вам дать пирожков, попробовать? — улыбнулась я.

— Я думал, вы и не догадаетесь.

— Подать в кабинет? Или в гостиную? — поклонилась Каталина.

Лицо у милорда Верда приняло какое-то обиженное выражение. Я не стала его расстраивать и поставила перед ним тарелку, подала приборы. Вряд ли бы он стал есть пирожки руками.

Каталина посмотрела на меня недовольно, милорд — счастливо.

— Только не перебейте аппетит.

— Вы это же говорили мастеру Рэму и мастеру Паулю?

— Слово в слово, — подтвердила я.

— И как успех?

— За обедом посмотрим.

Мы рассмеялись.

Милорд Верд опустошил тарелку, кинул плотоядный взор на свежевытащенный противень. Натолкнулся на строгий и непреклонный взгляд Каталины.

— Госпожа Лиззард! — обратился он ко мне.

— Да, милорд.

— Когда будете считать расходы на неделю, внесите в них премию вам и Каталине. В размере недельного оклада.

— Нам еще Оливия помогала, — уточнила я.

— Тогда вам троим. — И милорд удалился.

Повариха посмотрела на меня удивленно.

— Вот как бывает, — улыбнулась я ей. — А будем на завтрак вкусняшки подавать — совсем озолотимся.

Быстро поела и отправилась считать недельные расходы. Время было позднее — уже четыре часа дня. А сделать надо было много.

— Мам, — прокрался ко мне в библиотеку Пауль.

— Да, сынок, — не удержалась я. Все-таки какими бы ни были благими причины, по которым мы на людях скрывали родство, это было тяжело.

— Милорд Верд фехтует круто. Мы на него вдвоем с Рэмом нападали — и ничего. Ни разу. А он нас честно предупреждал, какой части тела острием шпаги коснется.

Глаза у моего ребенка сверкали. Выражение лица было самое воодушевленное.

— А еще он сказал, что если мы продолжим в том же духе, то сможем участвовать в соревнованиях по фехтованию среди юношей нашего возраста.

— И что для этого надо?

— Стать самым сильным в академии. И он считает, что я смогу. Только мне надо работать над контролем. Тут сражаются на заточенных шпагах. И безопасность зависит от тех, кто фехтует, а не только от защиты.

— Это же опасно!

— Опасно, — с великолепным равнодушием молодости отозвался мой сын. — Но интересно... Кстати, а ты знаешь, что шпага милорда заточена особым образом — ей можно не только колоть, но и рубить. Как саблей.

— Да что ты! — Мужчины... что бы их еще так восхищало, как способ заточки шпаги! Ну, кроме пирожков...

— Представь себе. Он говорит, что это специальный, боевой, вариант.

— А Рэм где?

— У себя в комнате. Он уроки делает... Да и мне пора. Слышь, мам, они тут с проверкой домашки — вообще звери. И чуть что — сразу отработки. Запнулся — дополнительный доклад. А после отбоя — или в свободное время — мыть или чистить. Или со стулом вальс танцевать.

— Так тебе нравится?

— Если убрать танцы, риторику и мытье туалетов... То все остальное

— нравится. Ну, я побежал. А то наобщаюсь с нашими белыми друзьями...

И Паша унесся. А я сидела, улыбаясь и вытирая слезы одновременно, и все говорила и говорила: «Спасибо!..», обращаясь непонятно к кому — к Мирозданию, наверное.

Неприятности ждали и скучали. И дождались своей очереди. И пришли с той стороны, откуда я их не ждала.

В понедельник пошел выматывающий дождь, резко похолодало. Но в доме было тепло. Я, Оливия и трое поденщиц из деревни делали генеральную уборку. Торопились все успеть до обеда, когда прибудет милорд Верд, чтобы не мешать ему суетой.

Я как раз бежала вверх по лестнице, несла девочкам чистое белье и полотенца, чтобы перестелить милорду постель, как вдруг услышала от Джона:

— О нет Только не эта крокодилица.

Мне стало интересно, я спустилась к нему.

Камердинер смотрел в окно на подъезжающую карету с золотым гербом на дверце.

— Кто это? — поинтересовалась я.

— Миледи, — посмотрел он на меня внимательно, — бегите наверх и не спускайтесь сюда. Но... в любом случае постарайтесь не обращать внимания на то, что скажет эта... дама.

— Я не миледи, — поправила верного слугу и отправилась по своим делам.

Мы вчетвером: я, Оливия, мама Вилли и еще одна женщина из деревни уже убрали комнаты мальчишек, оставалась спальня милорда. Уже и в ней заканчивали, как услышали звуки скандала, что накатывался на нас как девятый вал. Все ближе и ближе. И...

— Ты хочешь сказать, что господина в доме нет! — услышали мы разгневанный женский голос.

— Именно так, миледи. — Джон говорил, как обычно, спокойно. — И смею заметить, что тут вам не должно находиться. На втором этаже — покои хозяина. Здесь...

Дверь распахнулась. Передо мной и оцепеневшей прислугой возникла дама.

— Мне, значит, не положено, — взвилась скандальная особа, — а вот ей?!!

И она брезгливо ткнула в меня указательным пальчиком, на котором красовался перстень с огромным бриллиантом.

У меня в руках была как раз охапка грязного белья. И чувствовала я

себя на редкость глупо.

— Вы позволите, госпожа? — пришла мне на помощь Оливия.

— Да, — очнулась я. — Спасибо.

Передала служанке белье и присела в коротком книксене перед дамой:

— Вы позволите проводить вас в гостиную?

— Прислуга, — выдохнула она с негодованием. — Так это тебя милорд Верд водил позавчера в ресторан?

— Со всем уважением позвольте вам заметить, что это вас никоим образом не касается, — тихо проговорила я.

— Что? — Сиятельная дама уже визжала. — Да как ты смеешь, мерзавка! Да ты знаешь, кто я такая? Я Глория Лидия Таг, графиня Олмри. Ты не должна и рта раскрывать в моем присутствии!

На кончиках ее пальцев затрепетало пламя. Глаза стали алыми-алыми. Служанки взвизгнули и отскочили подальше. Я так растерялась, что просто не могла сдвинуться с места. Не было даже страха. Так — лишь легкое недоумение.

— Я думала просто тебя уволить, — прошипела дама, решаясь напасть на меня. — Но теперь я сожгу тебя — и все на этом!

Между нами вклинился Джон, закрывая меня собой:

— Ваше сиятельство, должен заметить, что это будет нападение в доме милорда Верда.

— На прислугу? И ты думаешь, что меня это остановит?

— Не знаю, — раздался от двери насмешливый голос милорда. — Любого здравомыслящего человека это бы остановило. Добрый день, Глория.

— Твои слуги, Ричард, это просто кошмар!

А голосок-то у высокородной миледи изменился. Стал нежным, как звуки серебряного колокольчика. И не скажешь, что она сейчас визжала и бранилась.

— Позволь, я провожу тебя в гостиную, где мы и поговорим, — сделал шаг назад милорд Верд. — Здесь это и неловко, да и...

— Действительно, слуги — это не те существа, в присутствии которых стоит беседовать, — презрительно бросила графиня.

И господа удалились.

Это я рассуждала о том, что в Империи Тигвердов все люди милые и отзывчивые? Беру свои слова обратно. Все, кроме аристократов.

Я развернулась к женщинам-поденщицам, пригласила на кухню отобедать. Пошла в свою комнату, где у меня хранились деньги на хозяйственные нужды. Решила, что на господской половине ноги моей не

будет.

Но, когда я пошла провожать наших работниц и мы вышли через черный вход во двор, то все услышали, как над поместьем разносится негодующий звонкий голосок графини:

— Ты не можешь поступить так с нами!

И вслед неразборчивое шипение милорда Верда:

— Глория, перестань.

— Это — подло и бесчестно, — взвилась дама. — Хотя... что еще ожидать от бастарда. А знаешь, ты прав. И эта жалкая служанка — именно то, что тебе нужно. Наплодите себе еще незаконнорожденных. Хотя... Кажется, двое у тебя уже есть? Ты же их даже в академию пристроил — к себе под крылышко!

— Миледи, — тихий рык хозяина услышали все. — Прекратите истерику. И извольте покинуть мой дом.

— А то — что? Что ты мне сделаешь?

— Всесильные стихии... — вдруг неожиданно раздался смех милорда Верда. — Чем я думал, когда купился на симпатичное личико? Я вас внимательно слушаю, миледи, — как и, впрочем, все поместье. И полностью отдаю себе отчет в том, что я все это заслужил. Прежде всего потому, что мне хватило ума связаться с вами.

— Да как вы смеете!

— Еще что-то, ваше сиятельство?

— Вы недостойны именоваться дворянином.

— Безусловно. Что-то еще, миледи?

— Вы! Вы... — В голосе послышались слезы.

Потом шаги, хлопок дверцы кареты, свист кнута, вопль кучера: «Йо-хо!!!» И разгневанная графиня унеслась.

— А представьте, что было бы, если бы ее светлость была не просто любовницей милорда, — раздался у меня за спиной голос Оливии, — которого она сама отвергла несколько недель назад. А его невестой. Или — не дай стихии — супругой. Какой кошмар.

Я мысленно с ней согласилась. А вслух поинтересовалась:

— Погоди... Если они расстались, тогда... что это сейчас было?

— Думаю, что графиня просто посчитала, насколько выгодны отношения с милордом Вердом. Он-то скупым никогда не был. А у графини — известные проблемы с деньгами.

— Обалдеть, — покачала я головой и отправилась к себе в комнату.

Зашла в дом и услышала, как требовательно звонит колокольчик из столовой. Поспешила туда.

— Милорд? — С каждым днем мои книксены удавались мне все лучше и лучше.

— Очень хорошо, что зашли именно вы, — проговорил хозяин дома. — Я бы хотел принести свои извинения за поведение Глории. И...

— Не стоит, милорд, — мягко перебила я его. — Это лишнее. К тому же вы не обедали.

— Вы не хотите принимать моих извинений, потому что я нарушаю режим питания? Или потому что всему произошедшему нет оправдания?

— Потому что не вы меня оскорбляли. Следовательно, не вам и извиняться.

— Но вы в моем доме. И я чувствую себя ответственным...

— Вы — хороший человек, милорд Верд, — улыбнулась я ему. — Не надо извинений. Просто отобедайте. А то я буду волноваться, что вы голодный.

Глава 15

Как неделя не задалась с понедельника, так это все продолжилось во вторник. Тот же заунывный дождь. Опять взбрыки аристократов...

Когда я подошла к двери встретить кадетов, которые прибыли на обед к милорду, то сразу обратила внимание на то, как молодые люди на меня смотрят.

Презрительно. Оценивающе-раздевающими взглядами.

Милорд Верд задерживался, и мне пришлось пройти с прибывшими в гостиную. Один из курсантов, высокий и изящный, черными глазами напоминающий милорда Верда — только волосы у него были иссиня-черные, — окликнул меня:

— Любезная, распорядитесь принести нам по бокалу вина перед обедом.

— Слушаюсь, милорд.

Остальные кадеты рассмеялись.

— Откуда вы появились, любезная? — с оскорбительным снисхождением спросил у меня другой. — Называть наследника престола милордом. Это надо быть совсем глупой. Или уж абсолютно невоспитанной.

«Ох, дети-дети... Не у меня вы учитесь...»

— Да что с нее взять, — поморщившись, проговорил кадет, лицо которого было мне знакомо. Это был граф Трuebas. Тот самый, что руководил дуэлью, в которой принимали участие мои мальчики. — Вылезла откуда-то из глухой провинции.

Все рассмеялись.

Двое не принимали участия в разговоре, но с интересом и одобрением смотрели на своих одноклассников.

— Прошу прощения, — ответила я вслух, оглядев всех пятерых, — но ведь милорд Верд распорядился не делать различия между кадетами?

Молодые люди потупились. Значит, я угадала.

— А теперь позвольте, я выполняю приказ его высочества.

Вино им подавала Оливия.

— Милорд задерживается, — обеспокоенно посмотрела она на меня.

— Не будут же молодые люди буянить, — усмехнулась я. — Кстати, сколько им? Последний курс. Учиться начинают... с четырнадцати. Как мастер Рэм Рэ и мастер Пауль Рэ. Значит, этим, что учатся на десятом

курсе, по двадцать четыре. Дети...

— Дети... — проворчала Оливия. — Только очень и очень могущественные. И сильные. Вы знаете, что Его Величество говорил хозяину, что принц Брэндон...

— Это тот, что вино распорядился подать? — уточнила я.

— Точно... Так вот, принц Брэндон как маг — сильнее даже, чем милорд Верд.

— Так младший брат — сильнее старшего?

— Да. И императора очень волнует, чтобы его наследник держал себя под контролем.

— Понятно, — ответила я и подумала, что уже начинаю привыкать к тому, что слуги все про всех знают. И очень любят пообсуждать своих господ.

Я вышла с кухни и отправилась посмотреть, не подать ли кадетам еще и еды, как почувствовала, как меня прижали к стене, как нахальные, чужие и беззастенчивые руки меня оглаживают. Подняла глаза — обнаружила, кто это. И как-то стало... до безумия противно. Несмотря на вчерашние показательные выступления некой графини и сегодняшнее хамство юнцов, я почему-то думала об этом представителе имперской аристократии много лучше.

— Ручонки убрал, — прошипела я.

Граф Трубридж — а это был он, — как раз в романтическом позыве дотронувшийся губами до моей шеи, вздрогнул. Но не прекратил на меня наваливаться.

— Вы забываетесь, — протянул он.

— А вы пожалуйста на меня хозяину, — улыбнулась я, глядя ему прямо в глаза.

— Знай свое место, прислуга!

— Мое место мне указывает мой хозяин — но никак не гость в его доме, — отрезала я холодно. — А на досуге подумайте вот над чем... Насколько хозяину дома будет приятно, что вы, его ученик, превращаете его дом в филиал дома терпимости.

— Что? — Приятно было слышать в голосе юного, но блестящего графа растерянность.

— Это проявление вашего уважения к моему хозяину?

— Да как ты смеешь?

— Вы так привыкли к дамам в борделях, что уже не понимаете, где находитесь?

— Вы не леди. — Странно, на мой взгляд, он отреагировал на слово «бордель» из моих уст. В его голосе совершенно нелогично прозвенели обвинительные и осуждающие нотки.

— Совершенно верно, — не стала спорить. — Я — прислуга.

Он выругался, но отошел.

— Мне позволено будет удалиться, ваше сиятельство? — почтительнейшим образом поинтересовалась я.

— Свободна.

И я, плюнув на свои обязанности, отправилась в свою комнату. Все! Все в сад. А мне — броневилок, кепочку, хорошего стрелка. И кучу патронов к станковому пулемету Исключительно в воспитательных целях.

Я поняла, что в Империи Тигвердов можно вполне себе жить. Если не сталкиваться с аристократами. Кажется, мой хозяин — единственный приличный человек из них всех. И тот бастард, которому с этими уродами приходится ой как тяжело.

Вдруг я поняла, что плачу. Это еще с чего?

И сама себе ответила — от злости. И как себя ни уговаривала, дескать, «собака лает — караван идет»... слезы текли. Наверное, я просто устала. Проснулась оттого, что мне осторожно стучали в дверь.

— Оливия? — Я открыла дверь. — Что-то случилось?

— Мы беспокоились о вас. Вы не вышли к ужину.

— Я заснула.

— Вы хорошо себя чувствуете? Может, вам еду принести в комнату?

— Спасибо, не стоит. Я сейчас спущусь.

Посмотрела на себя в зеркало, пока умывалась. М-да... Красота неземная, глаза опухли, вся разлохматилась. Покачала головой, рассмеялась.

— А чего ты ожидала?

Распустила волосы, заплела простую косу. И отправилась ужинать. На кухне я была уже одна. Все разошлись. Каталина оставила мне поднос с едой, прикрытый салфеткой. После того как я помыла посуду и расставила все по своим местам, я поняла, что ночью усну вряд ли. Я решила тихонько пробраться на господскую половину и взять книгу. Накануне я нашла книгу об обороне южного имперского города Наиль, на самой границе с Османским ханством. Мемуары какого-то имперского генерала. Я еще обратила внимание, что написано живо.

Я вошла в библиотеку. Света не было. Я пошла дальше, к полкам. Не зажигая света. И зацепилась о чьи-то длинные ноги.

— Госпожа Лиззард, — пророкотал у меня над ухом голос милорда

Верда. Он успел подхватить меня. От этой нечаянной близости меня как огнем опалило.

— Простите. — Я стала высвобождаться из кольца его рук.

— Ничего. — Он выпустил меня.

Я сделала шаг назад. Мы с ним так и остались в полутьме, чуть разбавленной догорающими углями камина.

— Я за книгой, — стала почему-то оправдываться.

— С вами все в порядке? — внезапно спросил он.

— Да, — нахмурилась я.

— Вы не очень устали за день?

— Нет. У меня разболелась голова, и я пренебрегла своими обязанностями и отправилась отдыхать.

— Вы посидите со мной? — очень тихо спросил он.

— Хорошо, — согласилась я. И уселась в соседнее кресло.

— Что-нибудь выпьете?

— Может, глоток вишневой наливки.

— Я принесу, не вставайте.

И пока до меня дошло, что происходит, хозяин дома отправился за рюмочкой наливки для меня, прислуги.

— Вам тяжело приходится? — спросил он у меня, когда мы выпили.

— Не так тяжело, как непривычно.

— Вам в тягость ваше зависимое положение?

— Вы — хороший хозяин.

Мне показалось в полутьме, или он поморщился?

— Кадеты надерзили вам сегодня...

Я промолчала. Еще не хватало жаловаться.

— Я сделал вывод — что-то упущено в их воспитании. Поэтому их отправили в экспедицию.

Судя по его голосу, придумал он что-то на редкость пакостное.

— Есть мир... Очень неприятный для высокомерных особ. Особенно если придется неделю побыть в шкуре раба.

— Что? — вскочила я. — Вы продали их в рабство?

— Конечно, нет. Не переживайте за них.

Милорд Верд поднялся и решительно усадил меня в кресло.

— Я их отправил к нагам, которые обязаны мне и моим воинам честью. А это для них больше даже, чем жизнь их потомства. Попросил, чтобы они инсценировали захват в рабство моих кадетов. Рабские ошейники, правда, недельку-другую — не больше — наши высокомерные друзья поносят. Чтобы впредь неповадно было. Но, смею вас заверить,

ничего, кроме пользы, для молодых людей не будет.

Я покачала головой. Интересные у них тут, в Империи, модели воспитания.

— Кстати, — продолжил милорд Верд. — При беседе с принимающей стороной я отметил особо, что мне будет приятно, если граф Трuebas и принц Брэндон получат особенно тяжелую, совсем уж унижительную работу. Мне обещали пойти навстречу. И знаете, наги — создания очень благодарные. И с очень богатой фантазией.

— И что будут делать представители аристократических родов? Чистить конюшни?

— Вот у вас фантазия развита скудно, так же как и у меня. Я, кроме чистки конюшен и, простите, отхожих мест, так ничего и не придумал за свою карьеру преподавателя. Но знаете, как ни возмущаются молодые аристократы подобным наказанием, трогает их это первый раз. Максимум второй. А потом... они привыкают. Вот и приходится пользоваться услугами друзей. Я обратился — добрые наги мне подсказали. И теперь мои кадеты трудятся прислугой в занюханной грязной портовой таверне. С рабскими ошейниками, чтобы вкусили всю прелесть зависимой жизни. Только внешность я им подправил на отвратную. Чтобы никто не покусился.

— А у вас проблем не будет?

— Вы о том, что Брэндон — наследник? Так я уже отчитался отцу. Он в восторге. Говорит, что давненько так не делали — а зря. Надо их так воспитывать регулярно. Так что последний курс у кадетов академии получится интересный. И очень познавательный. Раз уж им просто в моем доме диплом не писался.

И тут мне пришла еще одна мысль в голову:

— А вы откуда знаете, что кадеты вели себя невежливо?

— Я при этом присутствовал.

— В каком смысле?

— Чтобы лучше понять людей, надо посмотреть на них со стороны. Так что я был в гостинной еще раньше них. И наблюдал за их поведением.

— Что? — В голове моей мелькнула мысль: «А все ли он видел?» Почему-то мне показалось неприятным осознание того, что он присутствовал при том, как граф Трuebas... общался со мной наедине.

— Я все-таки что-то пропустил?

— Скажите, вы умеете читать мои мысли? — настороженно поинтересовалась я.

— Нет, только сильные эмоции. Сегодня, например, вы плакали. Были

очень подавлены.

И он посмотрел на меня вопросительно, словно ожидал, что я прямо сейчас начну объяснять причину. Ага, кинулась!

— И вы чувствуете, говорю я правду или лгу? — продолжила я задавать вопросы.

— Совершенно верно.

— А почему вы — другой?

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведете себя не так, как другие аристократы. Не стараетесь задеть, оскорбить. Не выпячиваете свою значимость. Относитесь к другим... по-человечески, что ли.

— Вы преувеличиваете, — невесело усмехнулся он. — Мне, конечно, приятно, что вы так думаете, но... В некоторых местах меня совершенно справедливо называют исчадием бездны. Имперским палачом.

— Вы помогли мне и моим сыновьям. Вы заботитесь о Вилли. Вы ровно общаетесь с людьми, что стоят ниже вас по положению. И вам неприятно, когда при вас оскорбляют других.

— Но... на войне я...

— Вы — убивали. Выполняли приказы любой ценой. А теперь мучаетесь угрызениями совести.

— И что это значит?

— То, что вы хороший человек. А еще вы не похожи на аристократов.

— Должно быть, мне слишком от судьбы за это досталось. Когда я только делал первые шаги и пытался доказать всем, что я — несмотря на то что бастард — на что-то годен. И достоин уважения. А теперь я пытаюсь хотя бы следующее поколение тех, кто будет управлять страной, сделать... поприличнее.

— Хотя бы не похожими на герцога Борнмута и графиню... не запомнила, как ее, — проворчала я.

— Графиню Олмри, — проворчал он. И еле слышно добавил: — И как меня угораздило... Я хочу сказать, что в доме вам ничего не грозит. На вас всегда будет моя защита.

Он молчал. Молчала и я. Чуть потрескивали угли в камине, да стучался дождь в окно.

— Вероника, — позвал меня он.

— Да? — не поднимая взгляда на мужчину, спросила я.

— Мне хорошо, когда вы рядом...

Он протянул руку и провел по моим волосам. Длинная коса рассыпалась по спине. Милорд Верд хрипло втянул воздух. И замер,

видимо, давая возможность мне принять решение.

Сердце мое забилося чаще. Но я подумала. Потом подумала еще — быстро и хорошо. И поднялась.

— Спокойной ночи, милорд.

— Вы уходите? — насмешливо спросил он. И тоже поднялся.

— Уже поздно.

— Вы устали?

Он стоял совсем рядом, и я кожей ощущала жар и силу его тела. И мне хотелось... Безумно, нестерпимо...

Но я сделала шаг назад. Потом еще. И еще.

— Спокойной ночи, — пробормотала я. И сбежала к себе.

Глава 16

Дождь барабанил по стеклам уже неделю. Непрерывно. Без конца и без остановки. То стекал слезливыми каплями, то меланхолично и ласково шуршал, словно подлизываясь, то злобно бил — как будто требуя, чтобы его впустили в дом обогреться.

Опять вторник. Опять ночь. Милорд Верд еще не возвращался. Получается, что я не видела его практически все это время. После той встречи в библиотеке возле камина... я сторонила милорда.

Не то чтобы я опасалась каких-то действий с его стороны, не совместимых с моими желаниями. Нет. Конечно, некий граф, кадет его милости, пишущий у милорда диплом и продемонстрировавший норму обращения с прислугой в данном мире, весьма способствовал просветлению в моих мозгах. Безусловно, я не думала, что лорд Верд поведет себя так же, как студент его академии. Но определенные проблемы наше сближение с хозяином уже принесло. А что будет, если мы станем любовниками? Хотя — стоило признаться в этом хотя бы себе — тянуло меня к нему очень сильно. И боялась я не так его желаний, как своих. А еще больше того, что они совпадут. И неделя эта далась мне тяжело.

Процесс «избегания» хозяина поместья не требовал особой спортивной подготовки. Если соблюдать все правила приличия, по крайней мере, как я их понимала, то можно было вполне свести общение к замечательным фразам «Да, милорд!», «Слушаюсь, милорд...» и прекраснейшим образом выполняемым книксенам. И попадаться на глаза строго по делу. И очень ненадолго.

К тому же на выходных милорд Верд привез мальчишек из академии и удалился. «По делам», — сообщил он. И мы с ним любезнейшим образом раскланялись.

Сегодня, во вторник, его кадеты-дипломники не почтили нас своим присутствием. Из чего я сделала вывод, что их «экспедиция» все еще продолжается.

А вот чего я сама не отправилась спать, а сижу и ожидаю милорда Верда, хотя обещала себе этого не делать, для меня оставалось загадкой.

Я отпустила слуг и дремала над книгой в гостиной, время от времени поглядывая на пламя камина. Игра огня меня успокаивала.

Едва слышимый звон колокольчика, возвещающего о том, что милорд пересек границы поместья, показался в тиши ночного дома слишком

громким. Я поднялась, потянулась, закуталась поплотнее в шаль и пошла открывать дверь. Попутно размышляя о том, что всегда удивлялась, как это Джону удастся подходить к двери всегда так вовремя — и не стоять выглядывать, но и не заставлять хозяина или посетителей ждать. А это всего лишь система внутреннего оповещения...

Хотя мне пришлось постоять в холле минут пятнадцать, прежде чем сквозь дождь я услышала шаги лорда Верда.

— Добрый вечер! — улыбнулась я ему.

— Добрый, — выглядел он каким-то осунувшимся. — Не обязательно меня дожидаться. Тем более я сегодня должен был остаться ночевать во дворце.

— Ничего. — Я приняла у него мокрый плащ. — Это приятные хлопоты.

— Спасибо, — улыбнулся он, словно я сказала что-то такое, что он хотел услышать.

— Подогреть ужин? Или вас покормили во дворце?

— Осторожно, — совсем развеселился он. — В вашем голосе звучит ревность.

— Надеюсь, это не будет расценено как неуважение к короне.

— Не знаю, не знаю... — Милорд Верд посмотрел на меня с нарочитым подозрением.

— Значит, ужин греть и вас кормить.

— Да. Только я переоденусь в сухое. И спущусь.

Я уже развесила его плащ, чтобы он просох, как услышала уже с лестницы, ведущей на второй этаж:

— Госпожа Лиззард!

— Да, милорд?

— Будьте добры, присоединитесь ко мне за ужином.

— Вот с чего вдруг? — проворчала под нос и сразу обругала себя нехорошими словами. Шифровалась бы дальше — все полезнее было бы.

— Так как насчет совместного ужина? — повторился вопрос.

— Простите, милорд. Я не вижу в этом необходимости, — ответила я хозяину через довольно длительный промежуток времени.

— Отчего же? Позвольте полюбопытствовать? — Раздались быстрые решительные шаги. Милорд Верд спустился обратно.

— Пожалуйста... На вас мокрая одежда — вы можете простудиться.

— Вас это волнует как мою примерную прислугу?

Я посмотрела на него с укором:

— И что вы хотите от меня услышать?

— Я вас чем-то обидел?

— Нет. — А вот этого вопроса я не ожидала.

— Вы знаете, ведь мне в какой-то момент показалось...

Мне оставалось лишь прижать ладони к вспыхнувшим щекам — какая я все-таки дура... Еще и не умеющая скрывать свой интерес.

— Вы смутились? Вам неловко? Мне не показалось? — Его неожиданно яркие в полутьме холла глаза смотрели на меня, не отрываясь.

«Солги!» — приказала я себе. Но не смогла.

— Не показалось, — выдохнула я.

— Ника... — Он сделал шаг ко мне.

— Пожалуйста... — отшатнулась от него, запуталась в длинной юбке — и упала бы, если бы меня не подхватили. Да что такое! Почему меня в этом мире просто ноги не держат? Я падаю, а он меня подхватывает! Бесит же.

— Я слишком настойчив и бесцеремонен? — тихо спросил он, придерживая меня.

— Самую малость. — Я высвободилась.

— Вас это оскорбляет?

Я тяжело вздохнула.

— Вы правы, — расценил этот вздох по-своему милорд Верд. — Холл и подножие лестницы не самое комфортное место для подобных разговоров. Сейчас я вернусь, и мы с вами договорим.

Он развернулся и сделал несколько шагов по ступенькам. Потом вдруг захрипел и рухнул мне под ноги.

— Свет, — закричала я и замахала руками. В этом мире все подчинялось командам, наполненным силой. Обычно у меня с этим были проблемы, я слишком долго жила в мире техники, но не магии. Обычно, но не сегодня.

Подбежала к милорду Верду, упала рядом с ним на колени. Дотронулась до его чуть шершавой щеки, напрягла слух — он дышал. Неровно, поверхностно, но дышал. Я поняла, что ничего сделать не могу — надо звать на помощь. Поднялась на ноги, помня о неудобных юбках, не предназначенных для резких движений.

Пока совершала это движение... Нет, наверное, мне померещилось. Я еще раз опустилась на колени и еще раз поднялась, стараясь двигаться как можно более плавно.

На одежде милорда действительно что-то было. Или кто-то был. Нечто, что практически сливалось с черной стойкой ворота на его мундире.

Я расстегнула несколько крючков, отогнула ворот. В шею впились

нечто. Оно чуть мерцало и двигалось. Это можно было заметить, если наклонить голову. Я прищурилась и присмотрелась повнимательнее. Похоже на головку небольшой портновской булавки. У меня даже руки зачесались от желания ее вытащить.

Я подцепила эту гадость ногтями и потянула. И тут же заорала от ужаса — это оказалось живым. Оно отчаянно сопротивлялось, не желая отцепляться от милорда.

Но я не собиралась сдаваться. Рычала и тянула. И вот это черное, чуть переливающееся нечто размером с длинного червяка — в моих руках. Оно нервно изогнулось и попыталось обвиться вокруг моих пальцев. Взвизгнув, я отшвырнула это прочь. Оно отлетело к столику неподалеку. Но я поняла, что оно сейчас опять бросится. Тогда я подскочила, кинулась к столику — на нем как раз стояла умопомрачительной красоты ваза, выточенная из цельного куска аметиста, — схватила ее — какая тяжелая! — и опустила на черного мерцающего червяка.

Раздался хлопок, поднялось облачко черного едкого дыма.

И тут я закричала. Вскочила, побежала в сторону комнат слуг, собираясь поднять всех. Коридор первого этажа почти закончился, когда я столкнулась с Джоном и Натаном.

— Что случилось? — схватил меня за руку Джон. — Вы кричали.

— Милорд! — выдохнула я. — Он не шевелится. Но дышит.

— Натан! Седлай коня. В академию, поднимайте военных. Нападение на командующего.

— Есть, — отозвался конюх и убежал.

— Госпожа Лиззард! Вы — к милорду! Посидите с ним.

— Хорошо, — кивнула.

— Я в кабинет милорда, свяжусь со столицей. Сейчас будет помощь.

И мы с ним поторопились.

Я подбежала к хозяину, опустилась рядом, положила его голову к себе на колени. И принялась ждать.

Хлопок портала — и из разноцветного марева стали появляться люди.

— Миледи, — окликнул меня высокий темноволосый мужчина, появляясь из ниоткуда в нашем холле. Рядом с ним материализовался еще один — более худосочный, чуть сутулящийся человек в длинном сюртуке с грустными, но очень добрыми глазами. — Что тут у вас?

— Что-то впилось милорду в шею. Черное. Я вытащила и раздавила вазой. Но пока он без изменения. Дыхание вроде бы выровнялось, а то в какой-то момент мне показалось, что оно пропало вовсе. Но в себя милорд не приходил.

Рядом со мной опустился на колени его спутник.

— Позвольте мне, — сказал он мягко.

Темноволосый протянул мне руку, помогая подняться:

— Давайте отойдем, чтобы не мешать целителю.

— Милорд Милфорд! — радостно окликнул моего собеседника Джон, выбегая в холл. — Вы прибыли.

— Да, Джон. Мне приказано разобраться в этом деле.

И тут перевел взгляд на меня и сказал недовольно:

— Вам явно знакомо мое имя.

— Милорд Верд упоминал, что вы — глава контрразведки. Что он нас познакомит и мы друг другу понравимся.

— На основании чего мой друг сделал подобный скоропалительный вывод? — взметнулись вверх брови высокородного вельможи.

— Я пыталась выяснить у милорда, что он предпочитает из еды. И была... неоправданно настойчива.

— Вы допрашивали Рэ? — удивился он.

«Как странно... Он его называет не по второй фамилии, а по первой, родовой. И что это все значит?» А вслух я произнесла:

— Для того чтобы хорошо выполнять свою работу, надо понимать, что от тебя хотят.

— Так... А сегодня что произошло? Как можно подробнее.

Я рассказала, как дождалась милорда, как приняла его плащ, как он пошел, сделал несколько шагов по лестнице и упал. Как я боролась с чем-то или с кем-то. Показала на вазу, раздавившую это самое нечто.

— Что там? — негромко спросил милорд Милфорд, ни к кому особо не обращаясь.

— Кентерберийская магическая змейка, — ответил молодой человек, совершающий аккуратные пассы над лордом Вердом.

Начальник контрразведки негромко, но энергично выругался.

— Вы уверены в этом? Это... это же практически невозможно!

Целитель грустно и испуганно взглянул на милорда, не отрываясь от своей работы:

— Я абсолютно в этом уверен. Как и в том, что каким-то невероятным образом нападение нейтрализовано... Что также практически невозможно! Я не уверен на сто процентов, но, судя по первому впечатлению, все обошлось!

— Что это такое? — спросила я.

— Это такая тварь, что стоит целого состояния и гарантированно убивает мага. И чем сильнее маг, тем скорее она его убивает. Она обращает

магию против мага. Кто-то натравил ее на нашего друга Рэ. И кстати, у меня к вам осталось два вопроса, госпожа Лиззард.

— Какие же?

— Первый. Вы мне что-то недоговариваете о вашей ночной беседе с вашим господином. Что именно?

Я покраснела.

— Даже так? — удивился милорд.

— Мы только разговаривали.

Он хмыкнул.

— А второй вопрос? Если вы все поняли о том, что я недоговариваю. — В конце концов, если он подумал, что мы любовники, это лучше его мнения обо мне как о возможной убийце.

— Вы же не маг?

— Совершенно верно, милорд, — не стала спорить я.

— Тогда как вы смогли разглядеть магическое порождение?

— Не знаю, милорд. Я пыталась вскочить, не запутавшись в юбках. И увидела какое-то черное мерцание. А потом появилось желание это вытащить.

— Что вы скажете, господин Ирвин?

— Повреждения обширные. Однако, судя по всему, эта госпожа... не услышал, как вас зовут... спасла милорду Верду жизнь. Как это ни парадоксально звучит. Хотя... Это же невозможно!

— Почему? — спросила я. Получилось с вызовом.

— Кентерберийская змейка невидима. Чтобы ее вырастить, необходимо опираться на ощущения, именно поэтому так часто она нападает на хозяина. Огромное количество несчастных случаев. В Кентерберийские болота на Запретных землях никто не сунется в здравом уме и твердой памяти. Это не только риск не вернуться живым с болот, но и риск угодить на виселицу. Запрещено законом. Но находятся безумцы — потому что яйцо этого существа стоит целое состояние. Безотказный способ убить мага. Но как бы то ни было, увидеть ее нельзя! Даже маги ее только чувствуют!

Милорд Милфорд очень выразительно посмотрел на меня...

— Джон, — позвал он камердинера. — Давайте перенесем милорда наверх.

— Слушаюсь, — раздался голос старого солдата. — Так милорд... поправится?

— Вот и мне бы хотелось это знать, — раздался позади нас холодный, повелительный и неприятный голос.

— Ваше Величество! — вытянулись по стойке смирно милорд Милфорд и целитель Ирвин.

Мы же с Джоном, наоборот, поклонились. Как можно ниже. И тут я поняла, что совершенно не знаю, как положено кланяться мне, экономке, августейшей особе. Как-то тот вариант, что подобная встреча может произойти, мы с Рэмом не рассматривали.

— Что с моим сыном? — задал вопрос император Фредерик.

— Вытянем, — ответил целитель. — Вопрос в том, сохранит ли ваш сын магию. Вот на него я пока ответа не дам.

— Вы хотели его перенести. — Голос был... как железом по стеклу. — И вызовите придворного мага. Пускай расскажет мне, что тут произошло.

Милорд Милфорд поклонился.

Дверь хлопнула. В холл ворвались Натан и пятерка военных в такой же черной форме, как обычно носил милорд Верд. И тоже без знаков отличия.

— Ваше Величество, — щелкнули каблуки прибывших.

— Армейские нюхачи, — внимательно посмотрел на них император. — Прекрасно. Поступаете в распоряжение начальника контрразведки. К утру доложить о результатах.

— Есть! — отрапортовал один из них. Другой подошел ко мне. Я замерла. Мгновение — и военный отрицательно покачал головой и отступил.

— Натан, — окликнул нашего конюха камердинер. — Нужно перенести милорда наверх. В спальню.

Натан поспешил выполнить приказ. Они вдвоем с Джоном подняли милорда Верда и потащили наверх. Целитель поспешил вслед за ними.

— Госпожа Лиззард! — обратился ко мне милорд Милфорд. — Где мы можем расположиться?

— Вам будет удобно в библиотеке? Или открыть кабинет милорда Верда?

— Библиотека, — распорядился начальник контрразведки.

Тут раздался еще один хлопок портала, и прибыл еще один человек — седобородый величественный старец в мантии. Видимо, это был маг, за которым посылали.

— Ваше Величество, — поклонился он императору.

Ни милорда Милфорда, ни — тем более — меня маг заметить не счел нужным.

Я провела господ через гостиную. Мужчины расселись. Я осталась стоять перед ними. Когда устала стоять под их пронзительными, недобрыми взглядами, то спросила:

— Приказать подать кофе? Или что-нибудь из еды?

— Ничего пока не надо, — оборвал меня император.

— Как прикажете.

— Отвечайте на вопросы, — резко приказал милорд Милфорд, как будто я отказывалась.

И опять по кругу.

Да, милорд упал с лестницы мне под ноги. Да, заметила что-то черное и извивающееся. Да, вытащила. Нет, понятия не имею, как у меня это получилось.

— Вы понимаете, что ваша история — полный бред? — кричал на меня маг. — Вы не могли вытащить из тела мага кентерберийскую змейку! От нее вообще спасения нет! Вы вообще понимаете, что вы несете?

— Что-то хлопнуло, когда я уронила на нее тяжелую вазу, — беспомощно оправдывалась я.

— Как это — вазу? — опешил маг.

— Она извивалась, мне стало страшно, я схватила вазу и прихлопнула эту гадость...

— Вы хотите сказать, что остатки змейки под вазой?

— Да. В холле.

Маг сорвался с места и убежал. Со скоростью, не приличествующей его почтенному возрасту. И как он в мантии не путается.

— Давайте еще раз, — вздохнул Милфорд.

Я кивнула.

Еще раз — так еще раз.

— Погодите, — остановил его император. — А вы хоть знаете, что такое кентерберийская магическая змейка?

— Да. Целитель... Не запомнила имя, простите... Он рассказал, когда милорда Верда осматривал.

— А до этого вы про это создание тьмы не слышали?

— Нет, — отрицательно покачала я головой. — Откуда?!

Я разозлилась, но тут же пожалела об этом... А что, если эта змеюка у них что-то вроде Бабы-яги и об этом знает каждый младенец? Тогда я выдала себя... И мальчишек... И милорд Верд сейчас не сможет нас защитить. От этих мыслей замутило, я пошатнулась и побледнела.

— Вы хотите сказать... — растерянно сказал начальник контрразведки.

— Я хочу сказать, что спастись, получается, можно, — рыкнул император. — Главное, чтобы рядом оказался кто-то необразованный настолько, что понятия не имеет, что это такое!

— Нужна еще ваза, — опять осмелев, серьезно дополнила я. — Или что-то еще. Тяжелое.

Тут к нам забежал маг. Он был в полном восторге от чего-то, обнаруженного под вазой.

— Рассказывайте все как было! — воодушевленно приказал он.

Я все повторила для него. Еще раз и со всеми подробностями.

— Я распорядился собрать пыль, что осталась, Ваше Величество. — Старец разве что не приплясывал. — И мы немедленно займемся этой загадкой.

— Меня больше интересует, кто применил запрещенное колдовство, чтобы убить моего сына, — негромко проговорил император.

Но маг уже удалился.

— Теперь вы, госпожа Лиззард, — обратил на меня тяжелый взор повелитель. — Вы понимаете, что вы — самая вероятная подозреваемая?

— Нет, я так не думаю, — прежде чем поняла, кому возражаю, отозвалась я.

— Почему — нет? — В его темных глазах мелькнуло что-то... почти человеческое, и я поняла, что милорд Верд очень похож на отца.

— Потому что я — человек новый в доме. И мне-то как раз не за что мстить милорду. Особенно столь изощренно.

— Согласен. Но вас попросту могли нанять, — вмешался милорд Милфорд.

— Тогда мне гораздо проще отравить еду. Пирожки или блинчики — их милорд любит. Или — как в нашем случае сегодня — не позвать на помощь... Дождаться, пока милорд затихнет. А потом уже поднимать крик.

— Откуда вы вообще взялись? — раздраженно сказал император. — И почему мой сын взял вас в дом? И мальчишки эти... Они ведь не его — я бы почувствовал... Кто они?

Какие правильные вопросы. А у меня на них как раз нет ответов...

— И что за дурацкое имя — Лиззард. Явно выдуманное. И какая из вас прислуга? Вы ведь даже когда говорите «Как прикажете»... — у него получилось весьма противно, неужели я так это произношу? — такое ощущение, что вы издеваетесь...

— Я не могу сказать — откуда появилась. Могу лишь отметить, что не несу угрозы для жизни и здоровья милорда. Сегодня я старалась помочь. Спасти его.

— А экономкой-то зачем устроились? — пытался что-то узнать для себя император.

— Я не знала, к кому обратиться за помощью. А милорду нужна была

экономка.

— Вы хотите сказать, что это воля случая?

— Должно быть...

— Ты почувствовал то же, что и я? — заскрежетал император. — Она ведь не лжет. Что скажешь, Милфорд?

— Нет, мой господин. Каждое слово — правда.

Видимо, и император, и его начальник контрразведки, как и мой хозяин, умели чувствовать правду и ложь.

— Но она о многом умалчивает, — добавил император.

— Да, мой господин. Это так.

И это все, словно меня и не было в библиотеке. На самом деле мне очень хотелось, чтобы меня тут и не было. Единственное, о чем я не жалела, — так это о том, что мне все-таки удалось спасти жизнь милорду Верду.

— Идите к себе, — распорядился император. — Поместье не покидать. Когда Ричард очнется — будем решать, что делать с вами. Вам очень повезет, если мой сын подтвердит ваш рассказ о сегодняшних событиях.

— Он же был без сознания.

— Маги, умирающие от нападения кентерберийской змейки, до последней секунды помнят все. И ощущают все, — пояснил милорд Милфорд. — Так что Рэ все видел и все чувствовал.

Глава 17

Меня подняли еще до рассвета. Через два с небольшим часа после того, как отпустили.

— Пройдемте с нами, — отдал мне приказ хмурый, явно недовольный жизнью мужчина в форме мышинового цвета, бесцеремонно войдя в мою комнату.

— У меня приказ не покидать поместье, — ответила я, глядя на него и размышляя о том, какая я все-таки молодец, что улеглась спать одетой.

— А у меня приказ — доставить вас на допрос, — равнодушно отвечали мне. — И я это сделаю, даже если мне придется за волосы тащить вас по полу.

Обнадеживающее начало беседы. Но деваться мне, как я понимаю, было особо некуда. По крайней мере, пока милорд Верд не очнется.

Я, не торопясь, надела пальто — новое, вишневого цвета, шляпку в тон. Взяла перчатки. Так же спокойно мы спустились по лестнице, вышли из дома через вход для слуг. Уселись в черный экипаж с решеткой на окнах. Когда выворачивали к воротам, я бросила взгляд на поместье. Сколько надежд было у меня, когда мы с мальчишками, кажется, жизнь назад, подъезжали сюда... Сопровождающий услышал мой тяжелый вздох.

— Хотите добрый совет?

— Конечно, хочу, господин.

— Ничего не подписывайте, — тихонько буркнул он. — Никаких документов. Бумаги с личным признанием имеют в Империи первостепенное значение по доказательной базе.

— Вы имеете в виду, что если подозреваемый подписал признательные документы, он становится виновным вне зависимости от всего?

Мужчина кивнул, глядя мне прямо в глаза:

— При решении участи главный довод — это сознался подозреваемый или нет...

— Спасибо, добрый господин.

— Я не добрый и практически не господин. Я не дворянин, — насмешливо отвечал мужчина.

Я нашла в себе силы улыбнуться. Хотя, честно говоря, больше всего мне хотелось визжать от ужаса.

Мы ехали чуть больше часа. В полном безмолвии — больше мы не проронили ни слова. Я старалась думать лишь о том, что милорд Верд

очнется — должен очнуться... И подтвердит мои слова. И все это закончится.

— Приехали, — сказал мужчина. Люди в такой же, как у него, мышинового цвета форме распахнули дверь экипажа. Мужчина — имя которого я так и не узнала — вышел, подал мне руку. Я помедлила. Как-то идти за ним не хотелось.

— Сударыня, не испытывайте терпение нашего начальника, — с угрозой в голосе обратился ко мне кто-то из сопровождающих.

— Если бы я еще понимала, куда и зачем меня привезли, — проворчала я.

— А... — отозвался чей-то неуместно-жизнерадостный голос, — госпожу отравительницу привезли!

Я огляделась. Обладателем голоса оказался молодой совсем человек — моложе меня, должно быть. Но при его появлении все служащие, находившиеся возле экипажа, подтянулись и встали по стойке смирно.

— Добро пожаловать, сударыня, в Управление уголовной полиции столицы. Позвольте представиться: господин Монтесье, начальник Управления. Я вас ждал.

Хмуро посмотрела на молодого мужчину — не слишком ли он молод для такой должности? Начальник управления весь лучился энтузиазмом:

— Пойдемте-пойдемте. Нам есть, о чем поговорить.

Мы зашли в кабинет, и мне предложили присесть. Честно говоря, я приготовилась еще раз повторять рассказ о ночных событиях. Но господину Монтесье удалось меня удивить.

Он просто взял со стола какую-то бумагу и положил передо мной.

— Подписывайте, — приказал он мне, не прекращая улыбаться.

— Что это? — спросила я, не притрагиваясь к бумаге.

— Признательные показания.

— Какого рода?

— А какая вам, собственно, разница? Не хотите, чтобы вам подпортили вашу симпатичную мордашку, — подписывайте.

— Вы позволите? — кивнула я на бумагу.

— На здоровье, — рассмеялся он. — Только не тяните.

Я взяла бумагу и стала читать.

О как! Я, оказывается, была шпионкой Османского ханства и наемной убийцей заодно. Меня заслали на территорию Империи с приказом уничтожить милорда Верда, бастарда императора. Я втерлась к нему в доверие, стала его любовницей — и потом отравила за ужином. Во время побега меня задержали сотрудники Уголовной полиции. Я бешено

сопротивлялась, нанесла увечья нескольким из них.

— Бред! — отложила я в сторону документ.

— А это и не важно. — Мужчина уже не улыбался. — Вы влезли в мужские игры, милочка. Поэтому на жалость можете не претендовать. Да и всякие ваши бабские штучки не действуют.

— При чем здесь жалость? Целитель, который прибыл с милордом Милфордом, признал, что мой хозяин был отравлен какой-то там змейкой. Я так понимаю, милорд Верд принес ее из дворца. Так что версия о том, что я отравила его за ужином, не выдерживает никакой критики... Кстати, ужинал он не дома, а опять-таки во дворце.

— Вот видите, как хорошо! — снова обрадовался он. — Вы уже признались, что подсунули милорду магическую тварь. Теперь мы перепишем документ — вы его подпишете. И все свободны.

Я пожала плечами. Пусть переписывают — все время какое-то пройдет. Только порадовалась, что Рэм и Пауль считались родственниками милорда Верда и их не тронули.

— Господин Монтесье! — вошел молодой парень с пером и новой бумагой в руках. — Все в лучшем виде.

— Пожалуйста, сударыня, — любезно улыбаясь, только что не кланяясь, подошел ко мне начальник Уголовной полиции.

— Вы же понимаете, что это все — неправда?

— А какая разница? В такой истории главное — кто первый раскроет заговор. И отчитается перед императором.

— Но кто-то же покушался на лорда Верда. Разве вы не думаете, что императору хотелось бы узнать, кто на самом деле покушался на его сына?

— Да это не твоего ума дело, — равнодушно сказал мужчина. — Да и не моего, в общем-то.

— А что — ваше дело?

— Дворянство получить для своих будущих детей. Кстати, во второй бумаге надо будет описать сеть заговорщиков, которыми ты руководила.

— Бред, — прошептала я.

— Перечислишь всех, с кем встречалась, пока жила в доме милорда. Будем из них сообщников делать, — словно и не услышав меня, продолжил господин Монтесье. — Хватить тянуть, подписывай.

Я взяла бумагу в руки, сделала вид, что раздумываю. Потом быстро порвала ее на две части.

— Не стану.

Я до последнего не верила, что он меня ударит. Будет пугать — да. Издеваться — безусловно. Но бить...

Но вот я летела через весь кабинет от удара кулаком в лицо. И чувствовала, как что-то хрустнуло у меня внутри.

«Надо же... А ножки стула к полу не прикручены оказались. А я читала, что в допросных их... Какие у меня в голове все-таки дурацкие мысли...»

Ко мне с диким воплем подскочил начальник Уголовной полиции. Я увидела занесенную над собой ногу. Нахлынула боль — и все померкло...

Кап-кап-кап... Где-то капала вода. Безумно хотелось пить. Было больно. Но боль была не резкая, острая, невыносимая, а тянущая, нудная. Я поняла, что лежу на каменном полу в затемненном помещении без окон. Мне все не верилось, что это все происходит на самом деле. Что все это не кошмарный сон...

— Очнулась, милая? — с поистине отеческой заботой поинтересовался у меня старческий дребезжащий голос. — Напугала ты нас. Думали уже, что потеряем.

— Как это? — Мой голос был похож на карканье.

— Перестарался наш начальник, ох, перестарался... Вот что значит, когда не по заслугам назначение делают, а по роду да знакомствам...

— Да уж... нехорошо, — согласилась я.

— Он ведь незаконнорожденный какого-то то ли графа, то ли барона. А тут увидел способ выслужиться до личного дворянства, — с какими-то извиняющимися интонациями сказал старик. — И совсем ополоумел.

Я зажмурилась, стараясь выкинуть из памяти то, как начальник Уголовной полиции «старался выслужиться до дворянства».

— Хорошо, что лекари у нас традиционно сильные и ко всему привыкшие, — обрадовал меня дедок.

— А вы кто? — спросила я.

— Пыточных дел мастер, — ответил мой собеседник, и я прикусила язык. Нашла время и место любопытство проявлять. — А это — пыточный подвал.

Я замотала головой, отгоняя ненужные слезы — вот уж точно не время было раскисать.

— Ну, что, девонька... Подписывать надо, — как-то сочувственно проговорил он.

— Нет, — нашла я в себе силы ответить.

— Ты же понимаешь, милая, что я тебе даже сознания потерять не дам. И бить не буду. Или кости ломать — тебе же их только срастили. Столько труда приложили. Есть более действенные средства. Иголки под ногти. Или

каленным железом по груди — и не смертельно, но боль такая, что сама просить будешь, чтобы бумагу принесли. Результат будет один и тот же...

Я плакала, уже ни на что не надеясь, но все равно не переставала упрямо отрицательно мотать головой.

— Вероника... Ника. Где же ты? Я чувствую ужас, я чувствую боль — где ты? Я уже несколько часов как очнулся — и зову тебя. Ты пропала. Где ты? Я не могу пробиться...

Сначала я подумала, что сошла с ума, что мне мерещится его голос. А потом я так обрадовалась — пусть даже и иллюзии того, что меня кто-то ищет, кто-то хочет защитить...

— Ричард! — закричала я вслух, впервые называя милорда по имени. — Я здесь! Я в Уголовной полиции.

— Это который Ричард-то? — поинтересовался старичок.

— Это который лорд Верд, — ответила я, — сын императора.

— Знаю, что в Уголовной, — продолжал общаться со мной голос в моей голове. — Где именно? Милфорд здание обшаривает — тебя нет нигде.

— Вам рекомендуют сказать, где мы находимся, — впервые посмотрела я на старика.

Тот пошамкал ртом, очевидно, раздумывая, как ему выгоднее поступить.

— Ты ведь все равно бумаги подписывать не будешь?

— Теперь-то уж точно нет...

— Да можно было бы успеть, — с явной насмешкой посмотрел он на меня.

— Можно, — не стала спорить я. — Только вам оно зачем?

— И то верно, девочка... Только у лорда своего попросишь начальника для нас нормального.

— Попрошу, — согласилась я.

— Никуда не уходи, — распорядился он, закрывая за собой дверь.

Я не поняла, сколько прошло времени — много ли, мало ли, — дверь опять открыли. Только на этот раз ее дернули с такой силой, что она жалобно закричала.

— Где она? — раздался крик. Затем ругань.

— Туточки, милорд, не извольте беспокоиться. Вот. В уголку.

— Где? — В пыточной было темно, а я лежала в самом дальнем углу — так что разглядеть меня действительно было сложно.

— Я здесь, милорд. — Мне показалось важным подать голос.

— Да сделай посветлее, — раздался новый приказ.

Вспыхнул свет, показавшийся мне необычайно ярким. Я попыталась закрыть глаза руками.

— Вы тут что — все с ума посходили? — Кто-то протопал, опустился ко мне, провел руками надо мной, почти касаясь. Меня окутывало теплом. Боль нехотя, но отступала.

Дальше опять шла ругань. К своему удивлению, поняла, что матерится милорд Милфорд — а это был именно он — на русском.

— Одежду ей — быстро.

— Слушаюсь, милорд, — ответил палач. И торопливо вышел.

— Хотя нет. Наверное, ждать не стоит... Так обойдемся.

Милорд стряхнул плащ с себя, закутал меня и поднял на руки.

— Поедем-ка домой. Там Рэ с ума сходит. На императора кричать изволил... Мне дуэлью грозил. Его силой в постели оставили.

Палач встретился нам уже на выходе из здания.

— Милорд, — радостно закричал он. — Вот.

И он стал тыкать в нас чем-то самого отвратительного вида.

— Вот, — показал он окровавленную тряпку, что была у него в правой руке. — Это — платье госпожи.

— Так оно разрезанное!

— Так лекари спасали госпожу-то... Что ж им — шнуровку развязывать? Вот еще есть.

И он стал показывать второе.

— И оно в крови, — возмущенно объявил начальник контрразведки, разглядев одежду.

— Так женщину убили же. Тут еще дырка от удара кинжалом, — растерянно проговорил он.

Милорд Милфорд раздраженно что-то фыркнул и пошел на выход, унося меня.

А меня пробило на истерический, непрекращающийся дикий смех. И смеялась я, одновременно давясь слезами, пока начальник контрразведки не положил мне ладонь на лоб — и я провалилась куда-то в забытие.

Глава 18

— Мама! Маааа! — Паша звал меня, а я все никак очнуться не могла.

— Госпожа Вероника... — это был уже Рэм. — Надо уходить отсюда. Скрыться.

— Нас выследили? — Я распахнула глаза и рывком села на кровати. Сердце бешено колотилось.

Голова загудела, тело заломило от боли. Я охнула.

Моя комната в поместье. Ночь. Ко мне пришли Пауль и Рэм.

— А почему ночью-то? — Я стараюсь не стонать от боли, понимая, что это их расстроит.

— Мы сбежали, — опустил голову Павел.

— От нас изо всех сил скрывали, что с вами случилось. Про то, что милорд Верд болен, в академии, конечно, знают. Но вот то, что на него покушались. — нет, — злобно ответил Рэм.

— И про то, что тебя обвинили... тоже молчали.

— А кто же вас просветил?

— Маркиз Борнмут, — выплюнул это имя мой сын. Подумал и добавил: — Козел.

— Козел, — подтвердил Рэм, который вдруг согласился с Паулем. — Он с таким удовольствием рассказывал, что милорда Верда отравила собственная экономка, за что ее и забили насмерть.

Я почувствовала, как всем телом вздрогнул Павел.

— Мы дождались ночи и удрали, — сказал он глухо.

— Потом пробрались сюда, в поместье, — перехватил его речь Рэм.

— Мам, как ты?

— Лучше, чем могло быть, — честно ответила я.

— Замечательно, — краешками губ улыбнулся Рэм. — Кажется, мы влезли в чью-то серьезную политическую игру... Кто-то пытается убрать милорда Верда.

— Надо делать ноги, — продолжил Паша. — Подальше отсюда.

— Вы сможете идти, госпожа Вероника?

— Подайте халат. Я попробую.

Пауль протянул мне одежду. Я замоталась, спустила ноги на пол и, кряхтя, поднялась.

— Хорошо, — скомандовал герцог, — а теперь — несколько шагов.

Они стояли и смотрели, как я пытаюсь идти. Как у меня слезы

наворачиваются на глаза.

— Проклятье, — выругался Рэм. — Я не такой сильный целитель, как мать. Я могу и не вытянуть ваше лечение...

— И что нам делать? — спросила я у сыновей.

— Я могу предложить не решать сгоряча, — раздался голос от двери.

— Милорд Верд, — злобно улыбнулся Рэм, вытаскивая шпагу из ножен. Пауль повторил его движение.

Ноги у меня подкашивались, голова кружилась. Я со стоном схватилась за спинку кровати.

— Так. Достаточно, — недовольным взглядом окинул нашу живописную группу хозяин дома.

Молодых людей пришилило на этот раз к стенкам — не к потолку, — только шпаги зазвенели жалобно об пол. Меня лорд Верд подхватил на руки.

— Давайте выйдем из спальни, мне здесь не положено находиться. А поговорить надо.

— Дети, — попробовала вырваться я.

— С ними ничего не случится, а нам надо обсудить все спокойно. Пожалуйста. Десять минут. Потом я их отпущу.

— Хорошо, — кивнула я.

Милорд вынес меня из спальни в прилегающую к ней комнатку, выполняющую роль гостиной.

— Простите, что ворвался вот так, посередине ночи. — Он усадил меня на диванчик. — Я почувствовал, что вы проснулись, испугались, а потом вам стало больно. И переполошился. Разрешите, я тоже присяду?

— Конечно.

Он подвинул себе кресло и уселся напротив меня.

— Вам не холодно?

— Нет. Каким образом вы чувствуете мой страх? Или мою боль?

— Сам точно не знаю, — быстро ответил хозяин дома — и я отчетливо поняла, что он лжет.

— И в тот момент, когда я была в пыточном подвале, вы меня тоже почувствовали?

— Да. Это был один из самых неприятных моментов в моей жизни... Если не самый. Я очнулся ближе к обеду. Отец был со мной... — В голосе милорда прозвучало бесконечное удивление.

— Да, — кивнула я. — Он был в поместье с ночи. Очень переживал.

— Я сказал, что вы для меня сделали. Я ведь действительно все видел: и то, как вы старались меня спасти, и то, как вы сражались с этой тварью...

А сам был беспомощным... Беспомощность — отвратительное чувство. И унижительное... Потом, когда я очнулся, меня пытались убедить, что вы сбежали.

— С чего это так решили?

— Я так понимаю, что никто не понял, куда вы делись. Слишком много народа было в доме: следователи, военные, маги, лекари, контрразведка, охрана императора...

— У семи нянек дитя без глазу, — проворчала я.

— Еще одна присказка вашей родины?

— Совершенно верно...

Он помолчал. Потом заговорил с явной неохотой:

— В конечном итоге вас спас Вилли. Он видел, как вас увозили в экипаже. На рассвете. Он смог прорваться к Джону и смог описать черную карету с решетками и мышиную форму.

— Спасибо ему, — вздрогнула я от воспоминаний.

— После этого вас стали разыскивать в Уголовной полиции.

— А это правда, что есть такой принцип — если подписано признание, то вина считается доказанной?

— Этот принцип касается добровольно подписанного признания, — уточнил милорд Верд.

— Ну, чтобы получить «добровольное» признание, не обязательно забивать. Можно не поить. Или бить кого-то из родственников. Или... отправить побеседовать с подозреваемым пыточных дел мастера. Вы знаете, он удивительно убедителен.

— Простите меня...

— Мне несказанно повезло, что я вывела господина Монтесье из себя — это дало отсрочку. Пока он бил, потом меня лекари спасали, потом я без сознания была...

— Кто такой господин Монтесье? — В голосе милорда Верда было сплошное ровное равнодушие.

— Вам доложат, — рассердилась я. — И вообще, а что было бы, если бы я сломалась и подписала признание?

— В вашем случае — ничего. Я бы смог решить этот вопрос. Хотя было бы неприятно — пришлось бы идти на серьезные уступки и делать то, чего мне делать совсем не хочется.

— Например?

— Принимать обратно армию. Или жениться на какой-нибудь герцогине. Или пойти на бал. Может быть, дело обошлось бы партией в шахматы. Не знаю... Все, что у меня бы потребовал Его Величество

Фредерик за ваше помилование.

— Когда мы общались ночью, мне не показалось, что Его Величество был расположен меня миловать, — проворчала я.

— Не скажите, — осторожно улыбнулся лорд Верд. — У меня сложилось ощущение, что вы ему понравились.

— В жизни бы не подумала!

— Он отправил вас отдыхать в вашу комнату, — пожал плечами сын императора. — И не озадачился тем, чтобы приставить охрану. Зря. Всех этих неприятностей можно было бы избежать... И мне очень жаль, что я был настолько слаб, что не сработало защитное заклинание. Того, кто на вас напал, попросту размазало бы. Но... Защита была завязана на мою силу — а ее-то как раз и не было.

Как-то внезапно ужас затопил меня — стало трудно дышать.

— Сейчас, — подскочил милорд. Быстро подошел к столику, уставленному какими-то пузырьречками, которых у меня в комнатах до этого не было. Накапал чего-то в стакан, долил воды. Вернулся ко мне. — Выпейте! Целитель оставил.

Я сделала глоток, почувствовала уже знакомую невыносимую горечь лекарства — видимо, принимала его не в первый раз. Дикая паника тут же отступила. Я задышала ровнее. И поняла, что вцепилась в мужскую руку.

— Вероника... — склонился он над моими ладонями, развернул их к себе и поцеловал. — Как бы мне хотелось все изменить. Как бы мне хотелось выразить, насколько я сожалею... Вы сможете меня когда-нибудь простить?

— Я прекрасно понимаю, что вашей вины в произошедшем нет.

— Мне хотелось вам помочь. Я понял, что вы и мальчишки от кого-то скрываетесь, чего-то боитесь. И вы, и ваши сыновья вызвали во мне симпатию. И я решил облагодетельствовать, тем более что мне это ничего не стоило... В результате я обязан вам жизнью, а вы чуть не погибли из-за меня.

— Видимо, судьба решила преподать вам урок смирения, а я попалась ей под горячую руку.

— Вы смеетесь?

— А что мне остается? Все живы и скоро будут почти здоровы. Надо лишь решить, что делать дальше.

— Тогда давайте пригласим молодых людей. В конце концов, это их касается в первую очередь.

Он отправился в мою спальню. А через секунду я услышала, как он разговаривает с мальчишками.

— Дайте мне слово, что не будете нападать. Нам надо поговорить.

— Из-за вас мама пострадала! — возмущенный голос Павла.

— Действительно, милорд. — А это был уже холодный и высокомерный голос Рэма. — Она была в вашем доме, под вашей защитой. Как это получилось?

— Один... — милорд явно проглотил несколько ругательств, — чиновник... решил выслужиться. По сути, он похитил вашу матушку.

— Может быть, вы придете сюда? — потеряла я терпение. — Ваш разговор в некотором роде и меня касается.

Повисла пауза, в которой мне послышалось: «Молчи, женщина, твой день — Восьмое марта...» Но потом что-то в мозгах у мужчин щелкнуло, и они появились в гостиной.

— Молодые люди! Сядьте и успокойтесь, — велела я. — А то вы так до многого договоритесь с милордом Вердом.

— Матушка, — обратился ко мне Рэм. — Я настаиваю на том, что здесь оставаться опасно и надо уходить.

— Я согласен с братом, — поспешил сказать свое слово товарищ Пашка.

— А что скажете вы, милорд?

— В словах молодых людей есть определенный смысл, — грустно улыбнулся он. — Но я прошу вас учесть несколько фактов. Госпожа Лиззард серьезно пострадала. В любом случае ей необходимо остаться, чтобы закончить лечение. Согласитесь, что личный целитель императора — это лучший специалист.

— Почему ее мучают боли? — вперил в милорда недовольный взгляд Рэм.

— Как я понял, помощь вашей матушке была оказана, но никто особо не старался. Кости срастили, внутреннее кровотечение остановили — и на этом все. С поврежденными тканями уже не работали. Да и разорванные нервы не сращивали. Отсюда боли.

— А что сейчас?

— Сейчас к лечению подходят со всевозможным старанием. Но госпожа Лиззард слаба, а целитель осторожен. Следовательно, этот процесс займет какое-то время.

— А что с чиновником, который маму похитил? — спросил Павел.

— Его ждут рудники, — пожал плечами милорд Верд. — Уголовную полицию — расследование и переформирование.

— Мне помогли там, — тихо сказала я. — Дважды.

— Когда будете в силах, расскажете, кто это был? Я возглавляю

комиссию по работе Уголовной полиции, и мне очень важно это знать.

Я кивнула. Потом вспомнила свое обещание:

— Кстати, человек, который мне помогал... — я не решилась говорить при детях слово «палач», — очень хотел нормальное начальство.

— Я подумаю, что можно сделать, — нахмурился милорд Верд.

— Милорд, — обратился к нему Павел, — а как, с вашей точки зрения, стоит поступить нам?

— В любом случае следует дождаться выздоровления госпожи Лиззард.

— Это понятно. А потом?

— Потом я бы попросил вас не исчезать. Если вы примете решение уйти, я подыщу для вас убежище. В конце концов, я обязан вашей матушке жизнью. А никто не может сказать — ни мои друзья, ни мои враги, — что я остался кому-нибудь что-нибудь должен.

Глава 19

— Так чем закончилось расследование? — поинтересовалась я у милорда Верда, который зашел меня проводить.

Он заходил каждый день после обеда. Я его ждала — быстрых, решительных шагов в коридоре, аккуратного стука в дверь, все время недовольного «И зачем вы встали?».

Сегодняшний день исключением не был. Я оделась — это целый подвиг, между прочим. Хорошо еще, что доставили мои заказанные платья, на примерку которых я так и не попала. Я надела любимое, синее, и отправилась встречать гостя. Обычно мы с ним беседовали на разные отвлеченные темы, но сегодня... Мне захотелось узнать, что происходит.

— Расследование... — проворчал милорд Верд, скривившись так, словно у него заболели все зубы разом. — Оно продолжается. Но я как-то сомневаюсь, что будет результат.

— Почему?

— Мои армейские розыскники никого не нашли, — еще сильнее нахмурился хозяин дома. — Они прошли по моему следу до императорского дворца. Пообщались со всеми, с кем я встречался в тот день.

— И?..

— И ничего. Так же точно ничего не нашли и маги. Кстати, прах змейки произвел на них неизгладимое впечатление. А мою вазу они так и не отдали.

Мы посмеялись, и милорд, сославшись на дела, удалился.

День тянулся за днем. Неделя за неделей. Вроде бы и жаловаться было не на что. Жизнь наладилась до такой степени, что я ощущала себя не в бегах, трудящейся на сатрапа и самодура в лице лорда Верда, а где-нибудь в санатории.

Дети старались радовать. Постоянные драки с другими кадетами в академии не в счет. Прислуга под чутким руководством Джона — тот проникся тем моментом, что я жизнь милорду спасла, — кидалась выполнять поручения еще до того, как они были даны. Даже обсуждения, являюсь ли я любовницей милорда, прекратили... Сам лорд Верд... Нет, я понимаю, что он мучился угрызениями совести и всячески скорбел. Но у меня складывалось порой ощущение, что скорбел он в том числе и головой. Я в своей жизни с такой гиперопекой еще не сталкивалась... И это он мне

что-то там рассказывал про то, что я мальчиков залюбила и заопекала. На себя бы посмотрел.

В общем, сильно хорошо — это тоже не очень хорошо...

К тому же милорд Верд прекратил всяческие поползновения в мой адрес. Не было больше долгих испытывающих взглядов, приглашений поужинать, как бы нечаянных прикосновений... Только корректность и забота. Сначала я радовалась. Дня три. Потом мне стало как-то обидно...

Я уже запуталась, сколько дней прошло после нашего ночного разговора, когда ко мне пробрались сыновья. Но однажды я проснулась и поняла: «Все, хватит». В постели находиться сил больше нет. Был бы еще Интернет — тогда может быть... А так. Скучно же! И я, правда, кряхтя, поднялась, оделась и пошла. Ничем особенным я не планировала заниматься: сесть, посчитать расходы да выбрать себе новую книгу из серьезнейшей библиотеки милорда.

С ним-то я и встретилась в коридоре между библиотекой и его кабинетом. И что он забыл дома в первой половине дня?! Я думала, после беседы со мной он удалился в академию.

— Что случилось? — рявкнул милорд Верд.

— С кем? — испугалась я.

— С вами! — Еще и глазами черными засверкал — страсти какие.

— Пока вы не принялись меня пугать — все было хорошо, — честно ответила я, не отказывая себе в удовольствии полюбоваться мужчиной. А что — роскошный экземпляр. Широкоплечий. Серебристоволосый. С черными глазами... Да что я... Я ж так — только с эстетической точки зрения.

— Тогда зачем вы поднялись? — гневался он.

— Постель делает человека больным, — процитировала я кого-то из древних греков.

— Идиот с кулаками делает человека больным. — Он подошел совсем близко и даже уже протянул руку, чтобы погладить меня по щеке... но... решительно шагнул назад. — Простите.

— Ничего... — поморщилась я.

— Вам нехорошо? Вызвать целителя? Пойдемте, — подхватил он меня под локоть. — Не упирайтесь, пойдемте, вам нужно присесть.

Опять по кругу... Отбиваться от милорда было глупым занятием, поэтому я пошла, куда меня повели. То есть в соседнюю комнату — в гостиную. Там меня усадили в кресло.

— Целитель сегодня у вас был? Что он сказал?

— Я себя отлично чувствую. — Спокойствие, только спокойствие.

Первому курсу в своем мире я смогла объяснить, что Ледовое побоище было в 1242 году, а Сталинградская битва — в 1942 году. Что это две разные битвы, происходившие в разное время, и их не следует путать... И с этим справлюсь.

— А зачем вы спустились?

— Соскучилась! — теперь зарычала я.

У него в ответ на эту мою фразу такой бесшабашной радостью блеснули глаза, что мне стало неловко. Человек он был действительно непростой и очень одинокий. И так брякать сгоряча...

Поэтому я добавила:

— Я соскучилась по человеческому общению. По какой-нибудь деятельности. Даже от книг стала уставать.

— Вы все время одна. Слуги лишь забегают проведать, целитель Ирвин — раз в день. — В голосе его прозвучало сожаление. — Я ненадолго. А сыновья вообще только на выходные.

— Именно. Поэтому я приняла решение срочно поправляться. Я больше не желаю лежать в постели. Я выхожу на работу.

— Если только у вас ничего не болит, — испытующе посмотрел он на меня.

— Я же не собираюсь подвиги совершать!

На этом милорд Верд меня отпустил. Тут же уселась, стала считать расходы за прошедшие недели и с ужасом поняла, что с того момента, как было совершено покушение на милорда, прошло три недели. Это я столько вылеживаюсь?! Со мной в жизни такого не было...

Расходы были занесены в книгу аккуратным, явно мужским почерком. «Наверное, Джон постарался», — подумала я.

Кроме того, я обнаружила, что, пока я болела, генеральную уборку в доме не проводили и жительниц деревни никто не приглашал. Кроме того, прекратились выплаты маленькому Вилли. С этим я и отправилась на кухню.

— Тут что-то другое, — говорила Каталина. — Не просто любовница она ему... Милорд рядом с госпожой Лиззард все дни просидел, пока императорский маг не давал ей в себя прийти.

— Она ему все-таки жизнь спасла, — пробурчал Джон.

— А лицо, — всхлипнула добросердечная Оливия. — Когда ее принесли. Сплошное месиво. Милорд словно обезумел.

Я со страхом ощупала свое лицо — вроде все на месте. И в зеркало когда смотрела, ничего особенного не заметила. Похудела разве что... Потом улыбнулась — приятно знать, что есть вещи, которые не меняются.

Слуги как сплетничали — так и сплетничают. И я — как предполагаемая любовница милорда — в центре обсуждений. Но я не могла не заметить, что тон обсуждений поменялся. Появилась... симпатия какая-то, что ли...

На этом я распахнула дверь и вошла на кухню.

— Госпожа Лиззард! — обрадованно воскликнула Оливия. — Вы спустились!

— Именно, — улыбнулась я. — И решила, что пора вернуться к своим обязанностям. Всем доброго дня. И большое спасибо за то, что поддерживали дом и хозяйство в идеальном состоянии. Джон, вы заполняли денежную книгу?

— Да, госпожа Лиззард, — склонил он седую голову.

— Я тронута. Спасибо.

— Вы господину жизнь спасли.

— Я запуталась совсем с днями недели, — призналась я. — Сегодня у нас что?

Выяснили, что среда.

— А во вторник дипломники милорда у нас обедали? — не могла не спросить я.

Меня заверили, что обед прошел без происшествий.

— И молодые люди были такие... тихие-тихие, — задумчиво заметила Оливия. — Пряма на себя не похожие.

Я только насмешливо улыбнулась. Видимо, наги с рабскими ошейниками справляются с воспитанием аристократов лучше, чем добрые преподаватели академии. А в целом я обрадовалась, что вторничный обед прошел без моего участия. Распорядилась, чтобы на четверг вызвали поденщиц из деревни — пора делать генеральную уборку. Обратила внимание, чтобы там обязательно была мама Вилли.

— Оливия, попросите Натана сходить в деревню. Я боюсь, что для таких подвигов я еще слишком слаба.

— Конечно. — Оливия радовалась моему выздоровлению, словно я была ее близкой родственницей. Это было безумно приятно.

— Каталина, — повернулась я к поварихе. — Ваши блюда для меня, пока я болела... Спасибо.

И мы втроем как-то синхронно вытерли глаза. Джон насмешливо посмотрел на нас.

— Женщины, — изрек он. И откланялся.

Ужинали мы впятером. Получилось по-семейному. По-домашнему. Очень весело. Только меня время от времени царапала мысль о том, что милорд Верд сидит на господской половине совсем один. И компанию ему

составляет лишь огонь в камине. Да яркий свет люстр.

Следующий день прошел в приятных хлопотах. Мы устроили «чистый» четверг. Как только за милордом закрылась дверь, началась генеральная уборка.

Вилли носился по дому и помогал. Потом мы покормили всех женщин, я расплатилась с ними. Вручила деньги и Вилли — и добавила самую большую золотую монету, которую нашла в мешочке у Рэма.

— Зачем это, госпожа? — поднял на меня серые глазенки мальчик.

— За мое спасение, Вилли. Это мои собственные деньги.

— Я бы и просто так...

— Знаю. Спасибо тебе.

Я так устала, что заснула, как только попала в свою комнату. Разбудил меня осторожный стук в дверь.

— Госпожа Лиззард! — услышала я голос Оливии в гостиной. — С вами все в порядке?

— Да, — вскочила я с кровати. — Что случилось?

Я пригладила волосы и вышла из спальни.

— Милорд просил вас спуститься к нему. Они с милордом Милфордом поужинали уже. Они в гостиной. И зовут вас.

— Конечно, — кивнула я. — Только...

Я поняла, что не собрана.

— Вам помочь сменить платье?

— Спасибо, Оливия. Это было бы замечательно.

В результате я была наряжена за четверть часа. И это с тем, что у меня и на голове навели красоту! Ничего сложного. Но Оливия так ловко закрутила волосы в высокую прическу, что и без локонов это смотрелось очень изысканно.

— Вы красавица, госпожа! — восхитилась служанка, глядя на меня в зеркале. — И волосы как мед. И фигура! Просто принцесса!

— Старенькая я для принцессы, — грустно улыбнулась я. — Но за комплименты — спасибо.

— Да перестаньте. Вы прекрасно выглядите. Роскошно.

— Ладно, пойду я.

— Ой, — вспомнила Оливия, зачем она меня вызывала. — Вы правы. Негоже заставлять милорда ждать.

И я поспешила вниз.

— Госпожа Лиззард! — улыбнулся мне милорд Милфорд. — Вы прекрасно выглядите. Совсем не так...

— Шир! — прервал его милорд Верд. — Остановись. Добрый вечер,

госпожа Лиззард.

— Добрый, — отозвалась я.

Хозяин дома выглядел каким-то раздраженным. Нахмуренный лоб с поперечной морщиной, поджатые в тонкую линию губы. Словно его друг не пообщаться с ним заехал, а привез какие-то новости. На редкость неприятные.

— Распорядитесь насчет чая, пожалуйста. — Милорд Верд отвел от меня взгляд и снова уставился на огонь в камине.

— Да, милорд. — Я позвонила в колокольчик и отдала распоряжение Оливии.

— Присаживайтесь. — А вот милорд Милфорд пребывал в отличном расположении духа или просто считал необходимым улыбаться. — Пообщайтесь со мной, пожалуйста. А то мой друг гипнотизирует пламя, словно желает, чтобы оно ответило на все его вопросы. А меня попросту игнорирует.

— Ты же не даешь ответы на вопросы, которые я задаю, — буркнул милорд Верд.

— Так что вся надежда на вас, госпожа Лиззард. — Милорд Милфорд сделал просящее лицо. — Вы же не дадите погибнуть моему вечеру?

Оливия вкатила столик, я чуть улыбнулась, поймав ее недоуменный взгляд. Действительно, картинка получалась презанятная: хозяин сидит в кресле у камина с крайне непростым выражением лица. А мы с милордом Милфордом сидим рядом на диванчике и улыбаемся.

Так... новый виток сплетен мне обеспечен...

— Я разолью чай, спасибо, Оливия, — сказала я, пытаюсь скрыть улыбку.

Поднесла чашку милорду Милфорду, потом хозяину дома.

— Пожалуй, я буду что-нибудь с содержанием алкоголя, — отрицательно покачал милорд Верд головой, — спасибо.

— Скажите, госпожа Лиззард, — обратился ко мне милорд Милфорд. — О чем положено разговаривать с дамой?

— Ни за что не поверю, милорд, что вы не знаете! — улыбнулась я.

А про себя подумала: «И вот откуда я могу знать, о чем положено разговаривать с их высокородными дамами?»

— О поэзии? — У начальника контрразведки получилось испуганно.

Я отошла от мрачного хозяина дома. Уселась на диванчик, налила чая теперь себе.

— Вам стихотворение прочитать? — ощущая себя участником утренника в честь Нового года в детском садике, спросила я.

— Если вам не сложно.

Не то чтобы я хотела декламировать стихи... Но что делать — не спорить же с гостем милорда Верда. Поэтому я начала негромко:

— Непогода — осень — куришь,
Куришь — все как будто мало.
Хоть читал бы — только чтение
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неумоимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Все такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю... [\[3\]](#)

— Браво, — неожиданно сказал милорд Верд. — Мне понравилось. Хотя сложно представить вас курящей.

— А меня стихотворение шокировало, — заявил милорд Милфорд. — Дама — и курить... Фи.

Я улыбнулась.

— А почему стихотворение не о любви? — съехидничал гость хозяина дома. — Дамам же положено любить стихи о любви!

— Не знаю, как у других дам... Плохо у меня, наверное, с любовью, — рассмеялась я, краем глаза заметив, что милорд Верд нахмурился еще больше.

— Госпожа Лиззард, — никак не мог уняться милорд Милфорд. — Может быть, вы еще и поете?

— Только если решусь нанести вам серьезную душевную травму.

Не говорить же ему, что я пою только в состоянии тяжелого

алкогольного опьянения. И исключительно романсы. И исключительно мимо. Но тогда у меня душа поет — и какие там ноты...

— А почему такой выбор стихотворения все же? — спросил у меня милорд Верд.

— Осень же...

— Осень, — согласился милорд. И в его голосе послышалась какая-то тоска.

— Да бросьте вы, господа... И дамы! Осень — это не повод для грусти, — продолжил улыбаться милорд Милфорд, но мне в его улыбке почудилось что-то ненатуральное. Будто ему и самому было ничуть не веселее, чем его другу, но он изо всех сил старался его вовлечь в разговор и отвлечь от мрачных мыслей.

— Милорд Милфорд, могу я задать вам вопрос? — проговорила я.

— Попробуйте, — усмехнулся он.

— Вот вы говорите, что дамам положено любить стихи о любви. А вам? Вам лично какие стихи положено любить?

— Прославляющие величие Империи, без сомнения, — ответил начальник контрразведки.

— А вам, милорд? — совсем уж осмелела я и обратилась к хозяину дома.

— Я вообще стихов не люблю. Больше устав военной службы. — Милорд упорно пил мутный гномий самогон. И становился еще мрачнее.

— Не верьте ему, госпожа Лиззард, — рассмеялся его гость. — На самом деле у Рэ натура нежная. И изысканное стихосложение ему нравится. Только он это скрывает. Ему не по статусу.

— Вот именно, — отрезал милорд. — Мне много что не по статусу.

— Вы что-то еще хотели спросить, госпожа Лиззард? — поинтересовался у меня внимательный начальник контрразведки.

— Да, — не удержалась я.

— Спрашивайте, — разрешил мне хозяин дома.

— А почему вы называете друг друга так странно?

— Шир и Рэ? — улыбнулся милорд Верд.

— Именно так, — кивнула я.

— Понимаете... — заговорил милорд Милфорд. — Когда мы познакомились в академии — нам, кстати, было по четырнадцать лет, как вашим сыновьям... В общем, Рэ тогда бунтовал и отказывался отзываться на фамилию отца...

— Усеченную фамилию, — поправил его мой хозяин. — Не Тигверд же. А так — для бастарда — Верд.

— Ты же понимаешь, что тогда еще наследный принц Фредерик ничего большего для тебя сделать не мог, — мягко сказал ему друг.

— Понимаю, — пожал плечами незаконнорожденный сын императора.

— Так вот кадет первого курса требовал, чтобы его называли Рэ — по роду матери. И только я один согласился. И потребовал в ответ то же самое. Позвольте представиться, госпожа Лиззард. — Начальник контрразведки поднялся.

Я не усидела и поднялась тоже.

— Эдвард Грегори Шир, милорд Милфорд.

И он церемонно склонился передо мной. Я присела в реверансе и протянула ему руку. Он над ней склонился и вежливо коснулся губами кончиков моих пальцев.

— За знакомство надо выпить, — дал сам себе распоряжение милорд Верд. И сам поспешил его выполнить. В результате у мужчин в руках оказались рюмочки с гномьим самогоном, а у меня — вишневая наливка.

Мы выпили.

Я во все глаза смотрела на начальника контрразведки, ожидая продолжения рассказа. Не дождалась. Поэтому спросила:

— То есть Шир вы по матери?

— Именно так, миледи. Милфорд — титул не родовой, а пожалованный императором за заслуги. И тогда я еще им не был. А на фамилию отца я не откликаюсь. Вообще.

Больше в разговор его завлечь не удалось. Милорды выпили еще. Потом еще. И милорд Милфорд удалился. Хозяин дома пошел его провожать, перед этим отпустив меня отдыхать.

На следующий день все повторилось. После ужина Оливия пригласила меня в гостиную по приказу милорда Верда.

— Милорд, — зашла я и присела в положенном поклоне.

— Добрый вечер, — улыбнулся мне хозяин дома. — Присаживайтесь.

И он указал на кресло напротив своего.

— Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — осторожно ответила я.

— Я к вам с просьбой.

— Конечно, милорд. Что я должна сделать?

Он сморщился, словно услышал что-то на редкость неприятное.

— Я думаю, вы поняли по вчерашнему вечеру, что Шир принес мне неприятные новости. И теперь я должен принять важное решение. От него зависит жизнь человека. Хорошего человека... Я должен поступить

определенным образом. И я это знаю. И все это знают... И никому не приходит в голову, что я могу поступить как-то по-другому...

Милорд замолчал, опять уставившись в огонь.

Он не хотел совета — нет. И я это знала. Кто я такая, чтобы что-то советовать ему, тем более будучи абсолютно не в теме. Я поняла, что просто ему хотелось почувствовать человека рядом...

— Но я пытаюсь понять, смогу ли я видеть себя в зеркало, если поступлю как **должно**...

— Если от вас никто не ожидает сюрприза, может, стоит удивить? В том числе и самого себя?.. — неожиданно вырвалось у меня.

— Спасибо, — улыбнулся он.

— Может быть, приказать подать чай, милорд?

— А вы хотите чаю?

— Нет, — честно ответила я.

— Я его вовсе не люблю, — признался он мне с таким видом, будто выдавал государственную тайну.

Я рассмеялась.

— Скажите, а почему пить со мной чай в гостиной вы соглашаетесь, а ужинать вместе отказываетесь?

— Вопрос не ко мне, а к тем, кто придумывал правила поведения, приличные для женщины моего положения.

А сама озадачилась вопросом: «А кстати, почему?..»

— И если я приглашу вас на ужин — здесь ли, в доме или в ресторане... Вы будете отбиваться так, словно я покусился как минимум на вашу жизнь?

— Безусловно, — улыбнулась я. Надеюсь, получилось решительно и беспощадно.

— А зачем? — тихо спросил он. — Вы действительно считаете, что я могу вас как-то оскорбить? Или унижить?

— Я просто хорошо помню: кто вы и кто я, — против воли вырвалось у меня откровенное.

— И что это меняет? — высокомерно вскинул он подбородок.

А вот действительно — что? Мне было приятно общаться с ним. Несмотря на то что он лорд и так далее... Что касается их правил поведения... Я же не молоденькая девушка на выданье, мне женихов не искать. Так зачем настроение портить. И себе — и ему? Другое дело, что я панически боялась привязаться... Ну, не говорить же об этом вслух.

— И могу ли я вас куда-то пригласить, не натываясь на ваше: «Нет, милорд»?

Мы замолчали, пытаясь что-то разглядеть в пламени камина.

— Мне бы очень хотелось выбраться в книжный магазин, — вдруг решила я.

— Вам наскучили мои серьезные научные книги? — Улыбка разгладила черты его лица, выражение глаз приобрело какую-то мягкость и... нежность, что ли?

— Они прекрасны, милорд. Однако хочется и чего-нибудь легкого... Или просто людей увидеть...

— Я свяжусь с целителем. Если он разрешит, отправимся завтра с утра.

Вернулся буквально через минуту:

— Нашу поездку одобрили. Так завтра... Скажем, часов в десять?

— Хорошо, милорд. — Я поднялась.

— Вы уже уходите?

— С вашего позволения, милорд, я устала.

— Конечно. Идите, Вероника. До завтра.

И он снова уставился в камин, а я пошла к себе, размышляя на тему: «А что это было?... А что я такое вытворяю?!»

Мы позавтракали каждый на своей половине. Занялись каждый своими делами — по крайней мере, я. Милорд, как я услышала от слуг, на службу не поехал. Затем мы чинно встретились возле парадной двери ровно в десять утра. Как раз часы хрипло отбивали удары.

— Доброе утро, — поприветствовала я милорда Верда.

— Доброе утро! — ответил он мне. — Вы прекрасно выглядите. Это синее пальто вам к лицу.

Пальто. Другое. Вишневое... В последний раз я выходила из дома, точнее, меня выводили... В черную карету с решетками... Меня ошутимо повело.

— Может, вам рано еще выезжать? — правильно оценил мое состояние милорд.

Я замотала головой, и прогоняя дурноту, и не соглашаясь с ним. Милорд Верд не сводил с меня тревожного взгляда.

— Это надо пережить. И забыть, — сказала я не так ему, как себе. — Просто, может, нужны какие-то новые, яркие впечатления, чтобы выкинуть все из головы, как страшный сон.

— Должно быть, вы правы, — тихо сказал он. — Значит, будем сегодня веселиться?

— Согласна... — улыбнулась я.

— Тогда придется заехать куда-нибудь и выпить кофе с пирожными. Какое же веселье без сладкого?

— Каталина нам этого не простит, — рассмеялась я. — И опять будет готовить по утрам овсянку.

— Кстати, надо будет нанять для вас личную горничную.

— Милорд, — осуждающе произнесла я. — Вот с чего вдруг вы решили портить мне настроение? Вы еще мне бальное платье предложите купить!

— Всем известно, дорогая госпожа Лиззард, что бальные платья не покупают готовыми, а шьют на заказ. Так что, когда оно вам понадобится, — придется приглашать портных в дом.

— Вот уже не представляю такой ситуации, чтобы портных в дом приглашать и подобные платья заказывать.

Милорд насмешливо хмыкнул, словно знал что-то, мне еще неизвестное.

— Скажите, — спросил он, когда экипаж резво катил сквозь торжественно-медный парк. — А что вас радует?

— В глобальном смысле? Или так, по мелочи?

— А что — есть разница?

— Конечно! В глобальном смысле — я очень радуюсь, когда что-то сначала не удастся, знаете, кажется совсем невыполнимым. А потом вдруг раз — и получилось. Ну, это как с Каталиной... Она сопротивлялась до последнего. А потом мы с ней нашли общий язык и вместе пирожки лепили. Это так замечательно...

— А еще?

— В глобальном... Люблю, когда Павел... в смысле, Пауль дома и находит в себе желание пообщаться... Люблю, когда осенью солнце и все такое радостно-яркое. Люблю картины — смотреть. Рисовать сама не умею абсолютно. Фанатично люблю книги. Когда-то любила танцевать... Больше, чем любила. Ну, и остальное — по мелочи...

— Что именно?

— Сладкое и крепкий кофе. Бокал красного вина на ночь — только не кислого. Люблю готовить. Люблю выходить на лекции и рассказывать так, чтобы меня слушали. Чтобы захватить внимание аудитории в академии и видеть — я чем-то затронула студентов...

— Я правильно понял, что вы преподаете историю своей страны?

— Да, — воодушевленно ответила я. Поймала на себе заинтересованный взгляд черных глаз и осеклась. Штирлиц, блин... Никогда так не был близок к провалу... И разведчик Исаев живет этажом

выше.

— Вы ведь — как и ваши сыновья — из другого мира, правда? — тихим голосом, словно боясь меня спугнуть, спросил милорд Верд.

Я молчала, судорожно пытаюсь сообразить, что мне делать. Сначала забрать саквояж. Срочно. Потом к мальчишкам — и уходим. Прав был Рэм, не надо было оставаться. Придумали бы что-нибудь со здоровьем.

— Ника... — когда пришла в себя, то поняла, что милорд Верд меня ласково обнимает за плечи, — ну что же ты так испугалась, глупая? Пожалуйста, перестань дрожать. Тебя никто не обидит. Ну, хочешь, мы сейчас вина заедем купим — самого лучшего. Только я в нем ничего не понимаю. Хотя если что — мы с Милфордом свяжемся. Он у нас во вкусах изысканнее — не то что я. Или пригоним тебе на лекцию целую академию кадетов. Моих кадетов. Знаешь, как они будут внимательно тебя слушать! Из всех сил... Что бы ты им ни рассказывала. Только не пугайся так... Ника. Да знаю я, все знаю. Достаточно давно.

— Откуда? Мы же вроде бы... Мы так старались...

— Практически с самого начала.

— Но как?

— Язык. И Пауль несколько раз оговаривался. И ты, когда волновалась, несколько раз переходила с имперского на русский и обратно.

— Ты русский знаешь?

— Я — нет. Но милорд Милфорд. Он любитель и ценитель. Правда, он больше на нем ругается, но в России он какое-то время прожил. И после общения с ним язык опознать я в состоянии.

— Кто-то еще заметил?

— Нет. Это я, человек опытный и подозрительный. Ну, император, я думаю, понял. Милфорд. И стихотворение ведь русское? Которое ты читала?

Я расстроено покачала головой.

— И что нам теперь делать?

— Ника, я боюсь уже говорить фразу о том, что я сумею вас с детьми защитить. Однажды я ее тебе сказал... И получилось так, как получилось. Ты спасла меня и сама при этом пострадала. Ты права, когда говорила, что судьба решила полечить меня от излишней гордыни таким безжалостным способом.

Он замолчал, нахмурившись. Губы сжались в тонкую нитку. Милорд Верд судорожно вздохнул, прижал к себе, словно проверяя, рядом ли я с ним или ему это только мерещится.

— Я думал — с ума сойду, когда узнал, что ты пропала. А потом, когда

мне доложили, что с тобой случилось... Ника. — Он чуть отстранился от меня, посмотрел мне в глаза. — Поверь мне, я сделаю для вашей защиты все. И справлюсь с этим лучше, чем вы трое. Мальчики, конечно, молодцы. Но они еще слишком молоды. А ты... Я хочу, чтобы ты знала. Если тебя беспокоит что-нибудь, даже что-нибудь несущественное, тебе не надо хватать мальчиков и бежать. Нужно прийти ко мне и сказать. Лучше всего было бы, конечно, уговорить тебя выложить все как есть. Но я так понимаю, на это ты не пойдешь?

— Нет, — смогла проговорить я.

— Я допускаю, что есть причины. Но такая скрытность — зря. У вас троих в должниках — я. Это практически неограниченный ресурс.

— Я не рассматриваю тебя как ресурс, — рассердилась я. — Только как человека.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Но! Ты все равно спасла меня — и это выход на императора. Надо же этим пользоваться.

— И ты был бы не против, если бы я воспользовалась знакомством с тобой и твоим положением, чтобы...

— Спасти свою жизнь и жизнь мальчишек? Нет. Не против. Я даже на этом настаиваю. И злюсь, между прочим, что на это не идешь. И надо отметить, я такой упрямой женщины еще не видел...

— Спасибо. — Я сняла перчатку и погладила его по щеке. — Я не могу. Но спасибо.

Милорд Верд перехватил мою руку и поднес к своим губам.

— Ника, — прошептал он.

— Прибыли, милорд, — раздался голос Натана.

— Как не вовремя, — раздосадовано поджал губы милорд, и в этот раз я была с ним даже согласна...

Глава 20

Пока я выходила из экипажа, я поняла несколько вещей. Во-первых, нас раскрыли. Сразу возник вопрос: а надо ли об этом говорить Паулю и Рэму? Или не стоит их беспокоить? Во-вторых, мы с милордом незаметно как-то и очень естественно перешли на ты. И как теперь с ним общаться? И в-третьих, я оставила сумочку, эдакий расшитый цветами мешочек, дома. И как теперь быть с покупками?

— У вас такое лицо, госпожа Лиззард, — негромко сказал мне милорд Верд, подавая руку, чтобы помочь выйти из экипажа, — словно на вас накнулись все мысли, какие только есть в вашей прелестной головке... Не надо их с таким старанием думать...

— Вы еще скажите, что мои мысли портят мне мозги, — пробурчала я.

— Не без этого... Кстати, вы уронили перчатку.

Действительно, перчатка, которую я сняла в процессе нашего с ним «общения», лежала на земле.

— Не вздумайте. — Он понял, что я сейчас наклонюсь, чтобы ее поднять, и остановил меня. — Доставьте мне это удовольствие.

— Какое? — не поняла я, забирая у него из рук перчатку.

— Когда дама хочет продемонстрировать интерес к мужчине, она невзначай роняет или перчатку, или платок...

— Следовательно, я продемонстрировала к вам интерес?

Должно быть, в моем голосе было столько ехидства, что милорд преувеличенно тяжело вздохнул и ответил опять же преувеличенно печально:

— Вы просто уронили перчатку...

— А может, все-таки интерес, — негромко рассмеялась я. — И я так выражаю что-то подсознательное.

И осеклась, наткнувшись на его слишком серьезный взгляд.

— Я что-то не то сказала?

— Нет-нет, — улыбнулся он, немного грустно, как мне показалось, — не паникуйте. Все хорошо. Просто...

— Милорд Верд! — окликнули его. — Вы к нам! Как мы счастливы!

Оказывается, мы уже дошли до магазина. Я была настолько поглощена беседой, что и не заметила этого.

Но перед нами уже открывали дверь. Мы зашли в огромный магазин, заставленный книгами, календарями, репродукциями... Чего тут только не

было!

К нам между тем спешила целая делегация. Возглавлял ее молодой рыжеволосый мужчина, всем своим видом излучающий радость от нашего посещения и готовность услужить.

— Вот, госпожа Лиззард, это мой любимый магазин, — обвел руками все великолепие милорд Верд. — А это его славный хозяин господин Мирров. — И шепотом мне на ухо: — Твой земляк, между прочим. Из ваших.

Ну вот разве так можно! Я ведь тут же сделала стойку и захотела расспросить милорда Верда о том, как мой земляк оказался в Империи Тигвердов и... Но на нас уже обратили внимание присутствующие покупатели, да и подбежали, наверное, все продавцы, что были в магазине.

Поэтому я молча выслушивала приветствия и заверения в готовности служить и прочая, прочая, прочая.

— Что бы вам хотелось посмотреть? — обратился к нам господин Мирров.

— Мы прибыли выбрать книги для госпожи Лиззард, — невозмутимо сообщил присутствующим милорд Верд.

Взгляды обратились ко мне.

— А можно сделать это без такой... помпы? Просто книги посмотреть? — тихонько спросила я. Мне казалось, что взгляды всех посетителей магазина устремлены на меня. Меня рассматривают, оценивают. В общем, все как у дедушки Крылова: «По улицам слона водили...» И я в роли этого хорошо заметного зверька.

— Госпоже — хорошего консультанта. А мне — кофе, — распорядился милорд.

— Милорд Верд, вы не откажете мне в беседе? Нам в магазин пришли мемуары Осман-бея. Их все-таки перевели на имперский, представляете!

— Да что вы?! — искренне улыбнулся милорд. — С удовольствием! Через минуту.

Он тихонько сказал мне:

— Только не переживайте насчет денег. Я помню, что подарков вы не принимаете, поэтому вычту все из вашего жалованья.

— Его у меня столько нет — сколько вы так и не вычитаете.

— Вы же не знаете его размеров. Мы это никогда не обсуждали. И кстати, я вам его еще не платил.

Он чуть поклонился мне, я присела в книксене.

— Миледи, — обратилась ко мне невысокая молоденькая девушка. — Рада вам служить.

— Госпожа, — поправила я ее.

В ее глазах мелькнуло удивление, которое тем не менее быстро сменилось искренним желанием мне помочь.

— Что вам угодно выбрать?

— Книги для легкого чтения.

— Сентиментальные романы? Приключения? Или — самую популярную новинку этого сезона — романы с преступлением? Хотя дамы иной раз не покупают их — переживают за свои нервы.

Я улыбнулась, Стивена Кинга на них нет. А зря.

— Давайте всего понемножку.

В результате я разжилась романом о любви графа — сильного мага — к юной девственнице. Посмотрела, похмыкала. Увлеклась. Бедный граф: девственница и хотела, и любила, но нервы ему трепала... Сравнила со своей ситуацией: и он не граф, да и я не девственница. Про юность и говорить не приходится, вон, сын подросток — и ахнуть не успела. А все туда же. Насчет любви, правда, не знаю. Интерес к милорду явно присутствует... Больше, чем хотелось бы. А нервы потрепать — это мы со всем старанием... Но любовь?..

Приключения меня не вдохновили — после «Детей капитана Гранта», с помощью которых я сдавала всю географию в школе, особо не интересуясь учебником, этот жанр меня не воодушевлял больше.

А вот детективов я себе набрала пачечку: и серию про махинации на скачках, и серию про детектива Райза.

— Он и в графиню влюблен, и не знает, кто его родители. А уж красавец! И умный... Только в личной жизни не очень счастливый...

И тут графья! Что у них — других титулов нет, что ли?

То, что я опустошила полку с периодикой и выгребла все журналы и газеты, девушку, кажется, удивило.

— А можно договориться, чтобы мне поставляли какую-нибудь имперскую газету?

— Конечно, миледи, — кивнула девушка. — Ежедневную или еженедельную? Новости какого рода вас интересуют — политические или же светские?

— Не миледи, — поправила я, — госпожа. А новости... Скорее политические.

Не скажешь же прямо, что меня волнует одна новость — что там в герцогстве Рэймском творится. Когда я в прошлый раз скупил газет, чтобы что-то узнать, — там ничего не было. Может, сейчас повезет.

Потом я надолго зависла в зале с репродукциями и картинами. И если

репродукции были разложены по полочкам, как и открытки, то картины висели на стенах. Свет, струящийся из окон, ласкал краски.

Одна картина мне понравилась особо. Вроде бы ничего необычного, никакой пышности, помпезности. Широкий подоконник, легкая ажурная занавеска. Ваза с маленькими синими цветочками. Но на картине жил легкий ветерок, развевающий занавеску, а солнце чуть пригревало, пряча улыбку в пронзительно-синих лепестках...

— Госпоже понравилась картина? Прикажете завернуть?

— Нет-нет, не надо, — смутилась я. Ладно книги... Но вот за мои художественные вкусы милорд платить был не обязан. А что касается его «вычту из жалованья», я так понимаю, этого он делать не будет. Просто реверанс в сторону моей гордости... Конечно, в саквояже были деньги, и их там было немало. Но, опять-таки, это были деньги Рэма... На побег.

Я бросила прощальный взгляд на картину и отошла.

— Пожалуйста, проводите меня к милорду.

— Сию минуту, миледи. Прошу вас.

Лорда Верда мы встретили на лестнице, ведущей на второй этаж. Девушка-продавщица первая увидела его, показала мне. Поинтересовалась, может ли она мне еще чем-нибудь помочь. Услышав, что нет, поклонилась, заверила, что все покупки будут доставлены в дом не позднее, чем через час. На этом я ее и отпустила.

И тут поняла, что попала в неловкую ситуацию. Я слышала разговор, но вмешиваться мне не хотелось: разговор был серьезный. Но тогда получалось, что я подслушиваю... И что мне делать?

Милорд Верд разговаривал с какой-то женщиной. Миледи — без сомнения — была прекрасна. Но не ослепительной высокомерной красотой, на которую хотелось полюбоваться и пройти мимо. А какой-то чистой, кроткой, удивительно нежной...

— Подумай над этим, Луиза, — серьезно говорил милорд Верд. В голосе у него была разлита озабоченность и тревога. — Ты же умна и понимаешь, к чему это все ведет.

— Спасибо, Ричард, — тихо сказала она. — Но я свою судьбу выбрала.

— Луиза, это сумасшествие! — Оказывается, можно взреветь тихо, практически бесшумно. — Моего влияния может не хватить, чтобы переломить ситуацию...

— Не надо ни на что влиять, — так же тихо отвечала ему женщина. — Я лишь могу радоваться тому, что ты остался жив.

— Луиза... Семья твоего мужа того не стоит.

— Ты правильно сказал, Ричард, семья. Прости, я пойду.

Было понятно, что они давно и близко знакомы. Друзья? Любовники? Мысль об этом неприятно царапнула сердце.

— И давно вы тут стоите? — окликнул меня милорд Верд.

— Да, — честно призналась я ему, ожидая недовольства.

— Вы были одна? Или?

— Продавщицу я отпустила сразу же, как только увидела вас.

— Вот и хорошо. Вы голодны?

— Пожалуй.

— Вы так смутились от того, что подслушивали, что даже сразу сказали как есть, без экивоков?

— Я сказала, что голодна. Я не сказала, что буду обедать с вами. Так что у меня есть пространство для маневра.

— Сударыня, — он рассмеялся, — общение с вами — это одна радость. А если так, я не буду сердиться, что вы подслушивали, а вы кротко согласитесь пообедать со мной.

— А вы сердитесь?

— Нет. Но могу сделать вид.

— Не надо. Только с «кротким» исполнением вашего приказа у меня могут быть проблемы. Я плохо знаю — как это.

— Да я уже заметил. Вы все выбрали, что хотели?

Я кивнула. Потом мы выходили из магазина, провожать нас вышли в расширенном составе. Я поморщилась — мне это было и необычно, и смущало отчаянно.

Наконец мы отбыли. Подсаживая меня в экипаж, милорд заметил, что мы находимся на Пиккадилли Роуз — магазинной улице, где есть все. И предложил — если мне что-нибудь нужно — пройти и купить.

Мне нужны были какие-нибудь осенние ботинки — обувь у меня по-прежнему была вся летняя, но говорить ему об этом было неловко.

— Мы можем пообедать, а потом я вас подожду, а вы пройдитесь, — предложил он.

— Хорошо, — улыбнулась я.

— Почему вы так смущались в магазине? Вам неприятно мое общество?

— Нет. Просто я ощущаю себя зверьком на арене цирка. Неприятным таким, но крайне любопытным.

— Добро пожаловать в мой мир, — невесело ухмыльнулся милорд Верд. — Хотя вы, скорее всего, и так бы привлекали внимание.

— Не умею себя вести как полагается?

— Слишком красивы, слишком искренни. И слишком расположены к

людям.

— За «красивы» спасибо, конечно. Но вы говорите таким тоном, как будто это все недостатки.

— Я не знаю, как в вашем мире, но в моем... Вы красивы, но у вас нет защиты — значит, вас будут добиваться. И не всегда пристойными способами. Вы искренни — для нашего общества это недостаток. А по поводу веры в людей... Знаете, иной раз хочется собраться, уехать на необитаемый остров...

— А кто вам будет готовить?

— Я вас с собой возьму... Поедете со мной?

— Остров расположен в теплых морях?

— Конечно. И дом с годовым запасом продуктов там есть.

— И вам не нужно будет охотиться или добывать огонь? Или доить коз?

— Я вот не уверен, что там козы есть... Если надо будет, прикажу завезти. Только можно сразу распорядиться, чтобы на мой остров молоко доставляли. И зачем именно козье? Вы его предпочитаете?

Я хохотала. Тоже мне, Робинзон Крузо с доставкой нужного вида молока в бунгало...

— И что вы так смеетесь? — насупился милорд.

— Я представила, что было бы, если бы вы действительно попали на необитаемый остров. Вы бы с голоду погибли! А где бы вы взяли кипенно-белые рубахи? Это же шок просто.

— Вы меня просто плохо знаете, — тихо сказал он. — И в других обстоятельствах, по счастью, не видели. В походе, например. Готовить я действительно не умею. Но еду добуду. И рубашку в порядок привести смогу.

— Простите, — сказала я виновато. Что за бес меня за язык тянул? — Я не хотела вас обидеть.

И, повинувшись какому-то безотчетному порыву, погладила его по плечу.

— Это же бездна знает, какое нужно иметь самообладание, — выдохнул милорд, жалуясь кому-то.

И в следующий момент он меня поцеловал. А я ответила.

Мы пили с ним друг друга, как путники в пустыне пьют воду, добравшись наконец до спасительного колодца. Совпали, как вода с иссушенным от жажды горлом... Я взъерошила его серебристые волосы на затылке, пропустив их через пальцы, — давно хотела. Жесткие... Он гладил мою спину, прижимая к себе все сильнее... Потом вдруг резко отстранился.

Я недовольно буркнула — и потянулась вслед за ним.

— Лошади остановились, — погладил он меня по щеке. — Мы растеряли перчатки.

— Хорошо, что только перчатки, — пробормотала я растерянно.

Послышался смешок лорда Верда.

Следом донеслось уже привычное «Мы прибыли, милорд!» в исполнении Натана.

Глава 21

Я, честно говоря, совсем не запомнила ресторан. Меню и поданная еда также ускользнули от моего внимания. Я не видела никого вокруг. Весь мир, вся Вселенная были сосредоточены в темных, как искушение, глазах милорда. В твердых очертаниях его губ... Я словно потерялась. Заблудилась... Растворилась во внезапно нахлынувших чувствах...

Окруженные посторонними, мы смогли спрятаться в вычурные одежды хороших манер. Все вокруг стало призрачным, нереальным...

Одна мысль стучала у меня в голове: «Не может быть, чтобы это было со мной... Не может быть, чтобы я так остро реагировала на поцелуй. На мужчину напротив меня. Чтобы меня так захватило желание... Я — спокойная, рассудительная женщина... Что со мной?!»

В какой-то момент я поймала на себе его взгляд — ненасытный, голодный. Мне даже показалось, что он стал чуть отсвечивать алым — где-то в самой глубине зрачка.

— Давай уедем, — едва слышно проговорила я.

— Ты хотела...

— Позже. Все позже...

— Хорошо, — кивнул он. — Только останемся в столице. Мой дом неподалеку. Он пустой.

— Да, — кивнула я.

Мы покинули ресторан. Милорд Верд отдал распоряжения Натану. И через несколько мучительно долгих минут мы были в карете. Пусть даже относительно — но наедине. Пока мы ехали — мы, не касаясь, просто смотрели друг другу в глаза. И я видела в его взгляде зеркальное отражение того, что чувствовала сама. И от этого по позвоночнику расходилась сладостная судорога предвкушения.

Карета остановилась. На этот раз Натан не подходил вовсе. И ничего торжественно не объявлял. Боялся помешать? Или зацепиться взглядом за что-нибудь, для него не предназначенное?..

— Натан, — окликнул его милорд. — Мы приехали?

— Да, мой лорд. Я ворота открывал. Сейчас будем.

Копыта зацокали дальше. Пара минут, и мы остановились. Теперь уже окончательно.

— Поезжай в поместье, — приказал милорд Верд, когда мы вышли из кареты.

— Милорд, — поклонился слуга, стараясь не замечать меня.

Мы даже смогли дождаться, пока карета уедет — увидели, как Натан вышел, чтобы закрыть ворота.

Чинно мы поднялись по ступеням. Милорд даже распахнул передо мной дверь особняка. Потом мы остались в крошечной темноте, слышали только, как с грохотом захлопнулась входная дверь, отсекая нас от всего остального мира...

Остались только мы. Необузданность, страсть, сквозь которую доносились изредка какие-то звуки, оглушающе громкие в тишине пустого дома. Его хриплое дыхание, мой долгий, протяжный стон, треск разорвавшейся ткани, стук россыпи пуговиц по полу...

Я запуталась, где заканчивалась сама и где начинался он. Запуталась сама — и запутала его. Хорошо, что было абсолютно темно. Темнота приняла нас, скрыла от всех — и от себя самих... В ту ночь таких, какие мы были на свету, попросту не существовало. Они куда-то спрятались и лишь изредка, приходя в себя на доли секунды от чьего-нибудь всхлипа, стыдливо оправдывались: «Мы подумаем об этом завтра»...

В какой-то момент исступление закончилось, и мы вдруг разом стали нежными. Тягуче, восторженно, упоительно нежными... Мы кружили друг над другом, словно хлопья первого снега над замерзшей землей, так ждавшей этого чуда...

Это было сумасшествие, и где-то в глубине сознания билась мысль о том, как страшно возвращаться...

— Ты не замерзла? — Он почувствовал, как я пошевелилась, и склонился надо мной. — Я затопил камин в спальне.

Я отрицательно покачала головой и тихонько вздохнула. То, что произошло... Это было... слишком. Слишком хорошо, слишком остро, слишком долгожданно, что ли...

Поднялась, ожидаемо смутившись. Спросила:

— Где ванна?

Ричард поймал меня за руку:

— Прежде чем ты успеешь себе всего навыдумывать, я тебе скажу вот что: я счастлив. Клянусь стихиями, я так в своей жизни счастлив не был... И кстати, в доме горячей воды нет.

— Что так? — покачала я головой.

— Понятия не имею, где включается центральное отопление в особняке. А вызывать слуг мне показалось как-то... не нужно.

Я представила, как кто-то ходит и собирает по всему дому раскиданные нами вещи, — и расхохоталась. Одни мои панталоны с

кружавчиками чего стоят. А корсет, который милорд, рыча, пытался срывать... Да не тут-то было. Производители нижнего белья этого мира крепко стояли на страже нравственности. Так что на шнуре проще было удавиться, чем с ним справиться. Я, помнится, пришла милорду на помощь. И мы победили это чудовище в четыре руки. Кстати, понять бы, где именно по пути в спальню это произошло?..

Хихикая, я прошла в дверь, которую передо мной открыли.

Выходить, честно говоря, не хотелось. Я была смущена, как юная девушка. Да что там — я после своего первого раза так смущена не была. Может, потому, что таких эмоций не испытывала?.. Такой жажды обладать... Отдать себя.

Оставалось только вздохнуть: почему же такого мужчины в моей жизни раньше не было? И озадачиться: что теперь делать с таким мужчиной?.. И с собой заодно...

— Ника, — раздался осторожный стук. — Выходи. Ванна не отапливается, ты простынешь.

— Хорошо, милорд, — ответила я, отворяя дверь.

И наткнулась на обиженный взгляд черных глаз.

— Ни-и-и-ка, — протянул он. — Ты мне еще кланяться начни.

— Я вообще не знаю, как мне себя вести, мило...

Он заставил меня замолчать, впившись в губы каким-то злым поцелуем. Потом, оторвавшись, долго смотрел мне в глаза.

— Мне страшно тебя оставить, — проговорил наконец. — Вдруг я выйду — а тебя уже и след простыл?

— Я останусь, — пообещала.

— Сейчас вернусь.

Милорд Верд удалился в ванную, зашумела вода. А я стояла, обомлев, потому что разглядела его спину.

Через всю левую сторону змеился шрам. Он начинался где-то под волосами на шее — может, поэтому милорд носил их длинными, шел через лопатку и заканчивался в районе поясницы. Я вздрогнула. С учетом их медицины... Если вспомнить то, что на мне и следа после избиения не осталось... Как же он выжил, бедный?

Я вздрогнула от звука открывающейся двери.

— Ты чего стоишь босиком на холодном полу? — недовольно буркнул, подхватывая меня на руки.

— Милорд, я...

— Да почему ж не по имени! — раздражения в голосе прибавилось. — И вот зачем так... Ты специально заставляешь чувствовать себя каким-то

насильником, который тебя принудил?..

Похоже, он снова завелся.

Тут его целовать начала я. Позволила рукам скользнуть по его спине, погладила напряженные мышцы, шрам. Потом взъерошила волосы на затылке, прижалась сильнее. И сказала очень-очень тихо:

— Я не знаю, как себя вести. И как себя чувствовать. Но это все... так чудесно, что это меня пугает.

Он тяжело вздохнул и понес в постель. Навис надо мной, хрипло прошептал:

— Ты замерзла совсем.

Я потянулась ему навстречу, желая опять забыть обо всем... Чтобы мир сузился до метания наших тел по простыням... И мужчина дал мне это. И даже больше. Но в последний момент, когда я совсем обезумела, он приказал:

— Ричард. Для тебя я — Ричард.

И замер.

— Не смей, — обиженно закричала я.

— Назови по имени.

И я сдалась.

— Ричард, — застонала я.

Он зарычал и обрушился на меня девятым валом, сметающим все на своем пути.

— ...Мой дар чувствовать людей. Моя магия. Это, конечно, очень удобно для службы. — Он легонько гладил меня по плечу. И рассказывал. — Удобно, когда знаешь, лгут тебе или нет. Как на самом деле допрашиваемый относится к предмету разговора... Предал ли тебя подчиненный или нет. Но в личной жизни... Это пытка. Ты чувствуешь — как потряхивает от любопытства или отвращения женщину, которая вынуждена проявлять к тебе интерес. Или ты буквально читаешь мысли о том, что она потребует за ночь с тобой... Это отвратительно.

— А что ты прочитал во мне, когда увидел? — Я потянулась и погладила его по щеке. Он поймал мою ладошку и прижался к ней губами.

— Сначала сочувствие. Потом насмешку... Причем не ядовитую — как в моей обычной жизни, — а легкую, почти невесомую. Не оскорбительную. Словно у тебя были проблемы, а я тебя повеселил...

— Ты правда был забавен со своими страданиями о вкусной и здоровой пище.

— Мне это показалось настолько необычным... Я как-то не привык,

что меня жалеют... И забавляются за мой счет. А потом от тебя повеяло желанием. Ай, чего ты кусаешься?!

— Конечно, кусаюсь. А ты говоришь про приличную женщину такие неприличные вещи! Не может быть, чтобы я... сразу... Разве что с эстетической точки зрения.

— Хорошо-хорошо! С эстетической... Но это было желание, смешанное с сожалением: как хорошо, если бы... Но... Что-то такое.

— А что ты хотел? Такой экземпляр. А плечи! Такой разворот... И глаза, в которых хотелось утонуть... Ай, а ты чего кусаешься?

— Значит, какой бы широкоплечий мужчина ни оказался на моем месте, ты бы подумала то же самое?

— С эстетической точки зрения? Не знаю, не знаю... — сделала я серьезное лицо. Потом не выдержала и рассмеялась.

— Я ощутил, что ты понятия не имеешь, кто я такой, — тихо проговорил Ричард. — Просто оценила как мужчину. Это было непривычно. И безумно приятно...

— И ведь правильно же оценила, — тихонько заметила я, улыбаясь, и потянулась к его губам за поцелуем.

— А уж когда ты выпила мой гномий самогон и буквально проломила в мои мысли, размышляя о том, насколько я привлекателен... До такой степени, что ты удрала к себе...

— Что?

Он все-таки увернулся, и покусать его не удалось. Я только хищно щелкала зубами, а этот невозможный мужчина хохотал.

— Кстати, мне понравились твои размышления на тему «пьяная женщина — доступная женщина».

— Значит, это я с тобой беседовала? Тогда, ночью?!

— Именно. И только я собрался пробраться к тебе в спальню, как понял, что ты заснула. Какой удар по моему самолюбию!

Я одновременно и хохотала, и пыхтела недовольно.

— А потом ты все время проверяла мою выдержку. Ты на камне. И ягоды... А встреча ночью у камина. — Голос у него стал хриплым. — И я... практически терял рассудок. Ника, но я же чувствовал, что ты хочешь того же. Так почему? Ты уходила, убегала от меня?

— Потому что... Может, это было правильнее всего, — пробормотала я.

— Нет, неправильно, — навис он надо мной. — Это было жестоко. Я сходил с ума. А сегодня... точнее, вчера... Я сошел с ума окончательно.

— И не ты один, — едва слышно прошептала я.

— Ника, ответь мне честно, я должен знать. Ты мучаешься от того, что поддавалась страсти и теперь изменяешь мужу?

— При чем здесь он? — удивленно посмотрела я на милорда Верда. — Мы развелись, когда Паше было два года. Это было двенадцать лет назад.

— Мне это не совсем понятно, — потер он лоб. — Понимаешь, у нас в Империи разводов не бывает. Супруги могут договориться и, например, разъехаться. Но развод... Непонятно. И как можно было тебя отпустить?

— Я сама ушла, — скривилась. Как-то этот разговор переставал мне нравиться. — Я вполне самостоятельная женщина. Вот только я не знаю, как нам теперь быть...

— Я знаю. — Он заставил меня посмотреть ему в глаза. — Выходи за меня замуж. Думаю, юридические вопросы с твоим замужеством я улажу — отец подпишет разрешение на брак. Ты же замуж выходила не на территории Империи, следовательно, ты не замужем. А мальчиков я усыновлю, чтобы не было вопросов об их происхождении.

— Что? — От бесконечной нежности в его темных глазах становилось не по себе.

— Тебя что-то удивляет?

— Не знаю, — честно сказала я. — Мне все же привычнее быть одной. А все происходящее — это все как-то стремительно. Словно во сне.

— Это происходит на самом деле. И ты со мной. А от привычки быть одной придется отвыкать, уж прости.

— Мне даже страшно представить, какой это будет скандал. Ты — и женишься на прислуге. К тому же когда-то разведенной с мужем. А как отреагируют на это Паша и Рэм... А император...

— Отец, по-моему, уже ждет сообщения о нашей помолвке. С сыновьями я договарюсь. А всеми остальными... вполне можно пренебречь.

— А твоя мама?

— Она погибла несколько лет назад.

— Прости. Я не знала.

— Я усмирял очередной бунт в очередной провинции. Бунтовщики не смогли добраться до меня — добрались до моей матери...

Без слов я прижала его к себе.

— Я обезумел. Я действительно залил всю провинцию кровью, не стал разбираться уже ни в чем. Казнил, казнил, но никак не мог успокоиться. Только вмешательство отца спасло людей. Он прибыл, посмотрел на меня — и отправил командовать детьми в академии. Это была моя почетная ссылка за нервный срыв.

Он поцеловал меня. Посмотрел внимательно и тихо сказал:

— А потом в моей жизни появилась ты... Как дар стихий. Моя любовь, моя надежда, моя нежность... Я готов на все ради тебя. И неужели ты думаешь, что мне нужны обжимания по углам тайком? И что я унижу тебя этим?

Я только тяжело вздохнула, вспомнился, так некстати, его ученик. Вполне — если мерить мерками этого общества — приличный молодой человек. Даже специалист в вопросах чести, если вспомнить, что именно его пригласили на дуэль проследить, чтобы все было согласно правилам. Только вот он-то ничего зазорного в том, чтобы пообжиматься с прислугой в углу, не находил...

— Кто? — Милорд побелел от гнева.

— Это было глупое недоразумение. — Он же мне только что говорил, что чувствует людей, как я могла так расслабиться. — К тому же виновный наказан.

— Кем? — Я так понимаю, именно таким голосом он допросы и ведет.

— Мною, — чуть улыбнулась я.

— И что же ты сделала?

— Высмеяла. И пригрозила.

— Чем же может пригрозить бедная экономка?

— Тобой.

— Ты ведь не скажешь, кто это был?

— Ни за что!

— Какая упрямая женщина...

— Тебе же это и нравится.

— Возможно. Но ты не ответила ничего на мое предложение.

— Я не сказала «да», милорд... Я не сказала «нет», — промурлыкала я строчку из незабвенного фильма «Три мушкетера».

— Ты считаешь, что мое предложение — это повод для шутки?

— Я не знаю, повод для чего — твое предложение.

— Вот почему в постель ты пошла со мной, не задумываясь?! А теперь, когда я поступаю правильно, начинаются какие-то сложности, — рассердился он.

— Потому что у меня первый раз в моей чертовой жизни крышу снесло! — закричала я. — Вот почему! Я с ума сошла от тебя. Или ты думаешь, что для меня вот это все...

Я обвела взглядом спальню, обнаженного мужчину рядом с собой, смятую постель, зарождающийся рассвет за окном. Поняла, что мучительно краснею.

— Мне не нужен твой стыд, — прошептал Ричард, удерживая меня на месте. — Мне не нужно твое смятение. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Рядом со мной...

Глава 22

И что там милорд Верд говорил о том, что ему не нужно мое смятение? Это он еще не видел, как я по дому буду бегать и собирать разбросанные вещи. Потом буду вздыхать над порванным платьем. Панталоны, кстати говоря, нашлись там же, у входа в дом, и практически не пострадали. Как и шляпка. А вот пуговицы на пальто оказались выдраны с мясом. И что же в Империи мне так не везет на верхнюю одежду?

— Ну, вот что ты смеешься? — фыркала я. — Тебе хорошо — у тебя тут целый гардероб, рви рубашки — не хочу. И не только рубашки.

— А что ты хочешь изорвать?! Только скажи... А лучше — сделай!

И что с ним разговаривать? Посмотрела укоризненно.

— Я даже с тобой поделился, — отметил очевидный факт милорд. — Ты же в моем халате.

— Ага. И в чем прикажешь мне в поместье возвращаться? В непострадавших панталонах и в шляпке? Кстати, а почему перчатка только одна? Где вторая?!

И с удовольствием поглядела на то, как теперь он озадачился. Вот так-то! А то ходит за мной и надо мной же смеется.

— Кстати, а сегодня у нас какой день недели? Суббота?! — И я посмотрела на него перепуганно. Мальчишки приедут в поместье, а им тут и расскажут, что мы удалились накануне за книгами. И нас все еще нет. А уж сутки как минули...

— Сейчас я свяжусь с Джоном, он заедет в тот магазин, где вы покупали платья, и все закажет. Там твой размер наверняка остался. Через пару часов все доставят. Не переживай, он болтать не будет.

Я хмыкнула — блажен, кто верует. И Натан, конечно, вчера ничего не понял. И уж, безусловно, никому ничего не сказал...

— Ты голодна?

— Да, — кивнула я.

— Надо распорядиться, чтобы нам еду доставили — дом пустой, тут даже приготовить не из чего. Сударыня, вы со мной отзавтракаете?

Я только покачала головой.

— Отзавтракаете! — радостно приказал он. — Несколько приказов, и в доме будет еда и одежда для вас!

Я так и осталась в холле огромного дома, пытаясь в очередной раз собрать мысли в кучку и как-то их рассортировать.

— Кстати, — донесся до меня обрадованный голос милорда. — Смотри, вот и твой корсет! И я его все-таки порвал!

Он стоял на лестнице, ведущей на второй этаж, и гордо потрясал моим пострадавшим нижним бельем.

Я застонала:

— Нашел чем гордиться...

И этот невозможный человек удалился, хохоча во все горло и унося с собой корсет в виде трофея.

Я постояла, попыхтела. Потом и сама рассмеялась — ситуация действительно была презабавная. Съездили, называется, книжечек прикупить... Только синее пальто было жалко.

Так что в поместье из столицы мы прибыли ближе к обеду. Пальто, кстати говоря, мне доставили похожее, тоже синее, только чуть потемнее.

— Милорд, — поприветствовала нас Оливия, распахивая дверь. — Миледи...

Да достали они все. Я даже рассердилась:

— Я не...

— Ты права, Оливия, называя госпожу так, — перебил меня лорд Верд. — Конечно, миледи.

На мой укоризненный взгляд он не отреагировал. Спросил у подошедшего Джона:

— Молодые люди прибыли?

— Да, милорд. Они в гостиной, — поклонился старый солдат, который поглядывал на нас с таким умилением, как мамочка на своих внезапно заговоривших детей. — Ожидают.

— Замечательно, — непонятно с чего обрадовался милорд. — Миледи...

И он протянул руку ко мне. Я сделала несколько шагов вперед. Потом резко развернулась к нему. Милорд Верд посмотрел мне в глаза.

— Я так понимаю, сначала мы побеседуем в моем кабинете, миледи?

Кивнула.

В молчании мы пересекли холл, небольшой коридор. Он открыл ключом личный кабинет и пропустил меня туда первую.

— Ника. Что?

— Вот с чего это вдруг, — зашипела я. — Что, любовью заниматься просто с «госпожой Лиззард» — это вам не по чину, милорд? Обязательно с «миледи»?

— Ты с ума сошла?

— Видимо, да, милорд Верд. Могу лишь сожалеть о своей несдержанности.

— Ах, «сожалеть»?! Ну, тогда вы можете сожалеть и об этом... миледи.

Он схватил меня за руку — и потащил через кабинет к столу.

— Ричард, не смей!

— Все-таки, Ричард! — Он подхватил меня на руки и усадил на стол.

— Там дети в гостиной, — попыталась я оттолкнуть его.

Но он уже целовал меня. Да, я была зла на него, зла на неловкость ситуации, на это раздражающее, во многом непонятное противопоставление «миледи» — «госпожа», на то, что сейчас придется заходить в гостиную и что-то объяснять мальчишкам, на любопытные взгляды слуг... Но я забыла обо всем, как только его губы коснулись моих... Руки, которые еще секунду назад пытались его оттолкнуть, обняли. Я подалась вперед, к нему, чтобы быть еще ближе, — и услышала свой вздох, почти стон.

И за эту потерю власти над собой я тоже на него злилась!..

— Ты успокоилась?

— Нет. — Его руки гладили мою спину, и хорошо еще, что не пытались опять рвать мое платье.

— Ника, я не знаю, как там у вас, в вашем мире. Я не путешествовал по разным мирам, как это принято у молодых людей моего круга. Я и не путешественник по натуре, и все было как-то недосуг. Я служил. Но у нас — все просто. Или ты прислуга, пусть даже и экономка, — и при варианте любовной связи с хозяином тебя принято презирать и осуждать. Или ты хозяйка дома — благородная миледи. Я полюбил — и свой выбор сделал. Что тебя в нем раздражает, хотел бы я понять...

— Все происходит слишком быстро...

— Я тоже не планировал всего, что получилось вчера. Хотел сделать все, как положено, — ухаживание, признание, предложение.

Я рассмеялась:

— Получилось замечательно. Вот как раз то, что было вчера... Это было... волшебно. — И покраснела так, что спрятала лицо у него на груди.

— Не понимаю, — пожаловался он мне на меня.

— Прости. Я слишком привыкла к одиночеству. И если не подпускать к себе, и это норма жизни двенадцать лет... Очень трудно отвыкать. Трудно. И страшно.

— Ника... — прошептал он мне на ухо. — Я тебя люблю. И пусть я не понимаю мужчин вашего мира, мне остается радоваться, что они такие

глупцы...

Я потянулась к нему, но он покачал головой и отстранился.

— Сыновья в гостиной, — протянул он мне руку, чтобы помочь слезть со стола. — А моя выдержка, как мы вчера узнали, тоже имеет пределы. И потом, я же опять платье на тебе порву...

— Не стоит, — опасливо посмотрела я на этого истребителя ткацкой продукции.

— Пойдем, — печально посмотрел он на меня.

Я захихикала, ощущая себя малолетней дурочкой, которая отпросилась на дискотеку — а пришла под утро. И грозят ей выяснение отношений пополам с разборками. И жу-у-у-у-ткооо!!!!

— Я кажусь тебе смешным?

— Нет, — вытерла я глаза. — Вся ситуация в целом. Это мы с молодых людей спрашивать должны. И требовать приличного поведения. А получается...

Смеялись уже оба.

— Это нервное, — покачала я головой.

— Пора, — решительно сказал главнокомандующий в отставке — и смело, как на приступ вражеской крепости, отправился к двери. За ним пошла я, покачивая головой — и все равно хихикая.

Так мы и дошли до гостиной.

— Ника, прекрати.

Я согнулась пополам от хохота.

Дверь, ведущая в гостиную, резко распахнулась. На пороге появился Рэм с непростым выражением лица. Позади него мы увидели Пашу. Он был явно расстроен.

— И как прикажете это понимать, милостивый государь? — зарычал юный герцог на милорда Верда, полностью игнорируя мое присутствие.

— Добрый день, молодые люди, — вежливо обратился к ним милорд Верд. — Вы позволите пройти?

И мы вошли в комнату. Я задержалась, чтобы закрыть дверь. Когда обернулась, обнаружила, что мужчины стоят друг напротив друга. У милорда было спокойное, чуть насмешливое выражение лица. А вот мальчики... Такое было ощущение, что еще секунда — и они на него кинутся.

— Миледи, — обратился ко мне хозяин дома. — Мы можем вас пригласить подойти к нам?

— Конечно, — кивнула я.

Меня усадили в кресло перед камином. Милорд Верд остался стоять

рядом.

— Я сделал предложение вашей матушке и очень надеюсь, что она ответит на него согласием, — начал милорд Верд.

— Вы ждете ребенка? — посмотрел на меня в упор... нет, сейчас это был не мальчик Рэм, которому я помогала скрываться. Это был Геральд Аден Моэ, наследный герцог Рэймский.

Я опешила.

— Нет, — ответил за меня милорд, — миледи не ждет ребенка. Я бы почувствовал.

— Тогда... Я бы рекомендовал госпоже Лиззард ответить вам отказом. Поблагодарить за гостеприимство и удалиться. Нам пора.

— Знаете ли... Это переходит все границы. — Судя по голосу, выходка Рэма вызвала у милорда острый восторг. — Могу ли я спросить — почему?

— Вы недостаточно хорошая партия для...

— Продолжайте, — насмешливо протянул милорд Верд.

— Мама, — тихо спросил Паша. — Мама, ты его любишь? Или он тебя... заставил?

— Молодые люди... — очень-очень тихо сказал милорд. — Будем считать, что я проникся вашей заботой о матушке... Однако я бы рекомендовал вам сбавить тон и удержаться от оскорблений. Честно говоря, я ожидал...

— Чего? — злобно отвечал Рэм. — Того, что мы обрадуемся?

— Ваша матушка счастлива. Она готовится выйти замуж. Я думал, что вы порадуетесь за нее.

— Рэм, не смей, — не могла не вмешаться я. По выражению лица юного герцога было件нятно, что он сейчас скажет какую-нибудь вопиющую оскорбительную дерзость.

— Мама! — взвился Паша.

— И ты тоже.

— Милорд... — Он скривился, тоже хотел мне что-то сказать, но я ему не позволила. — Все потом... Не сейчас. Могу я поговорить с сыновьями? Наедине.

— Если они мне пообещают воздержаться от оскорблений и держать себя в руках, — отрезал он.

Глядя ему прямо в глаза, Рэм кивнул. Паша, явно нехотя, повторил его движение.

Милорд Верд пробурчал себе что-то под нос и ушел, аккуратно притворив за собой дверь.

Я качала головой, не зная, с чего начать разговор. Вот действительно,

как рассказать детям о ночи, которая была? О жажде, которая охватывает, когда смотришь — даже просто смотришь — на этого конкретного мужчину... О том, как в его объятиях забываешь обо всем... Ох-хо-хо... Грехи мои тяжкие...

— Мама... Ты счастлива? — тихо спросил Паша.

— Да, — так же тихо ответила я. — Мне кажется, я полюбила. И немножко сошла с ума...

— Сударыня, — жестко сказал Рэм. — Я все же предлагаю задуматься о последствиях. И речь идет даже не о том, что все вокруг поймут, кто я такой... Просто... Вы уверены в том, что хотите связать свою судьбу с милордом Вердом? Вы уверены в том, что он сделает вас счастливой? Вы уверены хотя бы в том, что находиться рядом с ним безопасно?

— Рэм, — тяжело вздохнула я, — человеческая жизнь тем и ужасна, что в ней ни в чем нельзя быть уверенной... Я не знаю, как у нас все сложится с милордом Вердом...

— Но вы не отступитесь.

Я только улыбнулась.

— Мама, а как же Денис?

— Что? — повернулась я к сыну. — Какой Денис?

— Ну, твой знакомый из СОБРа. Который нам скрываться помогал. Я думал, у тебя с ним...

— Для начала, он тебе не Денис, а Денис Юрьевич, — делая усилие, чтобы не засмеяться, начала я. — И потом... мы просто приятельствуем...

— Это ты, как обычно, просто приятельствуешь, — проворчал мой ребенок. — И ничего не видишь вокруг. Я уверен — когда милорд вокруг тебя круги нарезал, ты тоже ничего не замечала. И все произошедшее стало для тебя сюрпризом.

— Пашка! — возмутилась я. — Да как ты смеешь!

— Должен же за тебя кто-то отвечать!

— Вот-вот! — поддержал его Рэм. — А то все происходящее просто возмутительно.

И вот что делать? Кричать благим матом? Обнять и поблагодарить за заботу? Послать куда подальше? Выпить успокоительное? Просто выпить? И побольше...

Глава 23

День и так получился... насыщенным. Молодежь вроде бы унялась. По крайней мере, оба прекратили оскорблять милорда Верда. Обедали мы вполне мирно. Уже вчетвером. Дальше я выслушала поздравления от слуг и отбилась от переезда на господскую половину. Потом, перед ужином, повторилось Маппет-шоу с предложением руки, сердца и всего, чем владеет милорд Верд. Павел и Рэм смотрели на меня слишком внимательно, чтобы я попросила время подумать. Поэтому я сказала: «Да». И меня окольцевали. На указательный палец правой руки мне торжественно надели перстень — вычурно переплетенные полосы золота удерживали крупный темный сапфир прямоугольной огранки. Милорд склонился над моей рукой и поцеловал.

— Четыре недели, — нежно посмотрел он на меня. — Через месяц вы станете моей супругой.

И прошептал мне на ухо:

— Меньше ждать просто неприлично. Больше — я не способен...

Потом подошел к Паше и Рэму. Поочередно протянул каждому из них руку. Мужчины обменялись рукопожатиями, и милорд торжественно произнес:

— Добро пожаловать в семью Рэ.

Рэм посмотрел на меня как-то жалобно, потом весь подобрался. Когда он стал говорить, в голосе осталась только решительность:

— Милорд. Я не могу пользоваться ситуацией. Я и так... Все зашло слишком далеко. Вероника и Павел — это один разговор. Они просто мне помогают. И я не хочу мешать им устроиться. Однако...

— Ваше сиятельство, — абсолютно серьезно проговорил милорд Верд. — Вы пытаетесь сказать мне, что вы — герцог Рэйм, которого разыскивают бунтовщики? Кстати говоря, разыскивают где угодно, только не в столице Империи и в ее окрестностях...

— Да. Я — Геральд Аден Моэ, герцог Рэйм. Я могу лишь только просить вас дать мне возможность уйти. И обеспечить безопасность моим друзьям, которые и так пострадали, помогая мне.

— Очень благородно, ваше сиятельство. Только я не понимаю, зачем вам уходить? Ваше инкогнито не раскрыто. Вы в безопасности. Для Империи ваше пребывание у нас не несет угрозы. Более того, Его Величество вполне благосклонно отнесся к тому, что вы обучаетесь в

академии. Даю слово, что вашей жизни ничего не угрожает. По крайней мере, со стороны Империи.

— Вы хотите держать меня заложником? — Рэм сделал шаг назад и положил руку на эфес шпаги.

— Ваше сиятельство, — укоризненно покачал головой милорд Верд. — Такое ощущение, что вы меня не слышали. Вам НИЧТО не грозит со стороны Империи. К тому же... я принял вас в семью. И буду защищать.

— Мне бы не хотелось пользоваться...

— А вот это уже глупая детская гордыня, — холодно сказал милорд Верд. — И если гордость я уважаю, то гордыня — это оскорбительно по отношению к тому, кто абсолютно бескорыстно предлагает помощь.

— Приношу свои извинения, — все же сказал Рэм. После продолжительной паузы.

— А можно спросить? — вдруг выдал Паша, который все это время обдумывал какую-то мысль.

— Конечно, — кивнул милорд Верд.

— А вы нас запалили сразу?

— Пауль! — поджал губы Рэм, который успел высказать свое «фи» даже раньше меня.

— Что такое «запалил»? — посмотрел на меня ректор военной академии.

— Разоблачили, раскрыли, — пояснила я.

— То, что Вероника прибыла к нам из другого мира, было понятно... дня со второго, — улыбнулся он. — Прежде всего потому, что таких потоков магии у имперцев просто не бывает. Да и мастер Пауль Рэ своими изумительными выражениями меня веселил и веселит. Но вот то, что мастер Рэм Рэ и исчезнувший наследный герцог Рэймский — одно и то же лицо... Об этом я узнал лишь после покушения.

— И каким образом? — тихо спросил Рэм.

— Милфорд. Он встречался с вашей матушкой. И понял, что подобную мимику и жесты он видел. У меня в академии.

— Как мама? — выдохнул он.

— Жива. Не ранена. Но упряма. Безмерно. Милфорд был отправлен императором в герцогство предложить помощь — нам не нужны очаги напряженности, особенно близ Западной провинции.

— И герцогиня Рэймская?..

— Отказала. Сообщила, что благодарна за предложение, но справится сама.

— Подданные не примут правительницу, которая удержалась

благодаря помощи имперцев, — гордо сказал мальчик.

— Вздор! — скривился милорд Верд. — Вы же не думаете, что мы собирались вводить воинские подразделения на территорию независимого государства? Или предложили это герцогине?

— Тогда почему? — беспомощно спросил Рэм, который — прими мать помощь — мог бы в скором времени оказаться дома.

— Я полагаю, — попытался объяснить Рэму Ричард, — что у герцогини хорошие шансы все уладить самой. И не быть никому обязанной.

— И как скоро?

— Сейчас осень — почти зима. Все замерло. Весной все решится.

— А мама знает, что я жив?

— Думаю, да, — кивнул Ричард. — Она очень сильный маг земли. И чувствует вас.

— Я ее тоже, — прошептал Рэм.

— Скажите, милорд, — вмешался Паша, — а вы сильно злились на то, что мы... вроде как обманом...

— Я с уважением отношусь к смекалке и воинской хитрости, — чуть улыбнулся верховный главнокомандующий в отставке. — Кроме того, мне страшно становится при мысли, что мы с вашей мамой могли не встретиться. И вы были бы в опасности, а я никогда бы не узнал...

— А то, что мы пришли из другого мира? — спросила я быстро. Мне почему-то неловко стало перед мальчишками от его слов.

— Вам повезло оказаться в Империи. Мы знаем, что миров неисчислимо множество. И спокойно к этому относимся. Император любит путешествовать — настраивая порталы таким образом, чтобы оказаться в случайном месте. Он так отдыхает. Милфорд, кстати говоря, свой отпуск проводит в России. А я... если и путешествую, то по своим прямым военным обязанностям.

— Вы захватываете новые земли? — звенящим голосом спросил герцог Рэймский.

— Нет. Имперцы защищают. Мы вмешиваемся, если силы не равны, а кто-то отстаивает родную землю. Ну, и если император отдал приказ.

— Погодите, а как герцогиня Рэймская могла оказаться у нас, в Петербурге, на Кольцевой автодороге и услышать мой призыв о помощи? — спросила я.

— Думаю, у нее есть та же привычка, что и у моего отца, — усмехнулся Ричард.

А Рэм кивнул:

— Она тоже любит путешествовать.

На этом мы отправились ужинать. После того как все было друг другу сказано, неловкость взяла и ушла. Все опять стали вести себя как обычно. Мальчишки начали рассказывать об учебе в академии.

— Мама, представляешь, мы полосу препятствий проходили... А этот барон Кромер придурочный...

— Пауль! — хором воскликнули мы втроем.

— Что?! — не сдался мой сын. — И что мне делать, если он и правда придурочный...

— За речью следить, — проворчала я. Пока мужчины на полном серьезе озадачились вопросом: а ведь действительно — что делать...

— Так что там с полосой препятствий? — вернулся к теме обсуждения милорд.

— Барон Кромер нарочно толкнул Рэма, чтобы первому полосе пройти... А препод наш...

— Уважаемый, — вот тут и в моем голосе прорезался и лед, и сталь — и все, что там рекомендовал проявлять в тоне милорд Верд для беседы с подрастающим поколением. — Я бы попросила все же слова подбирать и помнить, что я тоже — препод. И мне это название неприятно слышать. Мы же не называем вас — студентов — ушлепками. Хотя хочется. Вот и вы сдерживайтесь.

— Ну, ма-а-ам! Чего ты все время перебиваешь! Преподаватель заставил нас всех вместе приседать. Мы приседаем, держа полторные мечи над головой, между прочим, и орем: «Спасибо, барон Кромер!» А он приседает и отвечает: «Не за что, друзья!»

Мы переглянулись с милордом Вердом и расхохотались.

— И что в этом смешного? Это же несправедливо! — возмутился Павел.

— Это упражнение призвано выработать слаженность действий, умение работать в команде и понимание того, что за действие одного члена команды будут отвечать все, — разъяснил милорд Верд.

— Скажите еще, что вы это придумали, — проворчал Паша.

— Нет, не я. Я ввел это в академии по армейскому образцу, — улыбнулся ему милорд. — Как и зачет на прохождении полосы по последнему, самому слабому члену команды. Кстати, а кто такие «ушлепки»? — спросил он у меня.

Теперь пришла очередь хохотать Рэма и Павла.

— А что все-таки вы преподавали в академии у себя на родине? —

поменял милорд Верд тему беседы.

— Историю, — ответила я. — Вы догадались правильно.

— Коллеги, значит, — улыбнулся он мне. — Тогда становится понятным ваш интерес к моим книгам. И как вам?

— Все лукавят, — пожала я плечами. — И у вас, и у нас... В преподавании истории, как я понимаю, чаще всего всех интересует, как воспитать подрастающее поколение в нужном ключе, а не истина.

— Это плохо?

— Это так, как оно есть, — не поддалась я на явную провокацию. — Как мы понимаем, в любом историческом событии будет столько правд, сколько было участников конфликта. А превалирующей будет правда выигравшей стороны...

— И на героических примерах дети лучше воспитываются...

— Да кто его знает, на чем лучше воспитываются дети. И воспитываются ли они вообще. Или воспитывают нас...

Я стояла в спальне, рассматривая картину, которая висела на стене. Это был тот самый натюрморт, который мне так понравился в магазине. Улыбалась, качала головой и вытирала слезы. Да... что-то, а такого в моей жизни еще не было.

Через какое-то время услышала негромкое гудение в гостиной и вышла посмотреть, кто это. Предчувствия меня не обманули — это был мой жених.

— Пришлось портал строить, чтобы всему дому не сообщать, где я намерен провести ночь, — улыбнулся он мне.

— Я так подозреваю, все и так в курсе...

— Или ты настаиваешь, чтобы мы месяц до свадьбы?.. — Он посмотрел на меня испытующе.

Я рассмеялась, вспомнив прошедшие сутки:

— Думаю, это бессмысленно... — И подошла к нему, чтобы поцеловать.

Он явно был из душа — даже волосы еще влажные. Свежевыбрит. В темно-синей, почти черной пижаме... Я разве что не мурлыкала, прижимаясь к его телу все сильнее и сильнее...

— Ты прекрасна, — прошептал он между поцелуями.

А потом он огорошил меня:

— Завтра у нас семейный ужин в честь помолвки. Будет отец. — И прозвучало это у него так легко, как бы между прочим.

Я со свистом втянула воздух, сказала:

— Погоди... — И ушла из своей спальни.

А что? Я тоже человек. И мне, в конце концов, надо выпить. И получается — зря я сдерживалась целый день. Поэтому я отправилась через весь дом, в парадную гостиную, где, собственно, алкогольные запасы и хранились. Не в спальню же к милорду я иду — значит, имею право. Взяла графинчик с вишнежкой — сладенько и градусов двадцать пять — уже хорошо. Выпила бокальчик. Подумала, прислушиваясь к ощущениям. Кивнула. Взяла свой бокал,хватила второй — я не жадная. И потопала наверх. К себе.

Милорд выглядел обеспокоенным.

— Ты не сбежала... — поднялся он мне навстречу.

Я нахмурилась — почему-то такой простой, но здравой во многом мысли мне в голову не пришло.

— Будешь? — помахала я перед ним добычей.

— Да, — согласился он.

— Вот и хорошо. — Я налила нам вишнежки, подала ему бокал, взяла свой, уселась в кресло. Выпила.

— Ника, — он бесцеремонно вытащил меня из кресла, уселся сам, посадил меня на колени и прижал к себе, — почему мне кажется, что ты не радуешься?

— Я радуюсь. — И потянула ручонки к бокальчику, чтобы снова его наполнить.

— Что тебя гнетет? Что я окажусь плохим мужем?

— Сам факт, что я подпустила вас...

— Ника... — угрожающе протянул он.

— Тебя... Я подпустила тебя так близко.

— Ну, насчет «подпустила» я бы поспорил... — Он провел губами по моей шее. — По-моему, я пробился сам.

— Милорд...

— По имени, Ника. Пожалуйста...

Я тихонько вздохнула.

— Слишком давлЮ? — догадался он. — Прости. Но когда ты смеешься и запрокидываешь голову, мне трудно удержаться, чтобы не начать тебя целовать. Когда в твоих волосах запутывается лучик солнца, они начинают гореть золотом. И мне так хочется слышать, как ты называешь меня по имени, как близкого человека...

— Ричард, — прошептала я и прижалась к его губам.

— Ты меня любишь?

— Да, — выдохнула я.

— Тогда почему ты не хочешь за меня замуж? Потому что я — бастард?

— Кто — бастард? — Я даже в себя пришла, и вишневка в голове перестала приятно шуметь. Что ж ты будешь делать... Как не вовремя...

— Я, — печально ответил милорд Верд.

Хихикнула, вспомнив этапы славного пути и свое первое замужество. Прошептала:

— Прости. — И захохотала в голос.

— И что в этом смешного?

— В этом — ничего. Я над собой смеюсь... Просто я Павлом была сильно беременная, когда замуж выходила. И то свадьба получилась, потому что мой отец очень сильно настоял. Так что от меня осуждения ждать не приходится. Сама чуть было...

— Тогда — почему?

— Дело не в тебе. Дело в том, что я замуж вообще не стремлюсь. Просто если это плата за то, чтобы быть с тобой... Ну что ж. Так тому и быть.

— Не понимаю, — взъерошил он волосы.

— Не надо понимать, — прижалась я губами к его ключице, расстегнув несколько пуговиц на рубашке, — просто люби...

— И вот что ты не переделась, — ворчал он, вытряхнув меня из платья и опять воюя с корсетом. — Я все-таки найму тебе личную горничную.

— И она будет мелькать у меня в комнатах, высматривая, пришел ты или мы еще тебя ожидаем?!

— Тебя очень тревожат слуги?

— Не то чтобы тревожат. Просто ощущение того, что за тобой постоянно наблюдают. Знают, что ты делаешь. Непривычно.

— Да? А я уже не замечаю. Ну, кроме каких-то вопиющих случаев.

— Что же ты тогда столько экономок за год сменил?

— Тебя искал...

В его пустом доме я чувствовала себя как-то поувереннее. А здесь... Я не могла избавиться от мысли, что за стенкой спят слуги, где-то недалеко — комнаты мальчишек. Поэтому я вздрагивала на каждый скрип кровати и все время прислушивалась — не зашел ли кто-нибудь в мою маленькую гостиную.

— Что? — спросил у меня Ричард. — Почему ты такая встревоженная?

— Слышимость в доме слишком хорошая. И дверь мы не закрыли.

Он тихонько рассмеялся:

— Ты смешная...

Но поднялся и пошел закрывать дверь. Потом на секунду задержался возле кровати, чтобы щелкнуть пальцами, и гордо сообщил мне:

— Все... Эта комната отрезана от всего остального дома. Тут можно хоть громить все — никто ничего не услышит. Ника? Почему ты плачешь?

— От счастья... Спасибо... — И я стала покрывать его тело поцелуями, я просто обезумела и все шептала и шептала: — Спасибо тебе...

Глава 24

В семь утра, войдя на кухню, я обрадовала всех тем замечательнейшим фактом, что через двенадцать часов у нас простенько так, по-семейному, ужинает император Фредерик Тигверд.

Честно говоря, я думала, что сейчас начнется имперский бунт — бессмысленный и беспощадный. Это со стороны женщин. Мужчины же просто напьются... И срочно свалят из дома.

Обошлось. Я выслушала все вопли и тихо сказала:

— Я все понимаю... Выручайте, милые...

Джон и Натан понеслись в деревню — за женщинами. Надо было кому-то убирать дом и помогать нам на кухне. Надо было еще купить продуктов. И нанять официантов — подавать блюда. Даже я ужаснулась, узнав, что по протоколу должно быть двенадцать перемен блюд.

Поэтому когда милорд спустился вниз, то был неприятно удивлен тем фактом, что на господской половине присутствовало большое количество незнакомых ему женщин, занимающихся уборкой. Еще он обнаружил голодных Пауля и Рэма. И полное отсутствие даже намека на какой-нибудь завтрак. Он позвонил — его проигнорировали. На самом деле мы не слышали. И мужчины втроем отправились на кухню.

— А что у нас происходит в доме? — строго спросил хозяин.

За его спиной я заметила любопытствующих Пашу и Рэма.

В этот момент Оливия и мама Вилли лепили маленькие пирожки с разными начинками, я фаршировала перепелов — убила бы уродов, которые решили, что эту мелочь можно есть. И что именно эту живность надо подавать на парадный обед.

А Каталина резала лук. Много-много лука — как раз во все блюда... Рыдали при этом все.

Мы повернулись к милорду, оглядели его сквозь слезы. Причем нож в руках у Каталины опасно замер на секунду. Я лично напряглась. Потом наша повариха остервенело продолжила измельчать лук.

— Доброе утро, милорд, — вдруг, опомнившись, сказали мы хором.

А я добавила:

— Император прибывает на ужин.

Дети переглянулись.

— Совершенно верно, — согласился хозяин дома. — А с чего такая суета?

— Хочется произвести хорошее впечатление, — проглотив несколько неприличных слов, смогла ответить я.

— Так, может, закажем ужин в ресторане? Раз это такая морока...

Я смогла! Я ответила вежливо:

— Не стоит.

Женщины на мгновение прервались — и посмотрели на меня с возросшим уважением.

Милорд Верд кивнул милостиво и уже мудро начал отступать с кухни, как вдруг вспомнил, что его сюда привело.

— А наш завтрак?

Я поднялась. Отложила этих чертовых мелкопакостных птичек, тщательно вымыла руки. Поставила чайник на огонь. Открыла холодный шкаф, достала ветчину с сыром. Взяла хлеб. Добавила к этому нож.

— Сейчас чайник закипит, мы заварим чай — и принесем в столовую.

— Но я не пью чай, — возмутился милорд.

— Простите, милорд, — отложила Каталина нож — все вздохнули с облегчением. — Я сейчас сварю кофе.

— Мастер Рэм! Мастер Пауль! — Я вручила найденные продукты молодым людям. — Отправляйтесь в столовую — порежьте. И — приятного вам всем аппетита!

— А вы? — посмотрел на меня милорд.

— Не время, милорд, битва!

— Что? — Взгляд у него стал каким-то диковатым.

— Миледи! — ворвался на кухню Джон. — Цветы доставят к двум часам дня. Лакеев и официантов наняли. С милордом Милфордом я договорился — их проверяют.

Милорд Верд ушел. Через какое-то время Оливия отвлеклась от пирожков — и покатила тележку с кофейником и чайником.

— Миледи! — сказала она, придя обратно. — Вас милорд зовет. И вид у него... недовольный.

Я опять вымыла руки, посмотрела на птичек как на личных врагов и удалилась.

— Доброе утро еще раз! — поприветствовала я всех, когда вошла.

Пауль посмотрел на меня повнимательнее и потянул за рукав Рэма. Мальчишки быстро сообщили, что уже не голодны, схватили по куску хлеба с ветчиной — кстати, порезали они хлеб и ветчину неаристократично... толстенько, щедро так — и быстренько сбежали.

— У вас какое-то странное понимание слова «семейный» в сочетании со словом «ужин», — проворчал милорд Верд. — К чему вся эта суета?

— Хочется, чтобы все было безупречно, — пожала я плечами. — Это же твой отец.

— Это ты уже сколько времени на ногах?

— С семи утра, — не стала скрывать я.

— Я расстроился, когда проснулся и обнаружил, что тебя нет, — тихо сказал он.

— Прости, Ричард.

— Почему ты не подходишь ко мне?

— От меня луком пахнет. И кухней.

Он резко вскочил, пересек гостиную и заключил в объятия.

— Спасибо...

— Пусти... Тут полный дом народу.

— Я заметил, — рассмеялся он. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Что любит Его Величество? Из еды?

— Если я правильно понял, то вы там делаете пирожки?

— Совершенно верно.

— Вот они точно будут восприняты с восторгом. К перепелам он, кстати говоря, равнодушен.

— Что положено подавать из спиртных напитков?

— А кто ж его знает?.. Я, кстати, как и Его Величество, пью гномий самогон.

— А при переменах блюд?

— Ладно, я свяжусь с Милфордом — пусть договорится, чтобы нам хорошего вина прислали. Что-то еще?

— Как мне положено быть одетой?

— А вот об этом я не подумал, — смутился он. — Так. Собирайся, поедем тебе платье подбирать.

— Еще чего, — фыркнула я. — У меня перепела недофаршированы, пирожки недолеплены — а я платье подбирай. Пусть пришлют что-нибудь.

Милорд потряс колокольчиком.

На этот раз его слышали — принесся Джон.

— Ваша милость?

— И снова вам, Джон, за платьем для миледи ехать. Только пусть подберут что-нибудь для званого обеда. И еще. На миледи будут фамильные сапфиры.

— А если они предложат что-то на выбор? — невозмутимо сказал старый солдат.

— Берите все — пригодится.

Джон поклонился и ушел.

— Кстати, я понял, чем еще могу помочь...

— И чем же?

— Мы с молодыми людьми удалимся на верховую прогулку. И пообедаем в деревне, — с видом добровольца, идущего на подвиг, изрек милорд Верд.

— Изумительно! — совершенно искренне одобрила я.

— Только я хочу за это благодарности, — поспешил воспользоваться ситуацией милорд.

— Какого рода благодарности? — осторожно спросила я.

— Пожалуй, я сообщу вам об этом в своем кабинете. А то здесь у нас проходной двор.

— И девушек наших ведут в кабинет, — мурлыкала я тихонько, выходя из искомого кабинета потрепанная, но довольная. По-моему, и милорд в печали не остался. А теперь работать, работать и работать!!!

Каталина сама выгнала меня с кухни часа в четыре. Оливия руководила пришлыми лакеями — накрывали на стол.

Я отправилась в свои комнаты — и обнаружила целую делегацию. Прибыли две портнихи — подогнать платье. Парикмахер — уложить прическу. И еще одна женщина — приводить в порядок лицо, как я поняла.

— Где миледи? — недовольно поприветствовали они меня.

— Это я, — честно ответила я.

— Не смешите меня, милочка, — ответила женщина помоложе. — Вы — явно прислуга.

— Слушайте, мне не до того, чтобы выяснять с вами отношения. Я в ванну. А вы все... Хотите — поможете мне собраться. Нет — обойдемся без вас.

И я пошла в спальню. А потом и в душ.

— Странная она какая-то, — донеслось мне в спину.

— Надо господина Джона Адерли позвать, он договаривался.

Когда я вышла из ванной, ситуация в корне поменялась. Во мне признали госпожу.

Мне показали несколько вариантов платьев. Я так обрадовалась, увидев не что-то светлое, а роскошное переливающееся платье темно-синего атласа, что, не раздумывая, указала на него.

— Милорд передавал, что на вас будут сапфиры. Синее платье опасно — могут не совпасть оттенки.

— Все равно, — заупрямилась я.

Ох, нелегкая эта работа... Должна признаться, я утомилась работать куклой. Меня одевали, раздевали, вертели, притирали, мазали, накручивали

волосы чем-то горячим... Я устала — и у меня разболелась спина. А еще меня изо всех сил затянули в корсет. Тут я взбунтовалась, потому что поднялась, сделала несколько шагов — и поняла: я не то что есть — я дышать не могу.

— Э-э-э, нет. Так не пойдет. Любезные, перетяните меня так, чтобы можно было вдыхать и выдыхать, — приказала я.

— Но... — попробовала возмутиться та самая молодая, что не хотела признавать во мне госпожу.

— Я настаиваю.

И через минуту с облегчением вдыхала воздух. Его было не то чтобы много, но он был.

В седьмом часу ко мне в комнату постучалась Оливия. Она принесла украшения — колье и браслет. Девушки, меня собиравшие, вздохнули с облегчением — все совпало по цвету.

Я их поблагодарила и отпустила.

— Вы прекрасны, миледи, — искренне радуясь за меня, улыбнулись они.

Оглядела себя в зеркале — и ведь не поспоришь. Я просто себя не узнавала. Это платье придало фигуре утонченность, а образу законченность. Кожа словно мерцала, а высокие атласные перчатки подчеркивали нежность и изящество рук. Золото волос в высокой прическе, нежные черты лица.

— А в каком восторге милорд будет! — проговорила горничная и лукаво мне подмигнула.

— Оливия, я хотела попросить.

— Да, миледи.

— Поможете мне сегодня вечером выпутаться из этого наряда? Здесь одной не справиться.

— С удовольствием! — обрадовалась она.

Раздался стук в дверь.

— Миледи, — окликнул Джон. — Пора. Его Величество прибывают!

И я поспешила вниз. По крайней мере, попыталась поспешить. В подобном платье ступать можно было небольшими плавными шажками, безо всяких резких движений, потому что иначе кислород перекрывался намертво.

— И поесть мне не удастся, — пробурчала я. — А мы столько вкусного наготовили!

Но восторженный выдох «Ника!» в исполнении милорда Верда, когда он меня увидел, того стоил...

Я запомнила императора по той ночи, когда чуть не погиб Ричард, как странно похожего на милорда человека с неприятным, скрежещущим голосом. Сегодня же он был совершенно другой. Может, потому, что не было такой страшной ситуации, может, потому, что он был рад за сына. А может, потому, что на сегодняшний вечер он решил взять выходной.

Благодушный человек, чуть уставший. Он с радостью поприветствовал меня и мальчишек. Искренне поздравил с помолвкой, изъявив желание познакомиться с моими родителями. И наконец, благосклонно принял перед едой вожделенного гномьего самогона.

— Для аппетита, — чуть извиняясь, смутился он, внимательно поглядывая на меня.

Сегодня он мне напомнил моего отца, и я невольно улыбнулась.

— Цени ее, сын, — тихо сказал император Ричарду. — Она умеет искренне улыбаться. Только надо будет ее как-то защитить от наших... подданных.

Это прозвучало печально.

Потом Его Величество обозрел шеренгу пригнанных из столицы лакеев и попенял мне на переполох, который я устроила.

— Миледи Вероника, — улыбнулся он мне, — я ведь могу называть вас по имени, правда?

— Конечно, Ваше Величество, — склонилась я. А что — кто-то другого ответа ожидал?

— Когда я говорю «семейный обед», это подразумевает простоту. Пафоса с перепелами и двенадцатью переменами блюд мне и во дворце хватает. И ведь только присмотришь что-то вкусное, так раз — и перемена блюд. У меня такое ощущение иной раз складывается, что с кем-то из слуг мы любим одно и то же... Кстати, пока пирожки не доем — чтобы никто ничего со стола не уносил!

И он строго посмотрел на лакеев.

— Поддерживаю! — засмеялся милорд Верд.

— Не переживайте, Ваше Величество, — улыбнулась и я. — У нас их много. Их так любят милорд Верд и молодые люди, что приходится готовить сумасшедшее количество. Хватит на всех.

— Скажите, миледи, — обратился он ко мне. — А как вам наш мир?

— Интересно. Необычно. В нашем мире нет магии. А так... люди как люди. В большинстве своем — хорошие. Как и у нас. Но с таким потрясающим человеком, как милорд Верд, я встречаюсь впервые.

Его Величество прикрыл глаза и откинулся на спинку стула. Потом внимательно посмотрел на меня, пытаясь что-то найти. Улыбнулся.

— Вы знаете, что самое удивительное?

— Что, Ваше Величество?

— Ваше восхищение абсолютно искреннее.

— А почему оно должно быть неискренним? — удивилась я.

Он опять внимательно посмотрел на меня. А потом весело спросил:

— А скажите, это правда, что в вашем мире вы преподаватель? Так же как мой сын?

— Я действительно преподаю историю в академии, только не военной, а Внутренних дел. Мы готовим следователей, экспертов, полицейских... Только у меня ранг значительно ниже, чем у вашего сына. Я не руковожу академией. Просто читаю лекции, веду семинары.

— И вы действительно умеете готовить?

— Да, — рассмеялась я. — Почему-то именно это мое умение вызывает то наибольший восторг, то наибольшее недоумение.

— А зачем, если вы работаете и занимаете достаточно высокое положение в иерархии своей страны?

Я смогла лишь усмехнуться — высокая иерархия. Да уж...

— У нас все, к сожалению, устроено немного по-другому. Я достаточно скромная персона. И по зарплате в том числе. Поэтому приходится все делать самой.

— Занятно, — пробурчал Его Величество. — А танцевать вы умеете?

— Да, — кивнула я. Вот этого хоть сто порций.

— А вальс-то у вас танцуют? — ворчливо спросил император.

— Не все. Но я умею.

— И кто пойдет за рояль? — оглянулся на присутствующих отец милорда Верда.

— Вы позволите? — неожиданно для меня раздался голос Рэма.

Мальчишки до этого сидели тихо, как мыши. Старательно и аккуратно пережевывали пищу и не менее старательно делали вид, что их тут нет.

— Прошу.

Император поднялся — его примеру тут же последовали все остальные. Он подал мне руку, еще раз повторил прислуге, чтобы пирожки трогать не смели, и мы удалились в библиотеку, где был кабинетный рояль. И достаточно места для танцев.

Рэм откинул крышку рояля и легко заиграл какой-то незнакомый мне вальс.

Положенный реверанс — мой, поклон — его. И мы заскользили. Император Фредерик вел легко, двигался изящно.

— Я вам благодарен, — тихо сказал он мне, — никогда не видел

Ричарда таким счастливым. Жаль, его мать не дожила.

— Не только ваш сын счастлив. Я тоже.

— Но вас что-то гнетет. Немножко. Но что-то есть.

— Я настолько счастлива, что мне страшно, — ответила я чистую правду.

— Да... — не стал спорить со мной император, — многие будут стараться вас использовать. Завидовать, плести интриги... Вам будет тяжело сохранить ваши отношения. Поэтому я прошу вас об одном — постарайтесь. Вы мудрая женщина. И, если захотите, у вас получится. Сохраните это счастье в глазах моего сына...

Музыка отзвучала. Мы опять поклонились друг другу. И Его Величество отвел меня к сыну.

— Вручаю ее тебе, — улыбнулся император Фредерик сыну и отошел.

— Вероника, — поцеловал жених мне руку.

— Мастер Рэ, — обратился неутомимый император к Рэму. — Вы позволите?

И сам уселся за рояль.

— Вы знаете, — обратился он к нам, — если бы не трон, я бы стал музыкантом. Потанцуйте, дети мои, а я на вас полюбуюсь...

— У тебя было такое серьезное лицо, когда вы танцевали с отцом, что я забеспокоился, — тихо сказал мне милорд Верд, прижимая к себе чуть сильнее, чем того требовал танец.

— Все в порядке.

— Он тебя чем-то расстроил...

— Предупредил, что у вас много недоброжелателей и нас будут пытаться посорить.

— Не без этого, — грустно улыбнулся он.

— Давай не будем о плохом, — улыбнулась я. — Мы рядом, ты меня обнимаешь... Ведь это хорошо?

— Я тебя люблю, — прошептал он мне на ухо.

Я прямо-таки почувствовала, как он собирается, забыв о присутствующих, прикусить мне мочку уха, скользнуть по шее губами...

— И даже не думай, — яростно зашептала я ему. — На нас люди смотрят.

— Я приду ночью, — получилось у него с угрозой в голосе.

— Приходи. — Я подняла взгляд и посмотрела прямо ему в глаза. Там взвилось такое искушающее пламя, что я чуть было не потеряла голову и не начала целовать милорда сама.

— Миледи, — тихо прошептал он мне. — Когда я чувствую, что вы

меня хотите, я просто схожу с ума...

— Не вы один...

Уже ночью мы проводили Его Величество и разошлись по своим комнатам. И вот после того, как Оливия помогла мне снять парадное платье и распутать волосы, после того, как ко мне пришел милорд Верд с самыми непристойными и конкретными намерениями, я поняла, что дико хочу... есть!

Мы пробрались на кухню, стараясь не гоготать в голос, и обнаружили, что съедено было все! Все, кроме тех самых злосчастных перепелов, которые я с таким усердием фаршировала. Ими я и отужинала. Кстати, получилось неплохо...

Глава 25

А в понедельник мы все всё проспали. Надо отметить, что наибольшую сознательность проявили как раз Рэм и Пауль. По крайней мере, когда около десяти утра вскочил Джон — то молодых господ он уже не застал. Они тихонько поднялись, оседлали лошадей и унеслись учиться.

Потом Джон попытался найти милорда. В собственных покоях милорд Верд отсутствовал. А у меня в комнату дверь была заперта. Правильно истолковав намек, Джон удалился будить Каталину и призывать ее заняться завтраком.

Я открыла глаза — просыпаться было уютно и тепло. Рядом сладко сопел Ричард. За окном было светло. Я скосила глаза на часы — было почти одиннадцать утра.

— Надеюсь, тебе никуда рано с утра было не надо? — потерлась я щекой о его плечо.

— Судебное разбирательство в десять, — проворчал он сквозь сон.

— Тогда мы проспали...

— Что? — распахнул он глаза. — Проклятье!

Мне отчего-то стало грустно. Как-то разом нахлынули и свои собственные дурные предчувствия, и предупреждения императора Фредерика. И на что я, собственно, надеюсь?

— И что ты помрачнела? Мы всего лишь проспали... — поприветствовал меня Ричард, когда я вышла из ванны.

— Не знаю, — честно призналась я.

— Будем считать, что ты просто не хочешь со мной расставаться. Дашь полотенце?

— А судебное заседание?

— Разбирательство, — поправил он меня. — Без меня разберутся. И позаседают. Глядишь, я скандала лишнего не закачу генеральному прокурору.

Я протянула ему полотенце.

— Никуда не уходи, — велел он. — И не одевайся. Я сейчас вернусь и покажу тебе способ сделать утро понедельника вполне приличным.

Должна отметить, что милорд Верд слово свое сдержал.

Так что утро понедельника получилось не то что приличным — оно получилось волшебным...

— Перебирайся ко мне в комнату, — предложил он.

— Зачем?

— У меня кровать шире.

— По-моему, точно такая же.

— А когда это вы, миледи, были у меня в спальне?

— Все это время, дважды в неделю — там же делают уборку. А я контролирую.

— И почему меня там не было? — мечтательно протянул милорд Верд.

— Ага... твои комнаты и так вчетвером убирают. Только тебя там не хватало!

— Как вы можете, миледи... Вам все время должно меня не хватать, когда я отсутствую.

— Не без этого, — улыбнулась я.

— Перебейрайтесь... У меня ванная комната лучше оборудована.

— А у меня картина замечательная, — кивнула я на подаренный натюрморт.

— Это та, что тебе понравилась в магазине?

— Да. А как ты узнал?

— Я просто распорядился, чтобы упаковали все, что тебе приглянется.

— Эдакий барственный жест, — съехидничала я.

— Ника... Ты опять?

— Снова.

— И вот как прикажешь тебя радовать? А что будет, когда я тебе драгоценности дарить начну?

— А можно без этого?

— Нельзя. К тому же ты изумительно выглядишь в сапфирах... Надо было вчера в них остаться... Снять все, кроме ожерелья и браслета. Я был бы в восторге.

Я вздохнула.

— Ладно, поупрямься еще немного... — величественно разрешил он. — Пусть мои подарки будут у нас самой грандиозной причиной для выяснения отношений.

Он поцеловал меня и стал собираться. Попутно отдавал распоряжения:

— Имей в виду, что ешь ты теперь со мной. Скажешь Оливии, что она — твоя личная горничная. Найми еще кого-нибудь в дом, кого считаешь нужным. Подыщи, наверное, экономку. Или не подыскивай...

Это он мой недобрый прищур увидел. Ага, экономку ему в дом — как же, как же. Кто информацию сливал, кто родственниц своих замуж пристроить пытался, кто в постель пролез... Поняла, что не только предыдущая экономка с таким же именем, как у меня, этим отличилась, но

и я от этого недалеко ушла — и рассмеялась.

— Нет уж, — подвела я итог своим рассуждениям. — Экономки в доме не будет.

— Как скажешь, дорогая, — тоном образцового подкаблучника отвечал мне милорд Верд.

Ах, он еще и издевается! Я кинула в него подушкой. Не попала.

— Я тебя люблю. — Одно движение — и он меня прижал к себе.

— И я тебя...

— Мне действительно пора. Думаю, если бы не защита, поставленная вчера, нас бы уже побеспокоили... А так — получилось хорошо... Да... вечером буду поздно. Собирайся, позавтракаем вместе, и я поеду.

Сегодня решено было дом не убирать. Приказом по гарнизону я объявила всем благодарность, попросила Каталину приготовить на ужин что-нибудь совсем уж простое и распорядилась, чтобы все отдыхали. Попутно объявила Оливии о новом назначении. И попросила Натана завтра отправиться в деревню и нанять маму Вилли новой горничной.

И с чувством выполненного долга отправилась в библиотеку, где сложили мои покупки. Честно говоря, я совершенно забыла про купленные книги. Такое впечатление, что покупала я их в какой-то другой жизни...

Сначала я взялась за газеты. Никаких новостей про герцогство Рэйм я там не обнаружила, зато поняла, на какое судебное разбирательство сегодня не попал милорд Верд.

«РАСКРЫТО ПОКУШЕНИЕ НА МИЛОРДА ВЕРДА — БАСТАРДА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ФРЕДЕРИКА», — увидела я статью на первой полосе газеты.

«Интересно-интересно», — подумала я. Оказывается, еще в пятницу все было известно. А я как-то не в курсе, словно меня это и не касается вовсе. И я углубилась в чтение.

«Попытка убийства Ричарда Фредерика Рэ, лорда Верда, главнокомандующего Имперскими вооруженными силами в отставке, ныне занимающего должность начальника Имперской военной академии, всколыхнула общественность. До последнего дня все были уверены в том, что это покушение — детали которого держатся в строжайшей тайне — так или иначе связано с профессиональной деятельностью лорда Верда. Одно время даже обвиняли экономку милорда, некую госпожу Лиззард, в том, что она является шпионкой Османского ханства и устроилась в дом его милости, чтобы отравить бастарда императора.

Однако все эти подозрения меркнут по сравнению с тем, что оказалось на самом деле! В покушении на убийство оказалась замешана бывшая невеста милорда Верда, Луиза Аделаида Льер, ныне являющаяся законной супругой барона Кромера. За что же первая любовь мстила всесильному ректору академии? Оказывается, за унижение своего сына.

Ей сообщили, что жизнь наследника рода Кромеров подвергалась опасности, а сам он — неоднократным изощренным издевательствам как со стороны сокурсников, так и преподавателей при полном попустительстве милорда Верда. Не хотелось бы думать, что таким образом бастард императора мстил своей бывшей возлюбленной за отвергнутую любовь...

Однако мы видим, к чему привела эта запутанная любовная головоломка. Баронесса Кромер под домашним арестом, а в понедельник, в десять утра, ожидается первое судебное разбирательство по делу о покушении на милорда Верда.

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ПРОКУРОРОМ ИМПЕРИИ ГЕРЦОГОМ БОРНМУТОМ в следующем номере».

Интересно, баронесса Кромер так же покушалась на милорда Верда, как и я засылалась Османским ханством для его физического уничтожения? И как у нее будут выбивать признание в данном преступлении? Так же, как и у меня?

Мне вспомнился разговор милорда Верда в книжном магазине... С женщиной по имени Луиза. И эта женщина называла его Ричард — как близкого человека. И он еще в чем-то ее убеждал. Бежать? Признаться?

Я вспомнила нежную изящную женщину и поняла: эта подпишет признание. Все подпишет. И если меня поддерживала мысль о том, что милорд очнется и поспешит мне на помощь, то в этой ситуации... Руки у меня затряслись так, что я уронила газету.

К тому же что там говорил милорд Верд: «Семья твоего мужа этого не стоит»? Значит, кто-то из Кромеров это все провернул и выставил бывшую невесту Ричарда убийцей. Вот твари... И милорд, видимо, это знает... Он же говорил, что ругался с генеральным прокурором.

— Джон! — позвала я, выбегая в холл. — Джон!

— Миледи Вероника, — обеспокоенно посмотрел он на меня. — Вам нехорошо? Целителя вызвать?

— Не надо, — отмахнулась я. — Где газеты? Я заказала в магазине доставку газет в поместье.

— Миледи, вы дрожите. Вам надо лекарства ваши выпить...

— Отдайте мне газеты. Я хочу прочитать интервью с герцогом Борнмутом.

— Вот честное слово — не стоит, миледи! Все, что можно, милорд сделает!

— Но это же... Подлость какая!

— Миледи, пожалуйста! Вам прилечь надо!

Он позвонил в колокольчик, прибежала Оливия.

— Скорее лекарства миледи! Эта проклятая газета спровоцировала приступ. Натана за лекарем!

И в этот момент в дверь требовательно постучали.

— Открывайте, Джон, — приказала я. — И отдайте мне газеты. Нет у меня никакого приступа. Я просто чертовски зла.

— Вам по должности злиться не положено, — раздался на пороге неприятный голос.

— Какая у Верда забавная прислуга, — отозвался еще один.

Это были герцог Борнмут и барон Кромер. Вот уж действительно — «мы с Тамарой ходим парой»...

— Милорда Верда нет дома, — пытаюсь быть спокойной, доложила я.

— Он нам, собственно, и не нужен, — отозвался тот, который барон. — Пускай Луиза выходит. Мы сопроводим ее в тюрьму.

— Теперь — никакого домашнего ареста, — подтвердил его слова генеральный прокурор. — Пускай до самой казни посидит в тюрьме.

— И как вам в голову могло прийти втянуть во все это моего сына?

— Я думаю, Кромер, вопрос не по адресу, — насмешливо взмахнув в мою сторону рукой, протянул герцог.

— Простите, милорды, но у нас в доме нет никого по имени Луиза. Кроме того, я не знаю, где ваш сын.

— Ты что, мерзавка, совсем страх потеряла?! — закричал барон.

— Интересно, но она не лжет, — протянул герцог, который прокурор.

— Осторожнее, ваша милость, — почтительно, но твердо проговорил Джон, и я поняла, что на время нашего интереснейшего диалога он исчезал. А теперь появился. — Миледи Вероника — невеста милорда Верда. Она вчера была представлена Его Величеству. Кроме того, о вашем визите я сообщил его милости. Он уже спешит на встречу с вами.

— Могу я предложить вам дожждаться его милость в гостиной? — О, нечто подобное я им уже говорила. С удовольствием посмотрела, как перекосило эти знатные лица.

— Так отчего же, миледи, в прошлый раз вы представились экономкой? — спросил у меня герцог.

Ладно, пора изображать из себя помесь блондинки со златовлаской — благо цвет волос позволяет.

— Понимаете, — чуть захлопала я ресницами. — Так получилось. Вы... появились... внезапно... И я не знала, что еще сказать...

— И отчего же миледи живет в одном доме со своим женихом? — стал допрашивать меня Борнмут.

— Так получилось...

— И почему вас называют только по имени? Вы вообще из какого рода? — никак не мог успокоиться герцог. — Говорите!

Я с возмущением смотрела на генерального прокурора. И молчала. По моему, то, что я не оправдывалась, его злило особенно.

— Отвечайте немедленно!

— Если вам нужны ответы, вы можете попытаться спросить у меня, — раздался от дверей скрежещущий голос. В первый момент я подумала, что нас посетил Его Величество император Фредерик — причем сильно в гневе, — настолько голос был похож. Причем подумала так не только я. И герцог Борнмут, и барон Кромер стали разворачиваться к двери с уже готовыми поклонами. И обнаружили там всего лишь хозяина дома, милорда Верда.

— Чем обязан, господа?

— Где мой сын и жена? — ответил вопросом на вопрос барон.

— Я думаю, этим нужно поинтересоваться у вас, — в скрежетании голоса милорда Верда появились издевательские нотки. — Это же ваш сын. И ваша жена. Ах да, простите, ваша бывшая жена — вы и ваш род отреклись от нее на сегодняшнем заседании суда. Тогда, кстати, и вопрос с юным бароном Кромером — спорный. По поводу того, сын он вам или нет.

Лязгнула шпага, которую выхватил барон.

Милорд Верд не пошевелился.

— Давайте. Давайте же, — так же издевательски продолжил говорить он. — Нападите уже на меня. В открытую. Может, хватит прятаться за юбками моей бывшей несчастной несостоявшейся невесты?

— Пойдем, Кромер! — приказал герцог.

— Она ведь была тебе хорошей женой. — Вот теперь в голосе милорда Верда разлилась такая ненависть, что даже мне стало не по себе. — Она была честной, послушной. Излишне послушной. И бесконечно преданной. Ты отправил ее на казнь, ты отрекся от нее. Оно стоило того? То, что тебе пообещали за это? Она же подарила тебе сына... Неужели ты думаешь, что хоть кто-то поверит, что Луиза покушалась на меня? А теперь — вон из моего дома.

— Они здесь? — безжизненно спросил барон.

— Хотите узнать? Добудьте у Его Величества бумагу с разрешением на обыск.

Глава 26

— Как ты? — с тревогой в голосе спросил меня милорд Верд.

— Со мной все хорошо.

— Миледи Вероника! Ваше лекарство, — наконец прорвалась ко мне Оливия.

Чтобы ни с кем не спорить, я быстро выпила успокоительное, поморщилась и отпустила служанку.

— Убью! — проскрежетал милорд.

— Не стоит, — максимально спокойно ответила ему. — Я разволновалась из-за статьи в газете. Джон послал Оливию за лекарствами, а милорды явились уже позднее.

— Они тебя оскорбили?

— Нет, — абсолютно искренне ответила я. Что касается «мерзавки» — я восприняла это как комплимент. И к тому же, могут же у девушки быть свои секреты?!

— И ты не хочешь, чтобы я накинулся на герцога и барона, потому что...

— При вашей, милорд, «симпатии» и к одному, и к другому можно сделать вывод, что вы бы их уничтожили, если бы у вас была эта возможность. Значит, или возможности нет, или не время еще. И потом — ну, накинетесь вы на них. Покалечите или, скорее, убьете. Вы — главный подозреваемый. И алиби нет. А возможность есть, и конфликт, про который все знают, есть. Вот вам оно надо — так, без всесторонней подготовки преступление совершать? А трупы куда денем? И потом еще полы замывать! А мы только вчера генеральную уборку делали...

— Миледи Вероника! — слышался из-за моей спины голос лорда Милфорда. — Вы — сокровище!

— Мое сокровище, — свирепо заявил Ричард, обнимая меня за плечи.

— Твое, — с нарочитым сожалением сказал начальник контрразведки. — Миледи, а у вас сестра есть? Или подруга, похожая на вас характером?

— Нет. Я одна в семье. И подруг у меня нет. Друзья только.

Милфорд улыбнулся, а милорд Верд нахмурился.

— Это не тот ли самый Денис Юрьевич, про которого спрашивал ваш сын? — проскрежетал он.

— Милорд... — изумилась я. — Вы — подслушивали?

— Да, миледи, — надменно отвечивал сын императора. — Так что там с этим непонятным другом?

Милорд Милфорд хихикал, уже не скрывая своих эмоций.

— Это мой бывший ученик, который спас жизнь мне и моим детям, предупредив, что на нас в родном городе началась охота. Еще он прикрывал нас, когда мы бежали. Я очень надеюсь, что он не пострадал, — абсолютно серьезно ответила я, глядя прямо в черные глаза своего жениха.

Смех начальника контрразведки резко прервался.

— Прости, — склонился над моей рукой Ричард. — Прости.

— Ничего. Давайте я распоряжусь по поводу обеда?

— Не надо. Посиди с нами, — остановил меня жених. — К тому же тебе полезно будет знать соотношение сил. Потому что со всеми этими персонажами тебе придется общаться.

Мы расселись. Милфорда усадили в кресло у камина, мы же с Ричардом устроились рядышком на диване.

— И что у нас? — спросил мой жених у своего друга.

— Луиза действительно исчезла из дома, — стал докладывать начальник контрразведки. — Практически одновременно с этим пропал юный барон Кромер из академии. Самое интересное — это не мы.

— Действительно, не мы. Я проспал. А мои люди не решились действовать без приказа.

— Это просто замечательно, что ты проспал. Чего никогда до этого не было...

— Что ты имеешь в виду?

— Вас ждали. Наш дорогой друг прокурор хорошо изучил тебя. Он прекрасно знал, что ты не позволишь отправить Луизу на эшафот, и поэтому тебя и твоих людей ждала засада.

— Конечно, я не позволю казнить ее. И даже не потому, что я когда-то был в нее влюблен. По крайней мере, я тогда так думал... Сейчас я понимаю, что был не прав.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ей было шестнадцать, ее представили ко двору, — с извиняющимся видом повернулся он ко мне. — Я как раз вернулся победителем с очередной войны, получил титул и должность главнокомандующего. Решил, что пора жениться.

— Вы были помолвлены? — зачем-то спросила я.

— Официального предложения я так и не сделал. Не успел. А она уже оказалась посватана за барона Кромера — богатый, знатный род. Отличная партия. Да и таких пятен на репутации, как у меня, нет. К тому же Кромеры

— род столичный. А Рэ — так, представители знати Северной провинции. К тому же род обедневший. И утративший к нашему времени свое влияние.

— Я так понимаю, — посмотрела я на милорда Верда, — судя по твоим регалиям и чинам, семья Луизы оказалась не права.

— Это другой вопрос, — скривился Ричард. — Но, как бы то ни было, жизнь нас раскидала.

— Ты жалеешь? — не смогла я удержаться от провокационного вопроса.

— Я от всей души желаю счастья Луизе. Но я не знаю, что бы я делал сейчас, встретив тебя, если бы уже был женат. Разводов в Империи нет, но жить без тебя... Я бы тоже не смог.

— Рэ, так может, мы все оставим как есть? В конце концов, судьбу баронессы должен решать император, так что... — обратился к Ричарду его друг.

— Я не позволю казнить Луизу прежде всего потому, что она невиновна.

— А вот с этим я бы поспорил, — печально отвечал начальник контрразведки.

— Что тебе стало известно?

— Луиза Аделаида Льер, баронесса Кромер — единственный представитель этого семейства, что была в Императорском дворце в тот день, когда на тебя натравили кентерберийскую магическую змейку. Кстати, никто из рода герцогов Борнмут и близко ко дворцу не подходил.

— Что же они, сумасшедшие — себе алиби не организовать? — злобно засверкал глазами Ричард. — Это только Кромер, молодец, сдал жену и радуется.

— В любом случае получается...

— Да ничего не получается, — оборвал его милорд Верд. — Мало ли у меня врагов. И Кромеры с Борнмутами — даже не в первой десятке. До того как Пауль с Рэмом сделали на дуэли их детей, мы даже врагами особо не значились. Так — враждебный нейтралитет. Но начинать вендетту из-за дуэли сопляков первого курса академии... Это даже не смешно...

— Да. Тут ты прав. Повод действительно нелепый...

— И ведь змейку на меня могли натравить не обязательно во дворце.

— А тут ты точно не прав.

— Почему?

— Императорский маг проводил свои расчеты. По тому времени, пока тебя еще можно было спасти. Мы явились через четверть часа после того, как миледи Вероника извлекла змейку. Значит, у тебя было не больше

сорока минут, чтобы остаться в живых. Что получается?

— Дворец. Перед самым отъездом.

— Именно.

— Или по дороге.

— Вспомни, какая была погода.

— Дождь лил, — огорченно проговорил милорд Верд.

— А что это значит? — обратилась я к милорду Милфорду, видя, что Ричард впал в мрачную задумчивость.

— Кентерберийская магическая змейка — это порождение черной запретной магии. Однако у нее есть одна особенность — эта тварь любит воду. И, напившись водой, вытянув из нее магию, она станет сильнее. И первое, что она сделает, — это сбросит заклятие подчинения. А второе — кинется на мага, что ее подчинил.

— Поэтому ее держат в сухости, под специальным светом, когда выращивают, — включился в беседу Ричард.

— И все же — огромный риск ее выводить.

— И в чем риск? — спросила я Милфорда.

— Во-первых, малейшая оплошность — и эта тварь нападет на того, кто ее выращивает, — стал объяснять милорд Милфорд. — А во-вторых, если личность создателя будет установлена, то его и всех совершеннолетних членов семьи ждет казнь. А все дети будут лишены магии и поражены в правах. Это же ждет и заказчика, если создатель и заказчик — разные лица.

— Сурово, — заметила я.

— Как есть, — совершенно равнодушно пожал плечами милорд Милфорд.

— Тогда вообще непонятно, с чего Кромеры и Борнмуты начали такую рискованную игру, да еще и с таким непонятным козырем, как эта самая змейка, — протянула я.

— Вы хотите сказать — кто-то их впутал? — оживился начальник контрразведки.

— У вас ведь все знают, чем грозит использование этой самой змейки?

— Абсолютно, — согласился милорд Милфорд.

— Значит, и следы заматали более чем старательно. Борнмуты, как более умные, сделали то же самое — еще и с тем учетом, что у вас накануне был конфликт. А вот барон подставился. И сдал жену. Ведь если он от нее отрекся, то его роду ничего не грозит?

— Род заслуженный и может рассчитывать на снисхождение.

— И вряд ли Его Величество прикажет казнить всех подряд, если это

все провернула женщина. Да еще и от большой любви...

— Кто-то у нас новый появился, — сделал вывод милорд Верд. — И играет по-крупному.

— Ну что ж... — хищно улыбнулся его друг. — Надо будет найти и познакомиться.

Затылок у меня ныл уже достаточно давно, но я старалась не обращать на него внимания. Уж больно интересная была беседа, чтобы ее прерывать. Но сейчас заломило так, что я поднялась, извинилась и отправилась к себе искать лекарства от головной боли.

Не успела я подняться с диванчика, как Ричард подхватил меня на руки и понес.

— Я сейчас, — бросил он Милфорду.

— И вот что ты делаешь? — уткнулась я ему в плечо.

— Ты забываешь, что я чувствую еще и твою боль. Сейчас я тебе дам лекарство, сниму приступ, и ты отправишься отдыхать. А мы с Милфордом продолжим.

И он понес меня ко мне в комнату.

— Слушай, — сказала я ему, когда меня чуть отпустило, — так ведь нельзя. Ричард, зачем тебе моя боль? Ты ведь можешь щиты какие-нибудь поставить. Зачем страдать еще и тебе.

— Могу, — кивнул он, целуя меня. — Я на самом деле все могу. Только не хочу. Я так знаю, все ли с тобой в порядке или нет. И смогу прийти на помощь. А теперь — отдыхай.

Я послушно улеглась в постель. Потом подскочила. И чего я детектив из библиотеки не взяла наверх-то? Было шесть часов вечера. Дремать было бессмысленно — потом всю ночь не заснешь. Заняться было нечем. Просто отдыхать у меня получалось плохо. Слишком много мыслей... Тут у меня снова разболелась голова. Я смирилась — и забралась под одеяло. И как только голова моя коснулась подушки, я отключилась. Но это был не сон. Это было что-то другое.

Я увидела Пашу, который неподвижно сидел на кровати в маленькой комнате. Лицо сына было искажено. Что у него там случилось? Кстати, где это там?

Тут он, должно быть, почувствовал меня и обрадовался. Меня прямо затопило чувством его радости. В этом странном видении оно было одновременно и ярким, и горячим...

— Мама, — прошептал он где-то в моей голове. — Мам. Ну, наконец-то.

— Что случилось, Паша?

— Ну, ты и непробиваемая женщина, — выдал он мне комплимент. По крайней мере, по восхищенной интонации я решила, что это он и есть.

— Что со мной?

— Мне необходимо было передать тебе мои мысли на расстоянии — и вот я пытался до тебя достучаться. И смог наконец.

— У тебя что-то случилось? Или ты просто домашнюю работу делаешь?

— Ой, мам, ты даешь — домашнюю... Мне, а точнее, одному хорошему человеку нужна наша помощь.

— Я слушаю тебя.

— Ты уже знаешь, что Кромер сбежал?

— Это который молодой?

— Да. Который с нами учится. Он собрался освободить свою маму. Ее хотят казнить. Только он почему-то говорит, что на этом настаивает милорд Верд.

— Бред, — покачала я головой. — Он хочет помочь.

— Я так тоже думаю, но барон взрослым не верит. И поэтому сбежал сам и помог сбежать маме.

— А вы с Рэмом помогали ему в этом благом деле?

— Нет. — Я даже через расстояние услышала разочарование в голосе сына. — Они все провернули с его другом, маркизом Борнмутом. Только маркиза, по ходу, запалили. В академии всех допрашивают. Перед тем как Борнмута увели, он попросил помочь другу. Сказал, что он ненароком может их сдать — его отец лично допрашивать будет.

— Так что надо сделать?

— Надо передать Кромеру и его маме наш саквояж. И амулет перехода. И отправить их к нам, в Россию. Ты же сама говорила, что прятаться надо там, где тебя искать не будут.

— А где они?

— Борнмут сказал, что они должны были укрываться у какой-то старой няньки. Но мне кажется, что мы с Рэмом видели их неподалеку от академии, когда возвращались утром из дома.

— Поняла. Попробую их поискать. Только я верхом не умею — представляешь, сколько я буду до академии пешком добираться.

— Мама, я тебе сейчас монету передам — она откроет портал прямо к Кромеру.

— Откуда она у тебя?

— Борнмут отдал перед тем, как его увели.

— Кто-то видел, как он к тебе заходил?

— Вроде бы нет. Все знают, что мы враждуем, — нас и не трогают.

— Если что — уходите из академии. И сразу в поместье.

— Ты, кстати, и сама можешь порталы открывать.

— И как я тебе его открою? Я же не маг.

— Ма-а-ам... Ну ты хоть иногда интересуйся теми вещами, что тебе в руки попадают.

— Любезнее с матерью.

— То кольцо, что у тебя на пальце. Прикажи ему — и все.

— А ты откуда знаешь?

— Рэм сказал. У его матери похожий артефакт. Твой не слабей. Только тебе научиться надо.

— Это потом, — ответила я и в ту же секунду очнулась. Мелкая монетка Империи Тигвердов лежала рядом со мной на кровати.

Глава 27

Первое, что я сделала, когда пришла в себя, — вскочила и побежала. К милорду Верду.

— Что? — поднялись мужчины при моем появлении. Они сидели с милордом Милфордом в той же самой гостиной, где я их оставила. И пили. Ну, естественно, чем же еще заняться двум знатным господам в минуту душевной невзгоды...

— Со мной связался Паша, поэтому у меня голова болела, сказал, что Борнмут и его люди устраивают среди кадетов допросы и обыски. Ищут тех, кто помог скрыться молодому барону Кромеру, — выпалила я.

— Спокойно, — проговорил милорд Милфорд, обращаясь к моему жениху. — Ты только представь, как генеральный прокурор подставился... Связывайся с Его Величеством.

— Я его прямо на территории академии и закопаю, — прорычал милорд Верд. — И полы замывать не надо, Нику беспокоить.

— Ни в коем случае! Вот почему ты, Рэ, прямой и бесхитростный, как... удар копьем. Зови Его Величество — и пойдем играть в оскорбленную невинность. Только представь, как это происшествие использовать можно!

На этом они и удалились.

Я побежала к себе. Оделась потеплее, посмотрела — вроде бы дождя не было. Схватила саквояж Рэма, артефакт переноса, монетку. Собрала лекарства. Сосредоточилась — вспомнила те ощущения расслабленности всего тела и полета, которые надо было ощутить, чтобы активировать наш артефакт.

Вдруг стало очень холодно. Я осторожно открыла глаза и обнаружила, что нахожусь у входа в пещеру. Все вокруг засыпано снегом. И местность явно не та, что я наблюдала вокруг академии.

Мне навстречу несся молодой человек, тот самый, что дрался на дуэли с Пашей. И выражение его лица, и обнаженная шпага не предвещали мне ничего хорошего.

— Кто вы? — прошипел он, приставив кончик шпаги мне к груди.

— Вероника. Мама Пауля, — честно ответила я.

— И как вы тут оказались?

— С помощью некой мелкой монетки.

— А откуда она взялась у вас?

— Сложным путем. Может, войдем внутрь? Здесь удивительно холодно.

— Северная провинция. Земли рода Рэ. Тут нас точно никто искать не будет, — усмехнулся он. — А внутрь мы не пойдем. Там мама спит. Она плакала — только что заснула.

— Хорошо. Давайте поговорим здесь.

— Рассказывайте.

Говорить с острием шпаги у горла было как-то некомфортно — но деваться было некуда.

— В академии идут допросы. Маркиз передал монету Паулю, справедливо подозревая, что моего сына допрашивать будут в последнюю очередь. Кстати, там им на помощь милорд Верд спешит. Так что, может быть, все и обойдется.

— А вам-то какая в этом печаль?

— Может быть, такая, что мы с мальчишками и сами не так давно были в бегах. Ни на что не надеялись — и люди нам помогли.

— И вы хотите отдать долг мирозданию?

— Можно сказать и так...

Из пещеры раздался стон — потом задыхающееся всхлипывание.

— Что с ней? — беспомощно посмотрел на меня барон, сразу становясь четырнадцатилетним мальчишкой.

— Вы позволите достать лекарство из саквояжа?

— Какое лекарство?

— Которое мне прописывал целитель, когда меня спасли из подвала Уголовной полиции.

— А что вы там делали?

— Меня первой заподозрили в том, что именно я покушалась на милорда Верда. Поэтому допрашивали с особым старанием. Настаивали, чтобы я признание подписала. Кстати, вы не знаете, подписала ли что-то ваша матушка?

— Это важно?

— Если будет возможность доказать, что она ни при чем — то да. Это, возможно, будет важно. Хотя... пока вы в бегах... Важна теплая одежда. Какое-то убежище. Помощь.

— Пойдемте. — Он убрал шпагу. И протянул мне руку.

И мы пошли на плач.

— Луиза... — тихонько разговаривала я с отчаявшейся женщиной. — Вы позволите называть вас по имени? Луиза. Надо выпить лекарство. Вы

успокойтесь — и мы решим, что делать дальше.

— Мамочка, — беспомощно повторял мальчишка, — я вас никому не дам в обиду.

Она только мотала головой. Это все затягивалось. Приближалась ночь, а проводить ее здесь, пусть даже и в романтике, и во владениях милорда, мне как-то не хотелось.

— Барон Кромер, — обратилась я к мальчишке.

Он скривился.

— Не нравится? И как тогда к вам обращаться?

— Алан, — представился он по имени.

— Хорошо, Алан. Вы сейчас пойдете, чем-нибудь займетесь. Натаскаете еще дров, например. А мы поговорим с вашей матушкой. Вреда я ей не причиню. Обещаю. Вы же тоже чувствуете, лжет ли вам человек?

— Конечно, — к нему на секунду вернулось высокомерие.

— Я гарантирую, что только хочу помочь.

Он посмотрел на меня с подозрением, но послушался. И вышел.

Я хлестнула женщину по щеке. Потом еще раз.

— Достаточно? — холодно спросила у нее. — Выпьете лекарство?

Она кивнула. Стенания прекратились. Она смогла выпить лекарство, стучала, правда, о чашку зубами знатно. Но справилась.

— Вот и умница. Вот и хорошо, — приговаривала я.

Подождала, пока у нее перестали трястись руки.

— Вы знаете, кто я? — спросила у нее.

— Вы та, в кого Ричард влюбился без памяти. Я вас видела в магазине. У вас было странное выражение лица.

— Я ревновала, — призналась я.

— Зря. Мы с Ричардом... Это было... Это было мое детство — даже не юность. А ведь он меня отговаривал выходить замуж за Кромера. Говорил: «Дождись нормального человека». Но семья распорядилась — а я всегда была слишком послушна.

— Зато сын у вас получился замечательный, — искренне сказала я.

— Как его уговорить вернуться в академию, а меня предоставить моей судьбе?

— Вы хотите, чтобы он был таким же послушным, как вы? И наверное, таким же счастливым?

— Жестоко, — проронила она.

— Но справедливо, — ответила я.

— Он испортит свою жизнь.

— Ваш сын живет так, как считает нужным. И это его выбор. На мой

взгляд, правильный. Что касается вас — человек, опять же, живет так, как ему нравится. Если вам нравится быть послушной жертвой, то кто же в этом виноват? Это ваш выбор. Но если вы хотите жить, хотите, чтобы сын не только жалел вас, но еще и гордился вами... тогда — боритесь.

— Бороться, сидя в пещере... Это, конечно, выход, — съязвила она.

Я обрадовалась — значит, приходит в себя.

Зашел Алан с охапкой дров.

— У меня есть артефакт переноса. Я принесла его вам.

— У нас тоже есть артефакт переноса, — насмешливо посмотрел на меня юный барон. — Иначе как бы мы здесь оказались.

— Говорили, что вы будете укрываться у какой-то старой няньки.

— Там бы нас искали в первую очередь, — как несмысленной объяснил мне сын Луизы. И я заужала его еще больше.

— С помощью моего артефакта можно путешествовать по разным мирам.

— Да это-то как раз не проблема, — улыбнулась Луиза. — Вы предлагаете так и сделать?

— Наверняка есть места, где и теплее, и лучше, — поежилась я. — Еще я захватила свой саквояж, чтобы передать его вам. Он специальный, волшебный. Там есть все — разная одежда, мелочи, золото, драгоценности.

— Щедро. Но я тоже готовился к побегу. — И Алан поставил передо мной такой же саквояж.

— Золото есть, чтобы сразу с драгоценностями не светиться? — спросила я, восхищенная предусмотрительностью молодого человека.

— Видимо, вам тоже от кого-то побегать пришлось, — тихо проговорила его мама.

— Тогда я оставлю вам лекарства. И дам совет, который мне дали перед тем, как мы начали скрываться.

— За лекарства спасибо, — сказала Луиза. — И простите за истерику.

— Ничего. Я сама была в подобном состоянии. Только меня дольше уговаривали. Так что и вы меня простите.

— Ничего, — усмехнулась баронесса.

— Так что насчет совета? — с подозрением посмотрел на меня ее сын.

— Никому ничего не говорите. Не укрывайтесь у тех, кого вы знали и кто знал вас. И поезжайте туда, где вы никогда не были. В такое место, которое никак нельзя связать с вами обоими.

Мать и сын переглянулись. Похоже, какая-то идея пришла им в голову одновременно.

— Хотя, я думаю, вы и так неплохо справляетесь.

— Спасибо вам, — сказала баронесса.

— Если когда-нибудь вам на пути попадется мужчина по имени Денис Юрьевич, попросите у него, чтобы он спросил у вас, какой вопрос задала ему преподаватель истории на первом курсе. Мы были одни в аудитории — никто, кроме нас, этого не знает.

— И какой же это был вопрос?

— Четверки хватит?

— А что он ответил?

— Лучше бы пять.

— А вы? — уже смеялись они оба.

— Что я не поставлю ему пять по религиозным соображениям: рука не поднимется.

На этом мы и распрощались.

Я тихонько вернулась домой. Посмотрела на часы — прошло около двух часов. В доме было тихо. Значит, меня никто не искал, все занимались своими делами. И вообще, я молодец. В таком же приподнятом состоянии я спустилась на кухню. И что же я услышала, подходя к двери? Правильно. Слуги опять обсуждали кого-то.

— И вот с чего она сбежала? — огорченный голос Оливии.

— Не знаю, — раздосадованный — Джона. — Только все уладилось. Свадьбу через месяц назначили, милорд ходит счастливый. Я его таким в жизни не видел... А потом — раз. И ни саквояжа, ни теплой одежды. Ни артефакта переноса.

«Надо же, какая у кого-то жизнь насыщенная. Страсти какие!» — подумала я и открыла дверь на кухню.

— Так кто сбежал-то? — не удержалась я. Нет, в отсутствие Интернета сплетнями действительно начинаешь наслаждаться. А с учетом того, какой бред пишут их местные газеты, — так вдвойне.

— Вы, миледи, — смогла ответить Оливия.

— Что за бред! С чего вы взяли?

— Так... портал переноса.

— Я по делам уходила! — возмутилась я.

— А одежда? — пискнула горничная.

— Вы на улице были? Там холод какой.

Натан и Каталина смеялись, глядя на нашу перепалку.

Вдруг одна мысль мне пришла в голову — и по позвоночнику прошлись ледяные иглы нехорошего предчувствия:

— Джон. А милорд знает?

Смех резко оборвался.

— Конечно, миледи, — с удивлением посмотрел на меня камердинер. — Если даже мы открытие портала такой мощности почувствовали, то что уж говорить о милорде.

— А... Вы можете ему сообщить, что произошло недоразумение и я уже дома?

— Конечно, миледи. А почему вы сами ему об этом не сообщите?

— Каким образом?

— У вас же на пальце его перстень.

И вот все, включая Пашу, знают, что кольцо непростое. И, оказывается, сколько всего можно делать с его помощью. Меня бы еще просветили...

— Должна вас огорчить, я до сегодняшнего дня не знала, что это артефакт, а не простой перстень. К тому же я не умею им пользоваться. Оливия — закажите мне мои лекарства, пожалуйста.

— А ваша бутылка... Разве она не была полной?

— Была. Но ее больше нет с нами.

— Миледи, — поднялась Каталина. — Может быть, вы кушать хотите?

Вот. Святая женщина. Я поела и отправилась спать. Устала я зверски. Голова побаливала. Милорд Верд ко мне так и не пришел. Утром, когда я проснулась, то узнала, что он уехал очень рано, отказавшись от завтрака.

Глава 28

Вот что я не люблю искренне и нежно — так это чувствовать себя виноватой. Ну, вот раздражает меня это чувство до крайности. И, кстати говоря, не так уж и важно, накосячила я или нет. Сильно или так, по мелочи... Если в первый момент я могу покаяться, то потом во мне будет просыпаться чувство протеста. Да! Виновата! И что с того... А дальше то самое великое и достаточно неправильное, если речь идет о человеческих взаимоотношениях, а не о войне: «Лучшая защита — это нападение».

И потом... Вот что он от меня хочет? Меня попросили помочь, причем быстро и тайно. Я и отправилась помогать. С чего он решил, что я удрала? Логично, нечего сказать... Мальчишки в академии учатся — а я за артефакт переноса и деру. Любому нормальному человеку понятно, что это полный бред!

А если милорд Верд обиделся, что я перед ним не отчиталась, что за дела такие у меня могли появиться на ночь глядя, так это проблемы, честно говоря, милорда Верда. Да и непривычно мне со своими проблемами к кому-то обращаться, на кого-то надеяться. Двенадцать лет жила сама по себе, ни под кого не подстраиваясь, и неплохо жила.

Будет он мне детский сад устраивать — без завтрака демонстративно удаляться... Вот попрошу Каталину — посидит наш хозяин с недельку на вкусной и питательной овсянке. Желудку-то точно полезно будет. Может, и мозгам тоже...

Так что к обеду, когда ожидался не только милорд, но и его дипломники, я уже пыхтела, как революционный паровоз. Тот факт, что мне надо садиться за один стол с этими представителями имперской аристократии и заявлять о своем новом статусе и, главное, наблюдать их реакцию на известие, что их обожаемый преподаватель собрался жениться на прислуге, тоже настроения не поднимал.

— Милорды, — раздался голос милорда Верда, как только я показалась в поле его видимости. — Я бы хотел представить вам свою невесту, миледи Веронику.

Это я на самом деле просто зашла в гостиную, чтобы пригласить их всех к столу.

— Добрый день, — сказала я им всем. Хотя что мне еще оставалось.

Как правильно отметили слуги, после посещения мира нагов и прохождения практики в рабских ошейниках молодые аристократы были...

сама любезность.

Не успела я зайти — как они уже на ногах. Не успел милорд Верд рта открыть, чтобы обозначить мое новое положение, — как кланяются. Но искренности в этом всем... Никакой. Лишь стремление, чтобы поводок удлинит. Да чтобы опять не перепало.

Неужели милорд Верд с его умением читать людей этого не замечает?

— Миледи... — между тем мой жених взял меня за руку и подвел к пятерке аристократов поближе, — разрешите представить — Брэндон Фредерик Тигверд, наследный принц Империи.

Мне поклонился молодой человек, очень похожий на императора.

— Миледи. Очень приятно. Я рад видеть брата счастливым.

«Особенно сегодня утром!» — хмыкнула я про себя. А вслух произнесла приличествующее:

— Очень приятно познакомиться, ваше высочество. — И поклонилась.

Мне аккуратно поцеловали руку. И тут же сделали шаг назад.

— С вашего позволения, — обернулся принц к милорду Верду, — я бы рекомендовал вам представить миледи ко двору. Во избежание недоразумений.

— Вы недоразумением называете то, что вы впятером пытались дерзить моей невесте? — проскрежетал ректор академии.

Молодые люди напряглись. Видимо, в рабских ошейниках им было дискомфортно.

— Мы не знали, — ляпнул, не подумав, кто-то из них.

— А если бы миледи так бы и оставалась госпожой Лиззард, то это было бы возможно?

А голос у моего жениха — как железом по стеклу.

И... до меня только что дошло — молодые люди ведь считают, что это я наядбедничала. И кстати, как его называть прилюдно? Я подумала и решила называть его нейтрально.

— Милорд Верд, — сказала я и поняла — не права. Теперь его злобный взгляд переместился на меня. Ну и пожалуйста. — Будьте добры, представьте меня вашим остальным кадетам.

Ректор военной академии, главнокомандующий в отставке коротко мне поклонился и развернулся к остальным. По-моему, им страшно захотелось быстренько вырыть окоп полного профиля. Прямо посреди гостиной. Но они были храбрыми молодыми аристократами. Поэтому внешне они не дрогнули. Почти.

— С вашего позволения, миледи, — теперь в голосе у милорда Верда был разлит яд. — Герцог Гирвас.

Молодой человек, который говорил мне, что я неумная и невоспитанная, раз в лицо наследника трона не отличаю, низко и как-то смущенно поклонился.

Я опять присела в реверансе — теперь не в таком глубоком, как перед принцем, — и протянула ему руку для поцелуя.

Особой необходимости в этом не было — я вполне могла с ним просто раскланяться — но... Во-первых, меня взбесил Ричард. А во-вторых... Довели меня мальчики до слез — вот пусть теперь и бодрятся.

Юный герцог был смелым человеком — и кончики пальцев мне поцеловал. Стараясь не смотреть в сторону своего начальства, он отступил в сторону принца. Мне слышалось, или аристократ издал облегченный вздох?

— Еще один мой дипломник — граф Трубридж, — насмешливо продолжил милорд Верд.

Мы раскланялись. Потом я посмотрела ему в глаза. В них не было ни смущения, ни раскаяния. Только бесконечная брезгливость. И аристократ даже не счел нужным это скрыть. Он резко распрямился и шагнул к принцу и герцогу. Ричард проводил его недовольным взглядом, но ничего не сказал.

— Итак, далее... — задумчиво проговорил милорд Верд. — Миледи, позвольте представить вам виконта Крайома.

Вперед шагнул еще один молодой человек.

— Миледи, — поклонился он.

— И в довершение — милорд Мерграс.

Снова поклоны.

— Милорды, — обратилась я сразу ко всем, — очень приятно познакомиться.

— Миледи, — обратился ко мне милорд Верд. — Вы к нам присоединитесь за обедом?

— А почему бы нет, — улыбнулась я им всем разом. Хотя до этого, честно говоря, и не собиралась обедать в такой *дружной* компании.

Я ела, улыбалась. И слушала беседу. Занимательную, должна признать.

— Но, милорд, — горячился виконт Крайом. — При таком соотношении сил уже не важна ни тактика, ни стратегия, ни уровень подготовки войск. Наступающие попросту завязнут в численно превосходящей обороне.

— Их трупами закидают, — подержал его принц Брэндон, важно кивая с уверенностью человека, который в бою никогда не был.

— А как вы считаете, миледи Вероника? — обратился ко мне граф Трубридж.

Все, за исключением милорда Верда, посмотрели на него удивленно. Мой же жених смотрел на меня легко и почти незаметно улыбался.

— Я не совсем в курсе вашего спора, господа... Однако идея о том, что численное превосходство — это стопроцентная гарантия победы, не подтверждается историческими примерами. Особенно при наступательных операциях.

Мне понравилось выражение на лицах молодых аристократов. Наверное, начни им супница читать стихи, они были бы поражены куда меньше.

— Поясните, — наконец смог сказать молодой граф, который явно обратился ко мне, желая опозорить и показать мне мое место.

— Все зависит от того, насколько, например, обороняющиеся готовы умирать за свою родину или идеалы. Солдаты могут массово сдаваться в плен. Или дезертировать. Тогда, как вы понимаете, все преимущество численного превосходства теряется. А при нападении... Если местность гористая — например, — а противник хорошо умеет устраивать засады, контратаковать, отступать и не давать себя втянуть в генеральное сражение... В таких условиях тоже можно нивелировать численное превосходство.

— Как в случае с герцогством Рэймским, — задумчиво сказал герцог Гирвас.

— Еще многое зависит от дисциплины, от пропаганды. От командиров. От подвоза продуктов и боеприпасов. От того, готовы ли солдаты во что бы то ни стало выполнять свой долг, — продолжила я.

— Спасибо, миледи, — нежно улыбнулся мне милорд Верд и с насмешкой оглядел изумленных кадетов. — И кстати, вот вам еще один пример — можно попросту недооценить противника.

— Прошу прощения, милорд Верд, — с достоинством возразил ему виконт Крайом, — при всем уважении, я не рассматривал миледи Веронику как противника.

Я попыталась изо всех сил сохранить спокойное выражение лица — вот от кого я не ожидала, что меня будут выставлять дрессированным зверьком, так это от милорда Верда. Но, видимо, у него любые подручные средства шли на мельницу педагогики. Что уж там говорить о бывшей экономке, которую он решил сделать невестой...

Даже злости не было — была какая-то опустошенность. Сомнения в том, что такое мероприятие как свадьба — дело нужное и правильное, нахлынули с новой силой. Пусть даже и с самым настоящим милордом. Пусть он собирался и холить, и лелеять. И вот оно мне зачем? Чтобы я

отчитывалась, куда собралась вечером выйти из дома? Так я не очень-то привычная отчитываться. Чтобы меня вот так демонстрировали? Опять-таки, буйных неземных восторгов не вызывает... Секс с ним феерический? Так я феерические блины пеку. И пирожки организовываю. Может, махнемся? Он мне — ночные запредельные удовольствия, а я ему — усиленное питание... И никаких проблем. Только бы еще окружающие ни о чем не догадывались. Вообще. И тогда все идеально.

Представила, как подхожу к милорду Верду со встречным предложением... Не удержалась и издала какой-то смешок. По крайней мере, все присутствующие посмотрели на меня с удивлением.

Я внимательно глядела в тарелку и изо всех сил делала вид, что им все примерещилось. А что? Не было такого — и все.

Когда обед наконец закончился и молодые люди отправились восвояси, милорд Верд подошел ко мне и предложил:

— Поговорим?

— Почему бы нет, — ответила я ему.

— Прошу, — чуть склонился он передо мной.

«О, так милорд решил быть изысканно-вежливым... Ну-ну», — взыграло что-то во мне.

Мы подошли к кабинету, милорд распахнул дверь. Я вошла. Он усадил меня в кресло. Сам обошел стол — и уселся напротив меня. На свое рабочее место. Взглянул с эдаким терпеливым снисхождением хозяина положения.

— Могу я спросить, где вы были вчера вечером, миледи?

— Нет, милорд.

Если еще утром я планировала извиняться и объясняться, то сейчас как-то... ну уж нет... Судя по его лицу, такой ответ на его вопрос стал для него сюрпризом.

— Что? — очень тихо произнес он.

— Сожалею. Меня попросили помочь — я помогла. Действовать надо было быстро. К тому же... это тайна не моя.

— Вы уходили через чужой, непроверенный портал?

— Да, милорд.

— Вы понимаете, насколько это опасно?

Я промолчала.

— Нет. Вы, как человек, не владеющий магией, этого попросту не знаете. А вы понимаете, что вас могли похитить? Или просто убить, чтобы досадить мне? Если уж бедную Луизу подвели под смертную казнь — и не только для того, чтобы прикрыть настоящего убийцу, а для того, чтобы

сделать мне больно...

Вспомнились слова Рэма: «Мы влезли в чью-то большую игру».

— А о том, что я чувствовал, когда вы исчезли... Вы, конечно же, даже и не подумали.

— Я планировала вернуться до того, как меня хватятся.

— Почему вы не пришли ко мне и не сказали все прямо?

— Мне это не пришло в голову.

— Миледи, вы меня потрясаете. Значит, мгновенно сообразить, как удалить меня из дома, — это да. А прийти за помощью — так нет.

— А милорду не приходит в голову, что я просто не могла сообщить ему о подробностях дела? В том числе и потому, что он лицо заинтересованное и его могут допрашивать об этом. А ложь, как мы знаем, в этом мире умеют чувствовать. Следовательно, вам попросту незачем знать, где я была. От этого зависит безопасность людей.

— Даже так, — саркастически заметил он.

— Даже так, — не стала спорить я.

— Если бы миледи была в курсе, то понимала бы, что *допрашивать* меня имеет право лишь император. А я ему в любом случае скажу правду. А всем остальным я не подвластен. Что касается того, что меня могут прочитать и понять — правду я говорю или нет... Чтобы сделать это, необходимо быть более сильным магом, чем я. И то при условии, что я буду отвечать. Мне известен только один маг, более сильный, чем я. Это император. Ну, и наследник. В очень отдаленной перспективе.

— Я этого не знала.

— Вот это-то вас немного извиняет, миледи.

— Ах, извиняет, — тихо-тихо протянула я.

— Именно. Пообещайте больше так не делать.

— Жаль, конечно, что такие сказки долго не длятся...

— Это вы о чем?

— О реальной жизни, милорд.

Я поднялась, сняла кольцо и положила перед ним на стол. Подошла к двери, посмотрела на него внимательно, желая запомнить. И отправилась к себе — за дежурным саквояжем. И артефактом переноса. Пора было уходить.

— Жаль... Очень жаль, — бормотала я, собираясь распахнуть дверь.

— Вы настолько не цените наши отношения? — раздался мне в спину его голос, от которого я вздрогнула.

— Я не вижу этих отношений в перспективе, — абсолютно честно сказала я, не поворачиваясь.

— Потому что я — ублюдок императора?

Я тяжело вздохнула:

— Наверное, это удобно — чуть что вставать в трагическую позу и объяснять себе все события, которые происходят в вашей жизни, лишь тем, что ваши родители когда-то не поженились.

— Это как вас прикажете понимать? — оскорбленно прошипел он.

— Я не хочу выходить за вас замуж, потому что не понимаю, как я буду вписываться в вашу жизнь. Не понимаю, хочу ли я вписываться в этот мир. Я не знаю, как выбрать между моей жизнью, а она у меня есть, представьте себе, и вами. Я не знаю, как буду все объяснять родителям. Да я даже не знаю, в курсе ли они, что я жива... А вы... вы приняли решение — и продавливаете, чтобы я ему радовалась.

— А вы не радуетесь?

— Чему именно? Тому, что у нас отношения? Это абсолютное счастье, но смешанное со страхом. И я вам об этом говорила. А вот тот факт, что мне придется выходить за вас замуж...

— Это нормальное развитие отношений. Если мужчина уважает женщину — а я вас не только люблю, но и безгранично уважаю, — он женится. Да что у вас за мир такой ненормальный?

— Или мир, или я... Но все, что происходит со мной сейчас... Милорд, давайте я просто буду с вами. Я ведь действительно полюбила.

— Просто буду — это значит, в любой момент возьму артефакт переноса и исчезну, не сказав ни слова? — злобно фыркнул он.

— Я не поступлю так.

— Скажите, вот, предположим, на вас напали, что вы будете делать?

— Убегать.

— А если это не удастся сделать?

— Отбиваться.

— Вы понимаете, что меня не устраивает ни один из ваших ответов? И почему вы ко мне не поворачиваетесь лицом?

Я действительно стояла, отвернувшись от него. Все уже решено — чего зря сердце рвать? И так больно.

Услышала, как он поднялся, подошел ко мне, обнял за плечи. И тихо сказал:

— Я хотел услышать, что вы, как только почувствуете опасность, придете ко мне. Или прибежите. Или позовете... И никак иначе.

— Почему ты не пришел ночью? — спросила я.

— Я приходил. Ты уже спала.

— А утром?

— У меня грандиозный скандал в академии — я уже в шесть утра прибыл обратно на службу. А в восемь у меня было совещание с императором. А потом ко мне шел поток визитеров. Кто пытался заверить в своей поддержке, кто пытался повлиять на меня, чтобы я не требовал отставки герцога Борнмута, кто просто пытался протиснуть свою кандидатуру на этот пост.

— Рэма или Пауля допрашивали?

— Нет. Их не тронули. Да и зачем — они же всяко ни при чем.

«Юный маркиз Борнмут — молодец. Просчитал взрослых. И не раскололся, когда его допрашивали», — подумала я.

— Кто-то пострадал?

— Несколько кадетов, с которыми дружил молодой барон Кромер. В том числе и сын герцога Борнмута. Прокурор пришел в бешенство от сыновней непокорности.

— И что теперь?

— Мой кадет — маркиз Борнмут — перешел под опеку императора. Ему ничего не грозит.

— А что это было с твоими выпускниками за обедом? Ты мною хвастался? Или... — Я развернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. — Ты пытался их просчитать... Ты пытался узнать, не один ли из них ко мне приставал!

Первый раз за это время я наблюдала картину — смущенный милорд Верд.

— Кто-то тебя оскорбил. Я хочу знать кто. И примерно наказать.

— Зачем?

— Никто не смеет тебя оскорблять. Защищать тебя — мое право.

— Ты еще меня защищать кинься от девчонки, которая у меня на паре ногти красила, — фыркнула я.

— Странно. Я так понял, что ты преподавала в академии. Практически военной.

— Не совсем, но близко к этому.

— Тогда откуда у тебя девчонка на паре? И почему она не писала лекцию?

— Девчонка на паре — потому что у нас, в академии МВД, обучаются и девушки тоже. А лекцию не писала — потому что дурочка. Невоспитанная дурочка. За что и пострадала. Пострадает... Черт, а кого же у них поставили на курс предмет вести? И как мне потом... И что мне делать?

— Ника... — прижался он к моему лбу своим. — Пожалуйста... Дай

нам шанс. Подпусти меня. Доверься. Прояви терпение... Я постараюсь не давить на тебя... Очень постараюсь. Но постарайся и ты... Это ведь такое чудо, что мы встретились. Что мы вместе. Не надо рушить все сгоряча...

Глава 29

В дверь кабинета постучали.

— Прошу прощения, милорд, — раздался голос Джона. — К вам милорд Милфорд. Прикажете принять?

— Минуту, — отозвался милорд Верд. И обратился ко мне: — Как все не вовремя... Ника...

— Иди, — обняла я его. — Я дождусь тебя. Потом поговорим.

— Я тебя люблю, — стал он меня целовать.

— Давай куда-нибудь уедем от всех, — поймала его взгляд, полный сожаления, поправилась: — Хотя бы на этот вечер...

— Я даже не знаю, когда вернусь.

— Тогда иди, — сделала я шаг назад и выскользнула из его объятий. — Чем быстрее ты уйдешь, тем быстрее ты вернешься.

Он чуть поклонился мне и решительно рванул на себя дверь.

— Шир, — донесся до меня его голос, — как же ты некстати!

— Рэ! Время! Нас ждут, — ответил ему начальник контрразведки.

Дальше я постаралась погрузиться в заботы по хозяйству — помнится, мама всегда любила приговаривать, что все дурные мысли от ничегонеделанья. Поэтому я организовала приготовление вкусного ужина, а сама увлеклась выпечкой лимонных плюшек. На мой взгляд, они милорду Верду должны были прийтись по вкусу.

Дело уже шло к вечеру, когда я вспомнила, что мне так и не принесли газеты за сегодня. Да и интервью герцога Борнмута от меня спрятали.

— Джон, — распорядилась я, — принесите мне газету в библиотеку.

— Какую газету? — поднял он на меня недоумевающий, честнейший взгляд.

— Которую нам доставляют каждый день. Я в магазине подписку купила, — ласково ответила я.

— Какая беда, — воскликнул старый солдат, — а вот сегодня ее не доставили.

— Бывает, — проводила я его подозрительным взглядом.

И решила по-тихому прогуляться в деревню. И Вилли навещу. И газету раздобуду — есть там маленький магазинчик.

Пальто, шляпка, перчатки. Небо было сумрачное, ноябрь все-таки. Но воздух был прозрачен и чист, дождя не было. Не известив слуг, ощущая себя ученицей третьего класса, удравшей без спроса, я выскользнула из

дома и неспешно пошла.

Давно я так не гуляла.

Дошла до деревни, купила газету — магазинчик уже закрывался, но для экономки милорда Верда они с удовольствием сделали исключение.

Я вышла на порог. За моей спиной приветливо звякнул колокольчик. И уставилась на первую полосу.

ПРЕДСТОЯЩАЯ ЖЕНИТЬБА НЕЗАКОННОРОЖДЕННОГО СЫНА ИМПЕРАТОРА НА ПРОСТОЛЮДИНКЕ — СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ ИЛИ ПРОДУМАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ?

То есть вариант с любовной историей они даже не рассматривают — как-то меня внутри зацарапало. Я вздохнула — и стала читать.

Ричард Фредерик Рэ, милорд Верд женится... Казалось бы, что в этом такого? — спросите вы. Пусть он бастард, пусть даже самого императора — но и он может полюбить. Но... такое ощущение, что милорд заигрался в подростковые протесты — и выбрал невесту весьма и весьма не своего круга. Эта дама — некая миледи Вероника, как ее сейчас приказано называть, — с сентября трудилась в доме милорда экономкой. Как мы все помним — это восьмая экономка в доме милорда только за этот год. Видимо, женщина отчаянно трудилась, чтобы не потерять завидную должность. И выиграла.

Кстати, возникает вопрос: кто такие на самом деле мастер Пауль Рэ и мастер Рэм Рэ — молодые люди, которых еще в сентябре приняли в род милорда Верда. Напомним, ходят упорные слухи, что это внебрачные дети бастарда императора и госпожи Лиззард.

Где же правда?

В этой ситуации начинаешь сочувствовать императору — какой удар по респектабельности его семейства...

С другой стороны, все происходящее может быть и тщательно продуманным реверансом в сторону низших слоев населения, недовольных аристократами и традиционно поддерживающих императорский дом.

Как бы то ни было, редакция гарантирует — мы разберемся в этой запутанной истории. И наши журналисты доберутся до правды!

В гости к Вилли я сегодня не пошла. Настроение было не то. Пока тащилась обратно к поместью — мерзкая статья словно высосала все силы, — размышляла о происходящем. Действительно, ведь со стороны

наша история выглядит именно так, как ее расписали в газете.

Гадко.

Дошла до камня, у которого встречалась с милордом, чтобы ехать на дуэль. Вспомнила, как потом он здесь же ел лимарру...

Погладила серую шероховатость валуна. Карабкаться не решилась — побоялась упасть. Постояла, посмотрела на закатное солнце, на землю, замершую в предчувствии холодов, и попробовала связаться с Пашей. Вдруг получится, как вчера.

— Сынок, — позвала я его мысленно. — Вы как там?

Ничего не получилось.

Я рассматривала могучие деревья, обступающие поместье, стремительно темнеющее небо. И думала — что же мне делать? Все это время я неслась, как листок, подхваченный бурей. Приспосабливаясь к тем обстоятельствам, в которые меня поставила жизнь. Но теперь...

— Как хорошо, что вы вышли из дома, — услышала я рядом с собой неприятный, но, к сожалению, знакомый голос. — И штурмовать поместье милорда Верда не придется.

— Барон Кромер... добрый вечер, — поприветствовала я его. На самом деле хотелось спрятаться — хоть за тот же самый камень. — А что же вы без герцога. Как-то непривычно.

— Ничего, — хищно ухмыльнулся он. — Как-нибудь обойдемся без герцога. Да и без Верда.

Я смотрела на него и понимала — попала. Действительно, я совершенно беззащитна. Бежать не получится, я как раз стояла, прижавшись к камню, когда барон подошел. И даже перстня на мне нет, я же его на стол бросила. Что там милорд говорил о том, что его надо звать? Я мысленно постаралась позвать его.

— Напрасно. Я блокирую вашу связь, — донесся голос барона. — Вы впечатлились серьезностью ситуации?

— Да, милорд, — склонила я голову.

— Вы будете отвечать на мои вопросы?

Только пожала плечами, упрямо пытаюсь сосредоточиться и позвать милорда Верда.

— В доме есть мой сын или моя жена?

— Нет. — Я с облегчением покачала головой.

— У вас странная реакция, — заметил барон.

— Какая есть.

— Я предполагал испуг или упрямое молчание... Вы способны удивлять, миледи Вероника.

— Надеюсь, это комплимент, — ответила я, а сама мысленно пыталась звать: «Ричард! Мне нужна помощь! Я возле камня...»

— Вчера сын и жена были в поместье милорда?

— Нет, — снова отрицательно качаю головой.

— А в господском доме? В столице.

— Тоже нет.

У барона в глазах смесь удивления и злости.

— Вы знаете, кто устроил побег моей жене? — быстро говорит он.

— Да, милорд, — ответ на этот вопрос я и не думала скрывать.

— Кто же это?

— Ваш сын.

— Это мерзкая ложь, мне назло! — выкрикнул он.

— Сожалею, милорд, но это чистая правда.

— Вы повторяете это за Вердом!

— Думайте как хотите. Еще что-нибудь?

— Кто устроил побег моему сыну? — Отчаяние вытесняет все остальные чувства, и я почему-то это чувствую...

— Он сам.

— И это было его решение?

— Да, — выдохнула я, все же чувствуя непрошеную жалость к этому неприятному человеку.

— Вы знаете, где они?

— Нет, не знаю.

— Надо же... Все, что вы говорите, — правда. Вы знаете, когда мне предложили интригу, по которой мою жену обвинят в покушении на ублюдка императора, я даже обрадовался. Не то чтобы между ними была какая-то неземная любовь — ему, как и мне на тот момент, надо было жениться, а Луизе — выходить замуж. Конечно, он был... привлекательнее. Романтичнее. Эдакий герой, вернувшийся с войны. Но ее род выбрал меня — и понятно почему... И не то чтобы она давала повод для ревности — Луиза всегда была до отвращения правильной. И удивительно приличной. Это в какой-то момент начинает действовать как зубная боль. Такое совершенство... Но ты однажды начинаешь понимать, что за этой правильностью — пустота. А ты женат на статуе, говорящей приятным тихим голосом абсолютно правильные вещи. И это сводит с ума...

— И вы решили, что быть человеком, отрекшимся от супруги, более выгодно.

— Ни я, ни Борнмут не предполагали, что Луизу будут использовать, чтобы прикрыть покушение с помощью кентерберийской змейки... Вы

должны знать, что в случае использования этого порождения темной магии наказание ждет не только самого мага, но и весь род.

— То есть вас использовали втемную? Сыграли на вашей неприязни к милорду Верду?

— Может, это и хорошо, что жена и сын исчезли, — пробормотал барон. — Останутся живы.

— Вы опасаетесь за свою жизнь, милорд?

— Не то чтобы я за нее опасался, миледи. Но я подозреваю, что как свидетель я никому не нужен.

— Можно прийти к Его Величеству и все рассказать.

Барон Кромер расхохотался:

— Вы и вправду уникальны. Я пришел вас запугать и узнать истину в надежде обвинить Верда в похищении и препятствовании правосудию... А вы... вы меня вербуете.

— Счастлива, что не разочаровала, — проворчала я.

— И как вы встретились с ублюдком императора?

— Абсолютно случайно.

— Надо же, — улыбнулся он. — И это правда.

— Как-то у вас все с таким удивлением реагируют на то, что я говорю правду. Словно никто, кроме меня, этим не грешит.

— Вы не представляете, какие люди платят деньги за то, чтобы им поставили блок, делающий невозможным их чтение.

— А такое существует?

— Конечно. Те, кто сами по себе сильные маги, как, например, я или Верд, — на этом он скривился, — зарабатывают умение держать этот блок. Те, кто послабее, — пользуются чужим искусством. А у вас... ничего при себе нет. Никакой защиты. И при этом вы говорите правду.

— Просто с тех пор как я узнала, что здешние... умельцы чувствуют правду-неправду, я попросту не лгу.

— А если вам надо что-то скрыть?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— Вы должны понимать, что такой ответ провоцирует собеседника на то, чтобы узнать правду. Вы, видимо, таким образом и спровоцировали бывшего начальника Управления уголовной полиции, ныне трудолюбивого каторжанина?

Меня передернуло:

— У уважаемого начальника вашей Уголовной полиции не было ни малейшего желания слушать от меня хоть правду, хоть неправду. Он приказал мне подписать чистосердечное признание. А когда я отказалась и

порвала бумагу, он избил меня до полусмерти.

— Простите, я не знал подробностей.

— Ничего... Вы же ни при чем.

— Вы помогли... моим?

Я долго смотрела в его глаза, прежде чем ответить на этот вопрос. Он обо всем догадался — и кто его знает, как собирается использовать данную информацию. Доложит обо всем прокурору? Или на этот момент бывшему прокурору? Сдаст меня тому, кто это все затеял? Или просто прикончит возле этого самого камня, чтобы досадить милорду Верду? За спокойной приятной беседой я как-то забыла тот момент, что этот человек — враг. И ему, как я понимаю, терять нечего. Ужас ледяной волной прошелся по позвоночнику.

— Вам нечего опасаться, — ответил на мои мысли барон Кромер. — Не скрою, я направлялся в поместье Верда отнюдь не с мирными намерениями, в том числе и в отношении вас. Однако, поговорив, я решил... Вам не надо меня опасаться — я вас не трону. Вы сделали то, на что я не решился, хоть и хотел сделать.

— И что же это?

— Вы помогли моим.

— Честно говоря, это получилось случайно.

— Как я ни злился на жену, у меня все-таки мелькали мысли о том, что так нельзя. Негоже так поступать с членом своей семьи, пусть даже у нас и не сложились отношения. Но были замешаны такие силы, что я не рискнул что-то предпринять. Я не думал, что сын взбунтуется. И я его потеряю.

Он посмотрел на меня — и неожиданно прозвучало:

— Вы не замерзли? Позвольте, я вас провожу домой.

Я уставилась на него в изумлении. Он жизнерадостно расхохотался, став на мгновение симпатичным и молодым:

— Раз уж я не стал вас убивать, то и морозить, рискуя простудить, смысла тоже нет.

Он предложил мне руку, я на нее оперлась, и мы отправились к воротам, которые были неподалеку.

— Я не отступлюсь, конечно, в своей неприязни к Верду, — задумчиво сказал барон Кромер, — и обязательно найду способ поквитаться. Однако этим способом будете не вы. С моей стороны вам ничего не грозит. Но хочу предостеречь вас...

Раздались многочисленные хлопки — и на небольшой полянке, где мы находились, стало как-то многолюдно. И неудобно.

— Отойди от нее. — В этом скрежетании я уже научилась

распознавать голос милорда Верда, когда он был взбешен.

— С чего вдруг? — кровожадно улыбнулся ему барон Кромер и, взяв мою ладонь, а это было ему совсем несложно, потому что мы шли как раз под руку, поцеловал ее.

Я посмотрела на него с осуждением. Ну вот только что был человек человеком. А сейчас... Опять аристократ. И морда стала... такая надменная. Хочется огреть чем-нибудь тяжелым.

— Все-таки учитеесь скрывать свои мысли — у вас слишком открытый взгляд, — тихо прошептал он мне на ухо.

Должно быть, со стороны это выглядело очень и очень мило, потому что раздался невнятный возглас милорда Верда, похожий на рычание.

— И вот что вы творите? — сказала я барону.

— Злю его. Плачу мерой за меру, — ответил мне он. — Пусть прочувствует, каково было мне.

— То есть вы хотите, чтобы еще и я узнала, каково было вашей жене? Причем безо всякого повода с моей стороны.

— Простите, вы правы. — Он отпустил меня. — Бегите домой. И пожалуйста, будьте осторожны. Пусть ваш... жених закажет вам хороший защитный артефакт.

Я сделала уже несколько шагов по направлению к калитке, как услышала голос барона Кромера:

— Я к вашим услугам, милорд.

И практически сразу же раздался свистящий звук — и его хрип.

Я резко обернулась.

Барон Кромер лежал земле, не подавая признаков жизни. Подбежав, я обнаружила небольшую стрелу у него в горле.

— Что же вы наделали? — спросила я у милорда Верда, который склонился над телом барона вместе со мной. — Мы же только разговаривали...

Глава 30

Милорд Верд ничего мне не ответил, стряхнул с пальца кольцо с грифоном, надел мне. Странно, но оно сразу подстроилось под мой размер. Ричард между тем на мгновение закрыл глаза, я почувствовала, словно вокруг меня воздух стянулся в кокон.

— Шир! — раздался у меня над ухом его голос. — Стрелок на юго-западе от этого места.

— Ищем, — донесся до меня удаляющийся голос Милфорда. — Арбалет?

— Именно, — ответил ему мой жених, и мне стало стыдно за свои опрометчивые слова. — Метров триста, сверху. Я вызову еще солдат.

— На Веронику защиту поставь.

— Уже. — И посмотрел мне в глаза.

— Прости, — прошептала я.

— Пойдем в дом, — вместо ответа сказал он, достаточно злобно. И потащил за собой.

Успела ухватить взглядом изумленные взгляды слуг — даже Каталина вышла из кухни, чтобы лицезреть наше *триумфальное* возвращение домой. С непростым выражением лица меня и втащили в кабинет, где, не далее как днем, уже происходили наши разборки.

— Вы вчера встречались с бароном Кромером?

— Нет, милорд Верд, не с ним.

— Каким образом вы договорились о встрече сегодня?

— Никаким. Он направлялся в поместье, думая, что здесь находятся его жена и сын, и встретил меня.

— Для людей, которые встретились случайно, вы беседовали слишком... мило.

— Вас бы больше порадовало, если бы он меня убивал — как планировал до нашего разговора?

— Как это? — спросил милорд Верд практически нормальным тоном.

— Ну, уж не знаю, как там у вас принято истреблять невест тех, кого ненавидишь...

— Ника... — И он бросился обнимать меня. — Ты не представляешь, что я пережил, когда мне сообщили, что барон Кромер ушел из-под наблюдения. А потом и о том, что сработала тревога в районе моего поместья. Я дал команду, переноситься в поместье сразу мы не решились

— неизвестно, какая обстановка. Организовали переброску неподалеку. И что я вижу? Вы разговариваете. А потом он взял тебя под руку...

— Кто его убил?

— Не я. И не мои люди. К сожалению, я вообще не уверен в том, что стреляли в него. Он стоял слишком близко к тебе. В последний момент покачнулся, словно что-то почувствовал, и попытался закрыть тебя собой.

— Так... это было покушение на меня?

— Пока не знаю.

— Перед самым выстрелом он сказал, что вас попытаются достать через меня. Но он в этом участвовать не будет.

— Какое благородство! — прошипел милорд Верд.

Я закрыла глаза. Нет, я понимаю — они друг друга недолюбливали. Да что там — больше того, они были врагами. Но человек же погиб... Вот только разговаривали — один звук, одно чье-то движение — и его нет. И только его сын, наверное, огорчится, узнав, что он — сирота... Когда-нибудь.

— Оливия. — Голос милорда пробился через вязкую удушающую пелену, которая застила все вокруг. — Лекарства миледи принеси. Скорее.

И через какое-то время:

— Как это — она их унесла? Почему не доставили новые? Джон, придворного целителя вызывай! Кто прошлый раз лечил! Ирвина.

Я пришла в себя на диване в гостиной, укутанная пледом. За моей спиной находился милорд Верд, который меня обнимал и крепко-крепко прижимал к себе. Возле хлопотал смутно знакомый мужчина, которого я помнила по болезни.

— Простите за истерику, — мне стало неловко. — При мне никого еще не убивали.

— Ника, — прошептал мне в ухо милорд Верд, — слава стихиям.

— Вот и хорошо! — обрадовался целитель. — Милорд, лекарства я отставил. Пусть миледи регулярно принимает их еще неделю. Мерная ложка три раза в день. И — никаких волнений.

— Мне доложили, что на Веронику было совершено покушение, — в нашу гостиную стремительно вошел император. — Ричард, что тут у вас?

— Ваше Величество, — склонился целитель.

Мы тоже попытались подняться с диванчика, но нас остановили раздраженным:

— Оставьте это!

И император Фредерик вопросительно посмотрел на целителя.

— За исключением нервного потрясения, с миледи ничего не

произошло, — отчитался он. — Помощь оказана.

— Завтра осмотрите невесту моего сына еще раз, — распорядился император.

— Слушаюсь, — поклонился целитель.

— Можете идти.

Мы остались втроем.

— Что произошло?

— Вероника отправилась прогуляться вокруг поместья, — злобно отозвался милорд Верд.

— На самом деле я пошла в деревню, — поправила я.

— Зачем? — хором взревели и император, и его сын.

— За газетой, — опустила я голову.

— И как вам новости? — злобно посмотрел на меня милорд Верд.

Я ему не ответила.

— Кто посмел напасть? — спросил у сына император.

— Шир прочесывает местность со своими людьми. Плюс там еще мои. К утру будет понятно.

— Прикажи усилить охрану академии — там ваши дети, — распорядился император.

Услышав про то, что опасность может грозить и Паулю с Рэмом, я попыталась вскочить, чтобы узнать, что с ними.

— Отец, — недовольно протянул милорд Верд, удерживая меня. — Вероника и так не в себе. Я не думаю, что сыновьям что-то угрожает. Охрана после нападения герцога Борнмута усилена.

— Добавьте людей. А еще лучше... Ричард, а может, ты убереешь семью отсюда на пару дней? Смена обстановки и твоей невесте, и мальчикам пойдет на пользу. А я тем временем перетрясу всех в этом государстве и объясню, на кого можно охотиться, а на кого — нет.

— Вы думаете, отправлять ее куда-нибудь, пусть даже с охраной, — это разумно?

— Зачем с охраной? Поезжай сам.

— Но расследование...

— Мы с Милфордом управимся.

— А назначение нового прокурора?

— Без тебя не будем ничего предпринимать. Заодно и посмотрим, кто замешан. Не торопясь, тщательно. А то назначишь — и опять на рудники. Или на плаху. Так утомишься документы готовить.

— Ваше Величество, я вообще не уверена, что покушение было на меня. — Какой у меня голос хриплый.

— Ричард? — посмотрел император на сына.
— Погиб барон Кромер, с которым миледи беседовала в тот момент.
— А с чего вы решили, что беседовать с покойным бароном — это хорошая идея?

— Боюсь, что у меня не было выбора...
— Он вам угрожал?
— Он хотел узнать, в поместье ли его жена и сын.
— А они в поместье? — Взгляд черных глаз императора уперся в сына.
— Нет, Ваше Величество, — иронично поклонился милорд Верд.
— Но их тут нет не потому, что ты ничего не предпринимал...
— Совершенно верно. Кто-то меня опередил. И я не знаю, где они.
— Только не говори, что планировал похитить еще и юного барона Кромера.

— Честно говоря, эта идея мне в голову не пришла. Я собирался освободить лишь Луизу и укрывать ее.

— Вы с таким напыщенным видом говорите мне правду, — протянул недовольно император, — что я иногда жалею, что вы мне не лжете.

— Только прикажите, — надменно ответил его сын.

— А каким же образом вы не ввязались в этот рыцарственный, но совершенно нелепый порыв?

— Я проспал, — в голосе милорда Верда послышалось смущение.

Император с явным удовольствием расхохотался.

— Миледи Вероника, я должен вас поблагодарить. Помимо того что мой сын счастлив, вы еще и на редкость благотворно на него влияете.

Я покачала головой и почувствовала, как краснею.

— Только я вот чего не пойму, — император уставился на меня, — почему на Веронике моя защита, которую я ставил на тебя, Ричард, давным-давно? Когда ты был еще ребенком? На тебе из артефактов — ничего. А защитного перстня рода Рэ на твоей невесте нет?

— Так получилось, — ответил милорд Верд.

— Понятно, поругались, — протянул император. — А потом в критической ситуации надел на Веронику свое защитное кольцо. Ричард, распорядись насчет ужина, я поем у вас. И перстень рода Рэ принеси.

Он осуждающе оглядел нас и покачал головой:

— Как дети малые, право слово...

— Но... — Сын не спешил выполнять приказ отца.

— Ничего я твоей невесте не сделаю. Изволь выполнять.

Милорд Верд не смог послушаться прямого приказа. Он поднялся с диванчика, коротко поклонился и вышел из гостиной.

— Вероника, — обратился ко мне император. — Я выдвину вам только одно требование, но я желаю, чтобы оно выполнялось неукоснительно.

— Да, Ваше Величество.

— Вы можете выяснять с моим сыном отношения вволю. Ругаться с ним, трепать ему нервы. Это ваше право. И кстати, это ему даже полезно... Единственно, на чем я настаиваю, — это на вашей безопасности. Вы ни при каких обстоятельствах не будете снимать перстень рода Рэ. Это самый сильный защитный артефакт, который только есть в Империи. И как бы ни сложились ваши отношения с Ричардом, я не хочу, чтобы он сходил с ума оттого, что не уберег любимую.

— Вы делали этот артефакт для мамы Ричарда? — тихо спросила я.

— Я не делал его, перстень был в семье Рэ с незапамятных времен. Но дед Милены был вынужден продать часть родовых сапфиров. Я выкупил этот перстень, усилил защиту, доведя ее практически до совершенства. И надел на Милену. К сожалению, больше я ничего не смог сделать...

— А как же тогда получилось, что...

— Моя возлюбленная погибла? — Он посмотрел на меня совершенно пустым взглядом.

— Простите, — прошептала я.

— Ничего... Я это уже пережил. — И он закрыл глаза, похоже, что-то вспоминая.

Послышались звуки из столовой — видимо, слуги выполняли распоряжение милорда и накрывали стол к ужину. Император вздрогнул и очнулся.

— Она бросила им в меня, сообщив, что отпускает. Что устала от наших отношений. Что мы и не вместе, и не порознь... Что она хочет дочку — но у нас ее никогда не будет. Чтобы я убирался к жене. Я никогда себе не прощу, что ушел тогда и забрал этот перстень. Хотел дождаться, пока любимая остынет... А получилось так, что попал на похороны. И я даже не смог увидеть ее в последний раз — она была изуродована так, что гроб был закрытый.

— Сочувствую. — Я вытерла слезы.

— Спасибо. Но посочувствуйте и Ричарду. И не снимайте перстень. Будем считать это моим приказом. Вы выполните его, миледи?

— Да, Ваше Величество.

— Мы все — и я, и Ричард, и Брэндон — вы, кажется, с ним уже познакомились...

Я кивнула.

— Так вот, мы все очень одинокие люди. Наверное, более чем

одиноким. Неприятные, циничные, временами гнусные. Очень жестокие. Но тем более мы ценим тех немногих людей, которых подпустили к себе. Вы — одна из этих немногих. Вы как солнце для Ричарда. Как дочь от любимой женщины, которой у меня нет, для меня... Вы — умная, не наивная, но такая открытая. Не подвергайте себя лишней опасности. Поберегите себя. И еще. Я даю вам право обращаться ко мне лично по любым вопросам. За любой помощью. Просто позовите.

— Я звала Ричарда, когда еще не знала, к чему приведет моя беседа с бароном Кромером. Барон просто меня заглушил, — пожаловалась я.

— Надо подумать, как это обойти. Я все время забываю, что вы не маг, — покачал головой император. — Я дам поручение разобраться с этой проблемой. И сам подумаю, что можно сделать.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— И... не читайте газет. Ничего правдивого или хорошего вы там не увидите.

— Рэ! — где-то хлопнула дверь и раздался голос милорда Милфорда. — Стрелок ушел.

— Будешь ужинать? — услышали мы ответ милорда Верда, кстати говоря, не сильно удивленного принесенными новостями.

— Давайте-ка и мы пойдем в столовую, — распорядился император. — Жаль, что я сегодня спонтанно и ваших волшебных пирожков не будет.

— Я пекла плюшки с лимоном для милорда, — смутилась я. — Но там на всех хватит.

— Пожалуй, лучшая новость за сегодняшний день, — скупой улыбнулся император.

— Все-таки Ричард потрясающе на вас похож, — вырвалось у меня.

— И это во многом примиряет меня с жизнью, — тихо сказал он. И потом добавил, желая сменить тему разговора: — Как-нибудь пригласите меня на пирожки. Только без покушения, пожалуйста.

И он пошел вперед, заставляя меня идти вслед за ним. И даже отворил передо мной дверь.

— Хорошо, Ваше Величество, — согласилась я.

— Только не надо такой паники, как прошлый раз.

— Бедная наша повариха. Она, должно быть, места себе не находит, что сегодня мы принимаем вас не так, как положено.

Когда мы вошли в столовую, милорды нас уже ждали.

— Ваше Величество, — поклонился ему милорд Милфорд.

— Результаты нет?

Милорд Милфорд дернулся, но только отрицательно покачал головой.

— В течение недели мы официально представим миледи Веронику двору, — распорядился император. — Хватит двусмысленностей. Подданные должны знать, кто у нас кто. Я дам распоряжение устроить прием.

— Ваше величество, — поклонился милорд Верд, весьма и весьма недовольный.

— Вы не сможете все время скрываться от всех в твоём поместье. К сожалению, не сможете, — тихо проговорил его отец. — А пока — уезжайте. Сразу после ужина. Мне так спокойнее будет. А теперь давайте поедим. Кстати, я сегодня и не обедал.

Глава 31

— Вот чего мы сюда приехали? — ворчал Паша, обозревая темноту вокруг. — У нас завтра день халявный — фехтование и магия. А так придется отрабатывать... Милорд Верд, а может, вы похлопочете, чтобы нам не пришлось за прогулы отдуваться?

— Еще чего... — насмешливо посмотрел на нахального мальчишку милорд и тут же спросил с искренним любопытством: — А что такое «халявный»?

— Ну, это когда напрягаться не надо, — осторожно пояснил сын, посмотрев на мое недовольное лицо.

— Пауль на свои выражения уже всю академию подсадил, — наябедничал Рэм.

— Кстати, «подсадил» — это тоже его выражение, — улыбнулась я.

— Ну надо же, — скривился юный герцог. — Я и не заметил. Эти слова — они такие приставучие.

— Слушай, мам, — пробормотал Паша, — у вас с Рэмом, когда я не по литературному говорю, а по нормальному, даже выражение лица одинаковое.

— Ваш молодежный жаргон — не норма! — отрезала я.

— Мама, не занудничай. Тебе не идет, — ответило это чучело, делая умилительную мордочку.

— Не-а, — отрезала я. — Раньше было выразительнее. Сейчас у тебя в повзрослевших глазах слишком много ехидства плещется.

— Облом.

— Павел! — синхронно зарычали я и Рэм.

Раздался смех. Мы втроем переглянулись — и поняли, это хохотал над нами милорд Верд.

Мы действительно отправились сразу после ужина. И, конечно же, после того, как милорд Верд надел мне перстень обратно на палец.

Я поднялась к себе, взяла «тревожный» саквояж. Переоделась. Сунула туда три платья. На всякий случай.

— Готова? — спросил у меня Ричард.

Я кивнула. Мы забрали из академии Пашу и Рэма. Запретили им задавать вопросы. Милорд Верд замер на секунду — и перед нами заискрилось разноцветное марево. Мы шагнули. У меня после портала чуть кружилась голова.

И вот мы непонятно где. Но здесь тепло. Тоже ночь. Воздух вкусно пахнет морем. Мы стоим на террасе. И только свет крупных-крупных звезд над головой старается пробиться к нам сквозь нависшие над домом деревья.

— Дом не так давно поставили, — словно бы оправдываясь, говорит милорд Верд. — Он не обжитой совсем. Я здесь еще ни разу не был. Может, нужно было слуг с собой взять?

— Давай останемся... без посторонних.

— Да. Ты как раз хотела ото всех уехать. Хотя бы на день.

— Я не думала, что повод будет такой.

— Молодые люди, — обратился милорд Верд к мальчишкам, — дом в вашем распоряжении. Выбирайте себе комнаты. Свет сможете включить?

Рэм и Пауль, до этого старательно отводившие от нас взгляд, словно мы занимались чем-то неприличным, кивнули и убежали. Исследовать.

— Пойдем и мы поищем себе спальню.

— А что здесь с продуктами? Из чего готовить?

— Годовой запас продуктов. — И посмотрел на меня с недоумением. — Я же тебе говорил.

— Погоди, — до меня стало доходить, — это что — твой необитаемый остров?

— Да. Давно хотел побывать здесь. Да и с точки зрения безопасности место практически идеальное. Никто не знает, что я его владелец. Это вообще не наш мир. Только с козами, боюсь, не получится. Я бы не хотел афишировать, что на острове кто-то есть. То есть подвезти их быстро не выйдет.

— Да я и не особо расстроюсь, — засмеялась я, вспоминая наш разговор о необитаемом острове. — У каждого свое понимание необитаемости...

— И почему в твоём голосе мне слышится издевка? — обнял он меня.

— Тебе померещилось, — ответила я и потянулась к нему.

Мы расслышали топот двух пар ног.

— Хорошо, что они не бесшумные ниндзя, — успела я отойти от милорда Верда и даже поправить платье.

— Мама! — издали закричал Паша. — Это мы!

— А кто такие ниндзя? — спросил милорд Верд.

— Это клан наемных воинов-убийц. Тихих и беспощадных.

— Понятно. У нас тоже такие есть. Гильдия убийц называется.

Паша и Рэм выбрали себе для проживания спальни в левом крыле. Мы, соответственно, — в правом. Потом Паша, узнав, что мы на

необитаемом острове, потребовал себе шорты и футболку. Я отдала ему саквояж, велел потом принести его мне.

И мы с милордом Вердом поднялись наверх, посмотреть, что у нас со спальней. Кровать была огромная, комната тоже не маленькая. К ней, как и в поместье, примыкала ванная комната. И гардеробная.

— Как тебе? — спросил у меня жених, нежно привлекая к себе.

— Хорошо, — улыбнулась я.

— Только меня беспокоит... Мы с тобой поженимся только через три недели. А что подумают о нас молодые люди?

— Что это не их дело?

— Они же мужчины. И отвечают за тебя.

Я рассмеялась.

— Я как-то привыкла за все отвечать сама. И за своих детей в том числе.

— Знаю, что проявляю преступную слабость, отсутствие выдержки и всяческое нарушение приличий... Но я не могу отпустить тебя в другую комнату.

— Не отпускай, — попросила я. — Мне так хорошо с тобой...

И сама смутилась от того, как это прозвучало. Я поспешила сменить тему разговора.

— Слушай, раз это необитаемый остров и не надо скрывать, что мы из другого мира... — улыбнулась я, отходя от него, — значит, можно снять эти ночнушки неудобные и надеть любимые джинсы!

— Какие ночнушки? — изумился милорд.

— Прости, но если бы ты знал, как меня ваши платья раздражают!

— А корсеты? — вспомнил он свою нелегкую борьбу с этим видом женской одежды.

— Не то слово!

— Давай снимать? — блеснули его глаза.

— Ма-а-ам! — раздался с первого этажа вопль Паши.

Мы переглянулись и понеслись вниз.

— Что? — спросила я, оглядывая его на предмет повреждений.

— А что есть поесть?

Я зарычала:

— Ты издеваешься? Я пока вниз летела, все ужасы успела передумать!

— Ну, прости. Я просто очень-очень голодный.

— Саквояж верни, — распорядилась я. И развернулась к хозяину дома: — Милорд...

Улыбка его померкла. Выражение лица сразу стало холодное и

отстраненное.

— Пойдем, — потянула я его за собой. — Возьми, пожалуйста, саквояж. Паша, мы спустимся... как только спустимся. Потерпи. Не ори. И не пугай меня.

— Да, мама, — серьезно ответил он, посматривая на непростое лицо молчащего милорда Верда.

Мы поднялись наверх. Он прошел к кровати и тяжело на нее опустился.

— День был трудный, — проговорила я и села рядом.

— Иной раз мне кажется, что все наши отношения — это потому, что я настаиваю. А вы мне не отказываете, потому что вам нужна защита.

— О как... И к этому гениальному решению вы пришли на основании того, что я вас не назвала по имени?

— Скажите, Ника... Как вы меня называете в мыслях?

— Чаще всего «милорд», — честно призналась я.

— Вот видите...

— Вы на самом деле считаете, что я — расчетливая стерва, которая пользуется вами, чтобы забраться повыше и устроиться поудобнее? Которая спит с вами за статус и защиту? Я это должна была услышать? Хотя нет. Если через постель — это уже не стерва. Это уже...

— Ника, прекратите.

— Да почему... Вы же этого ждете. Что так все и окажется...

— Тогда — почему?

— Мне слишком непривычно. Я старательно учила, что вы — милорд Верд. Очень боялась неправильно назвать или перепутать. У нас ведь такие обращения не приняты. И потом... Мне просто нравится называть тебя милордом. Тебе идет. И очень романтично...

— Не понимаю... Милорды — это все мужчины вокруг тебя...

— Нет. Ты не понимаешь, — замотала я головой и погладила его по щеке. — Это ты. Только ты... Такой властный. Такой нежный. Такой... желанный.

— Ника, — прошептал он и опрокинул на кровать, нависая надо мной.

— Милорд, — из вредности сказала я.

Скривился, но целовать стал.

— Отнесись со снисхождением к моим тараканам, и я отнесусь со снисхождением к твоим, — прошептала ему я.

— Как это? Тараканы?! — Он так серьезно задумался над тем, что у меня есть какие-то неизвестные ему зверьки, — даже помогать перестал.

— Это так говорят, когда у человека в голове есть какие-то пунктики,

комплексы, навязчивые идеи, от которых он может и страдать, но на самом деле он их и холит, и лелеет. Это как твоя идея о том, что ты — бастард. Это как моя идея о том, что мне не стоит к тебе привязываться...

— Значит, у нас с тобой в голове тараканы?

— Точно, — рассмеялась я. — Размером со слона.

— И что нам с ними делать?

— Давай попробуем их подружить... — Мне надоело с ним разговаривать, и я позволила своим рукам легкие бесчинства.

Платье он на мне все-таки порвал. И ладно, и не жалко... Хотелось скорее дотронуться до него обнаженной кожей. Застонать от его прикосновений... Застонать... Дети...

— Полог я поставил, нас не слышно, — прошептал он мне — и тоже дал волю рукам. И не только рукам.

— Ричард...

— С тобой надо как можно чаще заниматься любовью, чтобы хотя бы послушать, как ты зовешь меня по имени.

— Так я и не против.

Разве ж только не против... Я сходила с ума от его прикосновений. Я жаждала ему принадлежать. Я даже в какой-то момент подумала о том, что после такой ночи должны на свет появляться дети...

— Дети... — сказала я много позднее, когда мы уже успокоились.

— Останутся голодные?

— Что? — удивилась я, потому что думала о другом.

— Пауль. Да и Рэм. Их надо покормить. — И он поднялся и стал одеваться. — Лежи. Я найду хлеба и мяса, сыр должен быть. Там много чего приготовленного, только надо показать им, как это все доставать из стазиса.

— А что это такое?

— Это такое особое заклинание, позволяющее сохранить неживую материю от распада. Бытовая магия, очень удобно. И заклинание, чтобы продукты можно было съесть, совсем простенькое. Пойду покажу.

Я скользнула в сон. Не знаю, сколько спала, но проснулась оттого, что замерзла. За окном было по-прежнему темно. Ричард еще не вернулся.

Вытащила из саквояжа родную одежду. Никогда не думала, что буду так радоваться джинсам и футболке, а уж нормальные трусики и — какое счастье — обычный бюстгальтер приведут меня практически в состояние экстаза. Посмеиваясь над собой, я тихонько пошла по направлению к лестнице.

— ...Недопустимо, — услышала я голос Рэма. — И вы, как никто

другой, должны это понимать.

— Должен напомнить, ваше сиятельство, — надо же, милорд Верд произносит это без иронии, серьезно. И даже как-то... смущенно, — мы поженимся через несколько недель.

— Дело в уважении, — упрямо гнул свою линию юный герцог. — Миледи Вероника — мой опекун, и такое поведение пусть косвенно, но кидает тень на меня.

Я не знала — злиться мне или хохотать... Или пойти дать по башке. Всем. Это абсурд какой-то. Еще четырнадцатилетние подростки не занимались моим моральным обликом...

— А почему бы вам, уважаемые Рэм и Пауль, не заняться своими делами? И не заниматься моими? — обратилась я к молодым людям.

Они подскочили. Пашка покраснел. Рэм как-то тоже подрастерял напыщенность и уверенность.

— Или вы хотите сказать, что я делаю что-то такое, из-за чего вам следует меня стыдиться? — Я переводила взгляд с одного на другого, вынуждая их по очереди смотреть в мои глаза.

— Но, миледи, — начал Рэм. Я не сводила с него взгляд, Рэм смешался.

— Вероника, оставь. Они в своем праве. Они твои сыновья и защищают тебя. Не прав в данной ситуации я, и я это признаю.

— Вы все не понимаете. Я счастлива... Я впервые за многие годы счастлива. И вот скажи мне, Паш, как меня можно за это осуждать. — Я подняла на него глаза и поняла, что плачу.

— Мам, прости. — Он подошел и неловко меня обнял. — Просто я переживаю.

— А можно, я попрошу не переживать за меня? И порадоваться? Рэм, — повернулась я ко второму мальчику. Обратила внимание на его поджатые губы. — Ты мне стал сыном за это время. Пусть приемным, но я тебя люблю... Я прошу — не надо... Неужели ты думаешь, что от милорда может исходить какая-то опасность для меня?

— Но репутация...

— Когда ты будешь влюблен, когда ты будешь сходить с ума... Тогда мы вернемся к этому разговору. Хорошо? А теперь я предлагаю меня покормить и отправиться спать.

Идея была хорошая — это я про спать. Однако милорд разглядел мое нижнее белье, когда я стала раздеваться... Оно его так заинтересовало, вызвало такой исследовательский интерес, что заснуть мне удалось лишь под утро. И, между прочим, лифчик он порвал. Ну, вот что за манеры! А

еще и аристократ... Приеду домой, надо будет эротическим нижним бельем закупиться. И посмотреть на реакцию милорда... Что-то мне подсказывает, она будет незабываемой.

Глава 32

— И вы в этом ходите? — Милорд Верд окинул меня взглядом, в котором странно смешивались в равных пропорциях раздражение и восхищение.

— Не на работу, конечно. — Я оглядела себя в зеркало, пытаюсь понять, что ему не нравится. Джинсы как джинсы — узенькие, футболка как футболка — обтягивающая. — На работу — в костюме. А это... Для дома, погулять, по магазинам пройтись.

— Я бы тебя в такой одежде из спальни не выпустил, — проворчал он. — На тебя же без желания смотреть невозможно. И эти твои брюки... Они так все демонстрируют.

Я с удовольствием повертелась перед ним.

— Ника! — простонал он.

— Про желание слышать приятно, — улыбнулась я. — Но мне бы хотелось посмотреть твои владения.

— Ты невозможна!

— Почему же? — подошла я к нему близко-близко и поцеловала. А про себя подумала, что это он меня еще в купальнике не видел. Вот тут-то ему и будет полный эстетический шок...

Мы спустились к завтраку чуть позже, чем планировали. Следующий комплект белья мне удалось спасти. Я снимала его сама, велев Ричарду не тянуть ко мне загибающие руки, раз они у него запрограммированы на уничтожение хороших вещей. Вот перейду на пережиток феодализма в виде панталон и корсетов — тогда пожалуйста.

— Ну, наконец-то, — поприветствовал нас Павел. — Мы уже весь остров оббегали, искупаться успели.

— Здесь хорошо, — улыбнулся и Рэм.

— Кормить! Детей надо питать! — простонал Паша, закатывая глаза, — это он пытался изобразить голодный обморок.

— Ника... — осторожно спросил милорд Верд, — а как насчет блинчиков?

— Посмотри, Паша, вот у кого надо умильности взглядов учиться, — рассмеялась я.

Действительно, в черных глазах Ричарда была такая гамма из нежности, любования, просьбы и восхищения... Не было только тягостных подспудных мыслей, которые там обычно присутствовали. У меня сердце

зашлось... мда, не от умиления — настолько он был хорош.

— Няшно! — одобрил мой сын.

— Как? — насторожился ректор Военной академии, главнокомандующий Имперских вооруженных сил в отставке и прочая, прочая, прочая...

— Не переживай, — расхохоталась я. — Это был комплимент. Кажется.

— Звучит как-то... не очень, — взъерошил серебристые, длинные на затылке волосы милорд.

У меня сердце замерло, потом пустилось вскачь. «Так, Ника, отставить! Здесь же дети!» Какой-то у меня целенаправленный ход мыслей! Развращающий...

— Да нормально все! — не сдавался Паша.

— И мне не нравится. По-девчоночьи, — поддержал милорда Верда юный герцог.

— Так как насчет блинов? — опять обратился ко мне жених.

— А здесь есть сковородка приличная? И молоко, мука, яйца и сливочное масло? — усилием воли отвлеклась я от непристойных желаний.

— Не знаю, — честно ответил мне Ричард. — Здесь большое количество продуктов, и приготовленных Каталиной, и закупленных в ресторанах. Я отдал распоряжение — и их поместили в стазис. Хотя у меня есть идея! Погодите, я сейчас вернусь.

Вспыхнуло радужное марево. Милорд сделал шаг — и исчез. Вернулся он минут через десять, тяжело груженный перечисленными мною продуктами и знакомой сковородкой из поместья, на которой я обычно пекла блины.

— Вот! — с гордостью сгрузил он на стол свою добычу.

— Вы домой наведывались? — спросила я.

— Да, — кивнул он. — Это был самый быстрый способ добыть все необходимое.

Я расхохоталась.

— Что? — обиделся он.

— Представьте только, мы ночью, рука об руку, удаляемся куда-то. И утром появляетесь вы. Торопливо. Но за сковородкой. Что люди подумают?

Трое мужчин посмотрели на меня удивленно. Они как раз не находили в поступке милорда ничего несуразного. Или комичного. Ну, действительно, речь же идет о блинах на завтрак — что в этом может быть смешного?..

Я еще раз хихикнула, теперь над их серьезными лицами, и пошла

священнодействовать. Им троим было велено найти вкусняшек к блинам и организовать напитки.

— Я буду кофе с молоком, — распорядилась я.

Быстро замесила тесто и стала печь блинчики, время от времени выдавая по рукам тому, кто тянулся за блином:

— Пока не закончу — все свободны. Выработывайте терпение.

Мужчины и выработывали, бросая время от времени на тарелку плотоядные взгляды.

— А где это мы, кстати говоря? — решила я скоротать время за приятной беседой и поинтересовалась у милорда Верда.

— О, это замечательный мир. Здесь нет людей, он населен магическими существами, живущими в абсолютной гармонии с природой.

— Например? — У Паши даже глаза заблестели.

— Теми, кого мы называем русалками, например. Тут еще есть хранители пещер, леса, ручьев...

— Вы же говорили, что не путешествовали, — удивленно посмотрела я на него.

— Это и не было путешествием, — грустно улыбнулся милорд Верд. — Это была очередная война. Император заключил договор на защиту этого мира.

— От кого? — быстро спросил Рэм.

— От людей, конечно. Знаете, есть такие неугомонные и бесцеремонные существа. Все им что-то нужно, и они, как правило, весьма безжалостны в достижении своих целей.

— И что им тут было надо? — заинтересовался Павел.

— Какие-то минералы, что-то, с их точки зрения, ценное. Я не вникал. И жемчуг, разумеется.

— О-о-о! — с восторгом протянул Паша. — Полный аватар.

— Кто? — не понял милорд.

— Фильм такой, — пояснил сын. — Про синих чудиков. Они мирные были, обороняться не умели, а возле их поселения какие-то полезные ископаемые были обнаружены. Там рассказывается, как они отбивались.

— С точки зрения логики военных действий — полная чушь, — отметила я.

— Ма-а-ам! Фильм же не о том. И вообще, они же не умели воевать.

— А я и не про них говорю. Я про военных, которые свой минерал жаждали добыть.

— А с ними-то что не так?

— Они поселение разбомбили? Разбомбили. А почему охранение

месторождения не выставили и оборону не организовали? У них было дня три, пока синие силы собирали. Уже можно было и организовать добычу минерала. Карьер какой-нибудь сваять. А они вежливо подождали...

— Может, не успели...

— Милорд, — обратилась я к Верду, — сколько надо времени, чтобы организовать оборону месторождения?

— Размеры? — совершенно серьезно поинтересовался главнокомандующий в отставке.

— С большую деревню, как возле вашего поместья.

— А местность?

— Предположим, как здесь.

— Нападение с воздуха предусмотрено?

— Паша? — вопросительно посмотрела на сына.

— Дракончики и лучники.

— Часов двенадцать. Если совсем жить хочется, то можно и быстрее, — мгновенно среагировал милорд.

— А добычу развернуть?

— Здесь умудрились за сутки, — пожал плечами милорд. — Земля стонала от боли, а вместе с ней корчились все местные. И тогда глава морского клана обратился к отцу. Он его откуда-то знает. И мы пришли на помощь. Кстати, выбить отсюда пришлых оказалось непросто. Они действительно успели развернуть качественную оборону. Мы же были ограничены в вариантах, потому что старались свести урон природе к минимуму. В конечном итоге мы одержали победу, выставили отсюда всех. Запретили появляться.

— Тут есть гарнизон? — спросил Рэм.

— Нет. Мы обошлись магией.

— Кстати, наемники говорили, что за неделю, пока длилось противостояние, они успели добыть полезных ископаемых столько, что и окупил затраты, и остались в баснословной прибыли.

— Вот видишь, — назидательно сказала я сыну.

— Вам, милорд, надо сценарии фантастических боевиков писать, — проворчал Паша.

— Почему фантастических? — удивился милорд Верд.

— У нас в такое не верят, — печально ответил мой сын.

— А как можно переживать за то, во что не веришь?

— Не знаю. У наших получается...

— Странно. Надо будет посмотреть ваши фильмы. Мне даже интересно стало, — заметил милорд.

— А как вы телевизор заставите работать? На флешку фильмов накладывать не проблема. Только надо в нашем мире до Интернета добраться. А электричества же нет здесь...

— Список составите — я попробую что-нибудь придумать.

А я отметила, что милорду, судя по реакции, понятно, что такое и Интернет, и флешка, и фильм... Любопытно. У них же ничего такого не было. По крайней мере, я не видала.

— Готово. — Тесто у меня закончилось. Вожделенные мужчинами блины были пожарены. Какое-то время было не до разговоров — все успели проголодаться.

— Тоже хочу искупаться, — заметила я, когда все насытились. — Когда пойдем?

— Собирайтесь, — велел милорд.

— Убирайте со стола, я посуду помою — и вперед.

Увидела его недоуменный взгляд, улыбнулась. Вспомнила книгу Носова «Незнайка на Луне». Как у одного богача разбежались слуги — так он использовал сервиз за сервизом, чтобы не мыть посуду. И переходил из комнаты в комнату, чтобы не убирать. Представила милорда Верда, мигрирующего по дому. Нет, этот не будет. Этот организует себе комфортное пребывание.

Вышли мы уже хорошо за полдень. Пока убрались, пока собрались.

— К морю! — разулыбались мальчишки. И со счастливыми воплями полетели вперед.

— Это не море. Это океан, — поправил их милорд Верд, но, по-моему, они его не слишком расслышали. — Пойдем, здесь недалеко.

Мы спустились по практически отвесным ступеням вниз.

— Хорошо, что поручни есть, — пыхтела я. Не то чтобы я боялась высоты, но у меня дух захватывало.

От высокого ярко-синего неба, от вековых деревьев, торжественно возносящихся к небу, от хрустального воздуха. От тепла мужчины за моей спиной...

Горная речка с кристально-чистой и дико холодной водой, немного попетляв, вывела нас к пляжу с белоснежным песком. Мальчишки уже плескались, оглашая воздух счастливыми воплями.

— Эх, — вздохнула я. — И не поваляешься вволю...

— Почему? — удивился милорд Верд.

— Солнце печет. Я же сгорю мгновенно.

— Вздор. Иди сюда. — Он положил мне руки на плечи и на секунду закрыл глаза.

Я почувствовала, как меня во что-то закутало. Легкое, невесомое, нежно охватившее кожу.

— Вот так, — улыбнулся мне мужчина. — Я поставил слабенькую защиту. Солнце точно не пробьется.

В ответ я побежала к воде, стягивая по пути одежду. Поймала на себе взгляд Ричарда, полный вожделения. Засмеялась. Бросилась в воду, рыбка ушла ко дну. Плыла, пока не зазвенело в ушах. Вынырнула. Огляделась. Счастливо вздохнула. И легла на воду, позволяя легким, почти незаметным волнам чуть покачивать меня.

Вот она — свобода! Вот оно — счастье.

И конечно же, кому-то понадобилось поднырнуть под меня и ухватить за ногу. Я извернулась и опять ушла под воду. Поняла, что это Ричард. Плотно улыбнулась — и оплела его ногами. Получи! В любую игру можно играть вдвоем!

Вынырнули. Я с наслаждением смотрела прямо в любимые черные глаза, любовалась алыми искорками на их дне. Погладила плечи, с удовольствием послушала короткий резкий вздох. Потерлась мокрой щекой о его грудь.

— И что ты творишь? — хрипло спросили меня.

— А что я творю? — тоном наивной ученицы спросила я.

— Я ведь даже из воды выйти не смогу, — пожаловался милорд Верд. — А еще эта твоя одежда. Это же форменное издевательство!

— Значит, надо поплавать, — рассмеялась я. — Дашь фору?

— Тридцать секунд? — Какой самонадеянный мужчина... Обожаю.

— Идет, — ответила я. — Откинь меня подальше, а?

Не рассказывать же ему, что я не только красавица, но и умница. И пусть серьезно, на разряды, я никогда не плавала, но в бассейн ходила регулярно. И занималась вдумчиво.

Он зарычал, но руки сцепил замком и подставил. Должна отметить, что догнал он меня быстро, хотя я очень старалась. Мы плавали, дурачились. Забыли обо всем. А когда вышли на берег, то обнаружили, что мальчишки пропали.

Глава 33

— Паша! Рэм! — Я металась по берегу, плакала и звала.

— Ника, — Ричард поймал меня, прижал к себе, — Ника, успокойся. Я не могу сосредоточиться, пока ты в таком состоянии. Я чувствую твою панику, она меня отвлекает.

— Прости. — Я сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Задышала глубоко.

— Хорошо, — одобрительно кивнул. — Сейчас.

Ричард уселся на песок, ровно на ту линию, где его начинали ласкать волны, и замер. Я ничего не слышала, ничего не чувствовала, но почему-то поняла — он кого-то зовет.

И этот кто-то откликнулся на его зов. Издалека послышалось мощное, мерное гудение. Я вздрогнула. Со стороны океана шла гигантская волна.

— Спокойнее, — приказал милорд Верд. — Нам ничего не грозит.

Это было жутко. Стоять и ждать, пока тонны изумрудной воды обрушатся на берег. Стоять и не делать попытки спасти себя. Просто стоять, доверившись словам другого человека.

За мгновение до того, как волна, хищно зависнув, обрушилась на берег, я вскрикнула. И зажмурила глаза.

— Как я рад видеть вас, принц Ричард! — услышала я незнакомый мужской рокошующий бас.

— И я вас, Владыка Ир... — А вот в голосе милорда Верда я отчетливо услышала насмешку.

— Кто это прелестное создание, которое я, по-видимому, напугал?

— Это моя невеста, миледи Вероника.

Я осторожно приоткрыла глаза и увидела на берегу возле Ричарда импозантного мужчину. Потрясающая фактура тела, зеленоватая кожа — и ярко-белоснежные волосы до пояса. Еще он был абсолютно голый.

— Добрый день, — сказала вежливая я. И быстро добавила: — А у нас дети пропали...

— Что? — Незнакомец перевел удивленный взгляд на Ричарда. — Вы уже успели обзавестись потомством? А пригласить на свадьбу?!

— Это мои приемные дети, — уточнил Ричард. — Могу я вас попросить... приодеться?

— Я все время забываю про ваши условности, — пожал широкими плечами Владыка, насмешливо посмотрев на моего жениха. — И на нем

появились короткие штанишки, точно такие же, какие были на Ричарде. — Так лучше?

— Значительно, — кивнул тот.

— Дети, — вернулась я к теме, которая меня волновала.

— Кто нарушил договор и напал на людей на моем острове? — тихо спросил Ричард.

— Перестань, — нахмурился зеленокожий. — Ты прекрасно понимаешь, что это недоразумение. Или — в худшем варианте — их приняли за нарушителей.

— И не почувствовали, что на берегу есть я? И что мои сыновья прибыли со мной? — В голосе милорда почувствовалось рычание.

— Они в безопасности? — снова вмешалась я.

Зеленокожий посмотрел на меня. В его глазах цвета океана я заметила смущение. И жалость.

— Нет, — отшатнулась я.

— Ника, еще ничего не известно, — обнял меня за плечи Ричард. И рявкнул: — Владыка Ир!

Зеленокожий сделал несколько шагов вперед, оказался по колено в воде.

— И что у нас тут происходит? — раздался над волнами его рокочущий голос. И на мгновение стихли абсолютно все звуки. Замерли волны, спрятался ветер. Улетели куда подальше птицы... И в этой тишине слышались испуганные голоса:

— Простите, Владыка! Это не мы, Владыка!

Со всех сторон к нам плыли зеленокожие длинноволосые девушки. Даже в том состоянии, в каком я пребывала, я отметила, что они потрясающе красивы.

— Кто? — Владыка Ир уже не говорил — он ревел. И океан тут же отозвался на его гнев — поднялись волны, потемнела вода.

— Ия, — пискнул кто-то осторожно.

— Да как она посмела?

— Она так ждала своего Ричарда. А он... вернулся с женщиной и ее детьми.

— Мальчики живы? — выдохнула я.

— Один точно жив, — быстро отозвалась одна из девушек. — Он сразу сообразил, как под водой дышать, когда Ия их утаскивала. Второй начал захлебываться. Мы не знаем, что с ним.

Небо стремительно чернело. Вдалеке пророкотал гром.

Я из последних сил закрыла рот руками, чтобы не кричать, и

сдерживалась, чтобы не упасть на песок и не начать кататься по нему.

— Прости, друг, — опустил голову Владыка. — Надо отправляться к ней, под воду, и узнать, что можно сделать. Ты со мной?

— Да, — кивнул Ричард.

И они шагнули в море.

— Стойте, — вырвался у меня крик. — Я с вами.

— Ника, — обернулся милорд Верд. — Ты не маг. Ты не умеешь дышать под водой.

— Я сойду с ума в ожидании.

— Могу тебя усыпить.

— Не смей, — яростно зашипела я.

— Хорошо, — посмотрев в мои глаза, сказал он. — Владыка Ир, сможешь?

— Все, что в моих силах.

Мы неслись сквозь толщу воды быстрее ветра. Я даже не удивилась, когда обнаружила у зеленокожего вместо ног мощный хвост. Странно, но у Ричарда тоже был хвост. Хотя почему странно? С хвостом — быстрее. А вот для меня нашлись две огромные рыбы, чем-то похожие на наших акул. Повинуясь знаку Владыки, я ухватила за плавники, острым треугольником выступающие на спине, — и все замелькало перед глазами.

Тот факт, что мы все дышали под водой, тоже удивления особого не вызвал. Может, потому, что меня сжирала тревога, которой я только бешеным усилием не давала превратиться в панику. Сейчас я на нее попросту права не имела. Все потом. Истерика — потом. Мне помогала злость на этот красивый мир, оказавшийся таким опасным. На Ричарда, который привез нас сюда. На некую Ию. Кто это? Любовница? Любимая?

Тут я поняла, что мы изменили траекторию движения — и несемся куда-то вниз. Вода стала словно гуще, появилась тяжесть в голове. Потом мы плавно снизили скорость — и заскользили извилистым путем под водой. Слева и справа были белые стены подводной пещеры. Достаточно высоко вверху тоже был камень. Мы словно ввинчивались куда-то вглубь. И внезапно вынырнули. Рыбины посмотрели — как мне показалось — издевательски и, взмахнув хвостами и обдав меня целым фонтаном брызг, исчезли в глубине. Мне захотелось нырнуть за ними, потому что на поверхности я внезапно стала задыхаться.

— Погоди, милая. — Ричард положил мне руку на плечо. — Сейчас. Все хорошо. Вдохни.

Получилось. Я жадно втянула в себя воздух. Выдохнула уже с криком, ощущая себя новорожденным младенцем.

— Как трогательно, — раздался неприятный женский голос, красивые обертона которого были просто пропитаны ненавистью.

— Ия, что с моими детьми? — холодно отозвался милорд Верд.

— Принц Ричард, зачем вы лжете? Они же не ваши.

Я огляделась и увидела потрясающей красоты женщину — высокую, статную. С изумительными белоснежными волосами длиной почти до земли. За исключением плаща волос, на ней ничего не было.

— Сестра, — раздался голос Владыки Ира, и в нем была печаль, — ты зашла слишком далеко. Ты напала на человека, которому мы обязаны жизнью. На острове, который был дан ему в дар за его заслуги перед нашим народом и нашим миром. Ты нарушила клятву нашего мира. Ты хоть понимаешь, что ты натворила?

— Что с сыновьями? — повторил вопрос Ричард.

— Ты же говорил, что умеешь только нападать или защищать. Что не умеешь любить. Что не знаешь этого чувства и смирился с тем, что никогда не узнаешь. Поэтому ты и не можешь быть со мной. И я тебя отпустила. И вот ты здесь. С женщиной, которую любишь. И с ее детьми, рожденными не от тебя, которых ты почему-то считаешь своими.

Она подошла к нему практически вплотную и замерла, пытаясь найти что-то в глазах.

— Как же так, принц Ричард?

— Мне нечего тебе сказать, Ия, — не отвел он взгляд. — Я говорил то, во что я верил. И в моих словах не было лжи. И ты это знаешь. Да, все изменилось однажды. Но это не причина нападать на мою семью.

— И теперь ты считаешь меня врагом и готов уничтожить, как ты всегда поступаешь с врагами?

— Пока я хочу удостовериться, что с сыновьями все в порядке. И если это так, то по возможности посчитаю этот инцидент недоразумением.

— А ты знаешь, я оставлю их у себя. Они пока молоды и так ставить защиту, как ты, не умеют. Не доросли еще. И покорить их — дело времени. И моего желания. Вот пусть и согревают меня ночами, раз ты не захотел.

— Что? — вынесло меня. — Ты совсем обалдела? Им только по четырнадцать!

— Я буду нежной. — Она не скрывала усмешки. — Буду хорошей учительницей. У тебя теперь есть мужчина. Зачем вам с ним дети от другого?

— Ия, — начал говорить Владыка, — не заставляй меня применять силу.

— Что? Ир, ты же — мой брат. И ты применишь силу против меня?

— Да, — печально, но решительно ответил ей Владыка.

— И ты, любимый? — посмотрела она на Ричарда.

— Ия, прекрати это безумие. Надо искать того, кто полюбит, а не ждать того, кто полюбить не смог.

— И это все, что ты можешь мне дать? Раздраженный ответ?

— Ия... Все, что я хочу, — это забрать сыновей. И не применять к тебе силу.

— Тогда ты их не получишь. — И она исчезла. Вернее, попыталась. Ее накрыл зеленоватый купол, в котором она забилась, что-то отчаянно крича. До нас не доносилось ни звука. Потом пространство вздрогнуло — и Ия пропала.

— Мне жаль, — проговорил Ричард, положив руку на плечо Владыки.

— Перестань. Девчонка стала своевольной, сладу никакого. Младшая, самая балованная. Такое впечатление, она решила, что заслуга в победе над нашествием — целиком ее заслуга. Больше никто ничего не делал, только она бесстрашно ходила в атаки. Посидит без магии в чужом мире, поучится с людьми договариваться — поумнеет.

— Защита на ней хорошая стоит?

— Обижает. И защита, и присмотр.

Пашу и Рэма мы нашли спящими в глубине грота. Живыми.

Я держалась. И когда Владыка Ир расколдовал мальчиков, и когда выяснилось, что они практически не пострадали, и весь путь на остров Ричарда. И потом, когда Владыка принес все возможные извинения за себя и за сестру и попрощался.

Я словно заледенела изнутри.

Но потом Ричард спросил у мальчишек:

— Кто из вас захлебываться начал?

— Я, — смущенно ответил Рэм. — Пауль сразу сообразил, как дышать, и на этом успокоился.

— А ты? — В голосе милорда было разлитое недовольство.

— А я отбиться попытался, — опустил голову юный герцог.

— И в чем была твоя ошибка?

— Я не знал, с кем я сражаюсь. И...

Тут я упала на песок и завывала.

— Мама? — В голосе Паши было только удивление. — Ты чего? Все же обошлось...

Ричард сел на песок рядом со мной, притянул меня к себе и стал укачивать, как маленького ребенка.

— Прости, — шептал он мне на ухо, — прости меня. Я и подумать не

мог, что здесь кто-то посмеет напасть на тех, кто мне дорог... Ведь я даже магию в кольцо, что мне дал отец, перенаправил так, чтобы в случае опасности, когда я бессилен, вы перенеслись сюда, на этот остров. И в твоём перстне это есть... Но я не просчитал дурочку эту...

Меня трясло и никак не отпускало. Задушенная паника, усмиренный ужас — все это вырвалось наружу и никак не хотело уходить. Мне казалось, что я тону. И только теплые руки Ричарда хоть как-то удерживали меня на поверхности.

— Я поставлю защиту и на сыновей. Прости меня. Я обеспечу им безопасность...

— Мы, пожалуй, пойдем в дом, надо поесть, — услышала я голос Паши. — На вас греть?

— Мы подогреем, — заверил нас Рэм.

Они синхронно вздохнули с облегчением и вприпрыжку понеслись к дому. Наперегонки.

А Ричард поднялся, подхватил меня на руки и понес подальше от любопытных глаз. Успокаивать.

Глава 34

— А почему тебя называют здесь «принц Ричард»? — спросила я его вечером, когда мы сидели на террасе и пили вино. Точнее, пила вино я — белое, легкое, отдающее на языке только что раздавленными ягодами винограда. Милорд Верд пил очередную крепкую гадость чуть белесого цвета.

— Принц Ричард, — иронично повторил он. — Как Его Величество император Фредерик Тигверд представил местным Владыкам — так и называют.

— Тебе идет, — плотоядно оглядела я его. Сереброволосый, широкоплечий, высокий. Темноглазый. Властный. Настоящий принц магического королевства.

— Тебе жаль, что такого не существует?

— Нет. Я счастлива, что существуешь ты. — И потянулась за поцелуем.

Голова кружилась, я была чуть пьяная. На ночь у меня были определенные планы — я обнаружила, что магический саквояж может выдавать не только те вещи, что в него положили когда-то, но и те, что ты в состоянии представить. И я представила себе комплект из черного кружева: бюстье, трусики-стринги с узкой полоской кружева сзади, чулочки с подвязками и туфли на высоченных шпильках. Я, улыбаясь, доставала это богатство из саквояжа и представляла себе выражение лица Ричарда.

— Милорд Верд, — раздался вопль Павла, — телевизор доставили. И флешки. А как подключать? Розеток-то нет...

Весь день дети орали как резаные, как только появлялась необходимость в нашем присутствии. Сначала я пугалась, а потом поняла, что воплями издалека дети проявляют тактичность и дают нам возможность отпрыгнуть друг от друга и не быть застигнутыми в неприличных позах.

— Сейчас иду, — оторвался от меня Ричард, но не выпустил из объятий, а прошептал на ухо: — Вкусное вино ты пьешь.

И только после этого удалился.

Я вздохнула и постаралась унять сердце, что несло куда-то, охваченное пьянящим потоком. Как-то я слишком бурно реагировала на Ричарда. На его присутствие, прикосновения, ласки. А еще я с восторгом

замечала, что Ричард реагирует на меня точно так же. И так же удивляется своей реакции... Это дико возбуждало...

На этой мысли я улыбнулась, допила вино — и отправилась смотреть на такой неуместный в этой Вселенной телевизор.

Непонятно откуда взявшиеся рабочие во вполне земных комбинезонах уже приделали кронштейн, повесили огромный черный плоский экран на стену и удалились.

Ричард держал в руках вилку — что-то напряженно думал. А может быть, и колдовал — кто ж его знает.

— Мама, а что мы будем смотреть? — спросил Паша.

— А что ты заказал на свою флешку?

— «Ходячие мертвецы»...

— Фу, — отреагировала я.

— Ма-а-а-ам, — с укоризной протянул сын, — ты хоть серию видела?

— Нет. И не собираюсь.

— Значит, говорить «фу» это или нет — не имеешь права.

— Уел, — согласилась я. — Но, надеюсь, это не для семейного просмотра?

— Нет. Для личного пользования. Я же несколько серий нового сезона пропустил.

— Так что смотреть будем?

— Чтобы всем интересно было? Даже не знаю. «Сверхъестественное»?

Наша обоюдная любовь к этому сериалу привела к тому, что мы его смотрели вдвоем. И сходились на том, что больше всего нам нравится демон Кроули.

— Не знаю, не знаю. — Я посмотрела на Рэма и Ричарда. — Там мифологию Земли долго объяснять... И то, как ее переделали под сюжет. А если «Офицеров»?

Это был мой любимый фильм.

— Возможно, но ты в конце будешь плакать, — возразил Паша.

— Обязательно буду.

— Давай в другой раз.

— Тогда что?

Мы посмотрели друг на друга и хором сказали:

— Геракакела!

Так мы называли любимый мультфильм про Геркулеса, его наставника Фила, Пегаса и нашего любимца Аида — главного злодея. Когда хотелось просто посмеяться — вспомнить детство и обо всем забыть, — мы

пересматривали именно его. К тому же Ричарду по роду занятий бесподобная ария Филя — «Наставник я классный, не сломленный язвой — ой, моя язва...» — должна была понравиться.

— А как у тебя с русским? — посмотрела я на Ричарда, который с интересом прислушивался к нашей беседе.

— Уже хорошо. Когда я понял, откуда ты, я счел необходимым его выучить.

— Но местные приколы — если что — мы объясним по ходу действий, — задумчиво протянул Паша.

Я никогда не думала, что Ричард может так смеяться. Это было стопроцентное попадание. На фразе: «При спасении барышень надо помнить, что они хрупкие-е-е-е-е!!!!» — у него случилась истерика. Он захрюкал, потом заозирался, поймав наши взгляды. И если я смотрела, любуясь — без своего обычного чуть надменно-отстраненного вида он стал чудо как хорош, — то мальчишки уставились на него с таким изумлением, словно у него еще одна голова вылезла. Ричард поглядел на нас, потом махнул рукой и продолжил веселиться. Я тихонько рыкнула на мальчишек:

— Как вам не совестно! У человека отпуск!

И все опять стали смотреть на экран.

Когда мы поднимались наверх, на свою половину, Ричард мурлыкал под нос: «И нужно опять возиться мне с новичком...» По-русски. И периодически хихикал.

Когда мы вошли в спальню и затворили за собой дверь, он прижал меня к себе крепко-крепко и прошептал:

— Спасибо...

Легко поцеловала его, не давая себя увлечь ласками. У меня были планы. Я их планировала, и я про них помнила.

— погоди, — прошептала я, — мне надо несколько минут.

Вывернулась из его рук и проскользнула в ванну.

Несколько минут под душем, поморщилась, надевая кружевное белье на влажное тело. Неудобно, а я торопилась. Потом я осмотрела себя в зеркало — отметила, что на шпильках смотрюсь изумительно эротично. Распахнула дверь — и сделала шаг вперед.

— Ника-а-а-а! — раздался возглас в полный голос.

Да! Это был фурор... А я ведь еще спиной к нему не поворачивалась... Что там у нас с тонкой ленточкой кружева на попе? И, изящно изогнувшись, я крутанулась на каблуках.

Услышала рычание — довольно улыбнулась. Почувствовала, как метнулось тело Ричарда с кровати, на которой лежал. Миг — и он

прижимает меня к себе.

— Ты позволишь мне безумствовать? — хриплый шепот за спиной заставлял кровь превращаться в пламя.

— Да, — простонала я.

Тут мы на секунду пришли в себя и хором сказали:

— Полог тишины!

И Ричард выдохнул довольно мне в ухо:

— Уже поставил. — И добавил весьма мечтательно: — Надо в спальне зеркало во всю стену завести.

Я представила наши с ним отражения, которые сходят с ума, в зеркале. Потерлась о его тело своим. С острым наслаждением послушала его хриплый стон.

А дальше исчезла вся Вселенная...

— Надеюсь, вы в таком виде в люди не выходите? — позже спросил у меня Ричард. Мы уже перебрались на кровать, и он ласково поглаживал... мм-м... будем считать, кружева у меня на груди.

— Нет, — промурлыкала я, заводя руки за голову. — Это мы надеваем для любимого мужчины. Когда хотим его порадовать.

— Какая хорошая традиция...

— Надевать белье? — Я изогнулась и потерлась грудью о его руку.

— Радовать. — Он нежно меня поцеловал и прошептал на ухо: — Помоему, судьба для того меня провела по тому парку, где ты сидела на скамейке, чтобы порадовать.

— Да... — извернулась я и склонилась над ним. — Видимо, этого в твоей жизни было недостаточно, и тебе послали меня.

Посмотрела на него внимательно. Плотно облизнулась. И прошептала ему на ухо:

— А теперь руки убери — и радуйся!

Утро пришло неожиданно. Оно ворвалось в окна, когда мы, казалось, только что закрыли глаза. И вроде бы хотелось спать... А тела ныли и требовали покоя. Но, с другой стороны, тратить время на сон, находясь в таком волшебном месте, да еще и будучи предоставленными друг другу, совсем не хотелось.

И мы поспешили на пляж. Рэм и Паша уже были там. Сегодня обошлось без приключений. Мы просто блаженствовали — валялись на песке, плавали, ныряли.

— Хотите отправиться на охоту за жемчугом? — предложил Ричард.

— Конечно! — обрадовались и мальчики, и я.

— Так, — распорядился Ричард, — заходим в воду и показываем, как использовать заклинание, чтобы дышать под водой. А сегодня я покажу, как сделать себе хвост — с ним плавать значительно удобнее. И быстрее.

Рэм и Паша вскочили — и понеслись выполнять приказ.

Ричард поцеловал меня:

— Пойдем, я сам наложу на тебя заклятие — как вчера.

Против воли я вздрогнула.

— Как ты говорила мне? Надо заменять неприятные воспоминания радостными.

Я почему-то покраснела. Наверное, у меня после вчерашней ночи слова «радость» и «радовала» долго будут ассоциироваться с чем-то изумительно неприличным, причем в моем исполнении. Ну, не без участия Ричарда.

— Миледи, — строго сказал милорд Верд, а у самого в глазах прыгали чертенята, — прекратите меня соблазнять.

— Совсем-совсем прекратить? — испугалась я.

— Пока мы на пляже, а на мне эти брюки для плавания в обтяжку, а кругом дети.

Да, милорд действительно любил точность.

Я хрюкнула от смеха, Ричард перекинул меня через плечо и потащил в воду, куда благополучно и скинул, не обращая внимания на мой хохот.

Мы нырнули синхронно. Достигли песка на дне. Он положил мне руки на плечи — и через мгновение я поняла, что могу дышать. Ниже пояса появились странные ощущения, словно обе ноги слились в одну — и взамен получили небывалую гибкость. Я изогнулась, чтобы посмотреть, — и ахнула. У меня появился хвост. У Ричарда, кстати говоря, тоже.

Подплыли мальчишки. Ричард стал им что-то объяснять. Хотя никто из троих не произнес ни слова, я поняла, что он их чему-то учит. И общаются они мысленно.

Я тем временем стала пытаться освоить хвост. Как-то это было неудобно. Движения получались дергаными. А оттого, что постоянно приходилось прогибаться в пояснице, заболела спина. Потом я услышала, как кто-то смеется. Почему-то сразу поняла, что надо мной. Огляделась. В изумрудной воде заметила вчерашнего знакомого, которого Ричард называл Владыкой Иром.

Заметил его и милорд Верд. Они подплыли друг к другу и церемонно пожали руки. Под водой этот жест смотрелся достаточно комично.

Потом Владыка Ир подплыл ко мне — и стал показывать, как нужно пользоваться хвостом, чтобы не чувствовать себя при этом бьющейся в

судорогах. Оказалось, двигаться надо не столько сильно, сколько плавно. Я старательно повторяла движения, которые мне показывал повелитель глубин, — и у меня через какое-то время стало получаться.

А затем мы куда-то плыли. Я смотрела по сторонам, крутила головой, пытаюсь запомнить ту красоту, что окружала меня. Жаль, у меня не было фотоаппарата. Тысячи изумительно ярких рыб, кроваво-красные кораллы, золото песка и зелень незнакомых водорослей... И тихое, тягучее умиротворение, немыслимое на поверхности.

Мы приплыли на жемчужное поле. По-другому назвать это место у меня не получилось. Ровная поверхность из песка, на которой лежали и созревали ракушки-жемчужницы.

Владыка сделал повелительный жест — крышечки ракушек одновременно распахнулись. Еще один жест. Теперь по отношению ко мне — приглашающий.

На мгновение мне стало жаль вытаскивать откуда-то жемчужину, и я отрицательно покачала головой. Изумился не только Владыка, удивился и Ричард. Но повелитель глубин потянул меня за руку в сторону раковин и повторил свой жест.

Я поплыла, присматриваясь. Мое внимание через какое-то время привлекла розоватая жемчужина. Я замерла, любуясь. Меня словно что-то тянуло к ней. Я сдалась — аккуратно подцепила изумительной красоты шарик и забрала к себе.

Подплыла к мужчинам, показывая свою добычу. Ричард и мальчишки одобрительно улыбнулись, а Владыка забрал ее у меня. Откуда-то в его руках появилась прелестная короткая витая цепочка, на которую он ловко прикрепил жемчужину. Потом он застегнул браслет мне на руку.

— Почему вы отказывались от моего подарка? — спросил меня Владыка, когда мы вышли на берег.

— Мне стало жаль забирать ее. Вдруг раковина живая и я причиню ей боль. Ричард говорил, что это — особый мир.

— Спасибо вам. — Беловолосый мужчина склонился над моей рукой и поцеловал ее. — Я не ошибся с подарком. Ричард, напоминаю, я жду официального приглашения на свадьбу.

— Тебя уже пригласили, — обнял меня за плечи мой жених. — Если нужна бумага — я ее пришлю.

Владыка Ир раскланялся с нами — и через несколько мгновений исчез в глубине.

— Это не просто жемчужина. Это потрясающе сильный охранный

амулет. — Ричард провел губами по моей шее. — К тому же он оберегает женщину, когда она носит ребенка, и делает роды безболезненными.

— Это намек? — повернулась я к нему и поцеловала.

— Не без этого, — рассмеялся он. — Я тебя люблю...

Выйдя из воды, я посмотрела на запястье. От браслета исходило тепло, и ощущение было таким, будто без него — это уже не я... Ощущение силы, защиты, избранности, тайны, счастья... Никогда такого не испытывала. И сам браслет изменился. В воде казалось, что на тоненькую, невесомую цепочку подвесили жемчужинку. Теперь она оказалась подвеской в серебряном браслете, на котором чеканкой были выведены узоры. Ни на что знакомое мне это было не похоже... И не растительный орнамент, и не завитушки барокко, и не этнические мотивы, и даже не руны. При этом узор был четким, периодически повторялся и завораживал.

— Ника... — осторожно позвал Ричард. Я вздрогнула.

— Что это? — спросила почему-то шепотом, чуть охрипшим голосом, и слова дались с трудом. Губы растрескались, было жарко где-то внутри, но при этом очень хорошо...

— Это очень сильный артефакт. Владыка Ир подарил тебе жемчужину. Выбор жемчужины определяет также и выбор артефакта. Жемчужину нельзя просто подарить — можно лишь позволить выбрать. Жемчуг, в свою очередь, сам выбирает — идет он к хозяину или нет. Тебя ведь потянуло именно к ней?

— Да. Ричард... Почему ты хмуришься? Что-то не так?

Мужчина улыбнулся светло, но очень грустно.

— Все хорошо... Просто... Меня не радует твой выбор...

— Почему?

— Эта вязь — изумительная работа, сильнейшая магия. Это браслет истинного пути, Ника. Своего пути. Браслет воина. Воина-одиночки. Но я справлюсь с этим. И приму. Потому что я тебя люблю.

Я хотела что-то сказать, но Ричард приложил свой палец к моим губам, поправил браслет, погладил запястье и прошептал:

— Пойдем домой...

Глава 35

Возвращаться было грустно. Из лета — в начало зимы, когда вся природа замерла в ожидании первого снегопада. Из жары — в сырость. Из беззаботности — в мир интриг и покушений на убийство...

— А я по вам скучал, — заявил Его Величество император Фредерик. — И очень хотел вас навестить на отдыхе.

Мы уже поужинали. Рэм и Пауль, посмотрев на повелителя Империи, прониклись тем, что завтра учебный день, надо узнать, что задано, обязательно сделать домашнюю работу. И вообще им пора. На этом они быстро попытались отбыть в академию. В результате они туда отправились, но возмущенные и под охраной. Император был непреклонен, а милорд Верд его поддержал.

— Вы обзавелись интересным украшением, миледи Вероника, — посмотрел император на мой браслет с жемчужинкой.

Пришлось рассказывать ему про наш отдых и про сестру Владыки Ию.

— Глупая девчонка, — нахмурился он. — Хорошо, что никто не пострадал.

Мы сидели в гостиной. Весело потрескивал огонь в камине. Я пила апельсиновый сок. Джон, как только мы вернулись, доложил, что соковыжималка, которую я жаждала получить, прибыла. И я немедленно понеслась ее опробовать. Мужчины — и отец, и сын — пили какую-то очередную крепкую гадость.

— Ричард, ты помнишь, что послезавтра у нас представление ко двору?

Милорд Верд нервно мотнул головой. Должно быть, это означало, что он помнит.

— А что у вас с подготовкой к свадьбе? — продолжил выпрашивать император Фредерик. — Осталось две недели.

Мы переглянулись. А ведь действительно, согласиться я — согласилась. И все. Потом стало не до того... Да и мы с женихом — как это сказать помягче — отвлеклись...

— Понятно, ничего, — пробурчал отец Ричарда. — Вот почему я должен за всем следить?

— Должность у вас такая, Ваше Императорское Величество! — гаркнул Ричард, преданно поедая глазами повелителя.

— Веселись-веселись, — закатил глаза тот. — Вот уж от счастья люди

перестают соображать совсем.

— Свадьба будет очень скромная, — начал объяснять Ричард.

— Да уж, я понимаю, что не на уровне дворцовых мероприятий.

— Мы просто дойдем в близлежащий храм Стихий и принесем клятвы.

— Ты договорился о дате со священником?

— Завтра, — потупился Ричард.

— Так. А что со списком гостей? — повернулся император ко мне.

— Мы же Владыку Ира обещали пригласить, — всполошилась я.

— Меня хоть не забудьте, — нахмурился Его Величество.

— Как можно! — сказала я.

— И покормить гостей не забудьте. Чтобы те маленькие пирожки с разными начинками были обязательно.

— Хорошо, — заулыбалась я. — Сделаем.

— Вы хоть платье на свадьбу заказали? А для представления ко двору? Мы опять переглянулись.

— Вообще-то... Перед ужином, на котором присутствовал Его Величество, привезли несколько платьев. Там же было светленькое такое. Как раз жемчугом расшитое. Я думаю, оно пойдет.

Тут мужчины посмотрели друг на друга и обидно захохотали.

— Что? — рассердилась я.

— Вы уникам, миледи, — заявил император, а Ричард сквозь смех согласно закивал. — Я еще не встречал никого, кто бы с таким равнодушием подходил к вопросу выбора платья. И для представления ко двору. И для собственной свадьбы. Обычно, когда свадьба вельможи такого уровня, как мой сын, платье невесты шьют по полгода. И в имперских газетах новости, кто что заказал, стоят на первых полосах. Рядом с моими указами. И кстати, я уверен, что моих подданных новости о платьях волнуют больше.

— Хорошо, — нахмурилась я. — Полгода так полгода. Завтра отправляюсь к портнихам и начинаю соответствовать. Только я не знаю, к кому мне положено отправляться по статусу. Подскажите. Да. И тогда — переносим свадьбу.

— Не надо свадьбу переносить! — зарычал Ричард. — Ни в коем случае.

— А платье? — капризно поджала я губы. Соответствовать так соответствовать.

— За неделю сошьют. Если что — я вышлю спецгруппу для усиления, чтобы проследить, — отрезал главнокомандующий в отставке.

Мы с императором закатились. Я как представила эту чудную картину — портнихи под присмотром военных шьют мне платье... Надо еще Дениса вызвать со знакомыми ребятами. Думаю, их камуфляж — броники, шапочки, автоматы и прочее снаряжение — произведет здесь фурор. А еще фужер и фураж.

— Смешно им, — ворчал Ричард, пока мы с императором успокаивались. И перевел взгляд на меня: — Миледи, извольте завтра же отправиться к портнихе и решить этот вопрос.

— Слушаюсь, милорд, — на полном серьезе я поднялась и опустилась в глубоком придворном реверансе. Почему бы не вспомнить свое танцевальное прошлое? Когда мы учились танго танцевать, мы еще и не такие прогибы отрабатывали.

— Ох, — вытер глаза император, — надо у вас чаще ужинать. Я давно так не смеялся.

— Только остается одна проблема, — нахмурилась я.

— Какая? — Ричард всем своим видом показал, что готов бежать и решать.

— К кому обратиться за платьем?

Тут милорд Верд нахмурился. Я так понимаю, рассказать мне, у кого лучше закупать форму для кадетов или оружие для армии — это он со знанием дела. А вот у кого шить платье...

— Что бы вы без меня делали, — проворчал император. — Кто у нас главная модница при дворе? Маркиза Вустер. Одну минуту — и приготовьте перо и бумагу записать адрес.

Через минуту все было готово. Я записала адрес, а маркиза заверила Его Величество, что похлопочет, чтобы меня встретили со всевозможным почтением. Вроде бы все разрешилось, но меня стали терзать мысли, которые раньше я гнала прочь.

— Что? — Ричард действительно изумительно чувствовал мое настроение.

— Родители. У нас — свадьба. А они даже не знают, живы мы с Пашей или нет. И я до сих пор не уверена, что они не подвергаются опасности.

— Ричард, — нахмурился император. — А почему вопрос с преследованием твоей любимой невесты еще не решен?

— Моя вина, — поклонился мой жених.

— Решить этот вопрос в течение суток. Доложить об исполнении.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Мне давно пора познакомиться с будущими родственниками, — ворчливо заметил император. — Да и вам, любезный сын, как я понимаю,

тоже. К тому же отец невесты еще не дал разрешения на ваш брак.

Ричард в знак согласия склонил голову.

— Безопасность на свадьбе будет обеспечивать Крайом со своими людьми.

Мой жених вскинулся:

— Ну, нет. Армейские значительно лучше этих охранников!

— Мне надоела ваша грызня и попытки доказать друг другу, кто лучше. И кстати, не граф Крайом начал это противостояние.

— Но, Ваше Величество!

— Ты и армия — защищаете Империю. Милфорд уничтожает засланных врагов на территории государства. Кстати, именно он ведет два расследования: покушение на тебя и убийство барона Кромера. А граф как начальник моей охраны обеспечивает безопасность первых лиц Империи. Да, обеспечивает — и не морщись. Вот и занимайтесь каждый своим делом — и относитесь уважительно к коллегам.

— Слушаюсь, — поклонился милорд Верд.

— Вот и хорошо.

— Крайом... — протянула я. — Где я слышала эту фамилию?

— Его сын — мой дипломник, — напомнил мне милорд Верд.

Я кивнула.

— Надеюсь, молодые люди стали вести себя прилично? — поинтересовался император.

— Да, — кивнула я. — Только, боюсь, они уверены, что это я на них нажаловалась жениху.

— Нет, — успокоил меня Ричард. — Брэндон понял, что я все время находился в гостинной.

— Силен, — с довольным видом протянул отец.

— Именно так, — кивнул Ричард.

А я спросила вдруг:

— Так кого пытались убить? Барона Кромера или все-таки меня?

— После проведенных следственных мероприятий мы убедились, что убили того, кого планировали убить, — ответил император.

— То есть кто-то побоялся, что барон расскажет все, что знает? — уточнил Ричард.

— Или в припадке бешенства натворит такого, что всех выдаст окончательно, — пожал плечами император. — Но я все-таки не думаю, что покушение затеяли бывший прокурор и его заместитель. Кто-то красиво использовал их неприязнь к тебе.

— А Вероника...

— Я беседовал с главой гильдии убийц, — пояснил император Тигверд специально для меня, увидев вопросительный взгляд. — Так вот, он уверял меня, что исполнитель специально ждал, пока миледи Вероника отойдет от барона на безопасное расстояние. И только после этого произвел выстрел. Чтобы, не дай стихии, не задеть будущую невестку императора.

— А как насчет того, что им запрещено брать заказы на граждан Империи? Им разрешено вести свои дела на территории нашего государства именно на этих условиях.

— Он раскаивается. Но сумма была весьма приличная. К тому же он утверждает, что приказ отдал ты. Без этого он бы не решился. Заказы на благо Империи имеют приоритетное значение — ты же знаешь.

— Глава гильдии лжет? — поднял взгляд на отца милорд Верд.

— Нет. Отчего же. Он как раз уверен в своих словах.

— Значит, это кто-то, кто очень хорошо разбирается в изысках работы спецслужб Империи Тигвердов. Надеюсь, никто не подозревает меня в том, что я отдал приказ на устранение барона?

— Я — не подозреваю, — скупой улыбнулся император.

— Спасибо, отец.

— Кстати, под это дело я вытребовал прекращение охоты на юного герцога Рэйма. Теперь нашему Рэму опасность не грозит. По крайней мере, со стороны гильдии убийц. Кстати, они так и не поняли, где он скрывается. Мои поздравления, миледи, никто не соотнес мастера Рэма Рэ с пропавшим наследным герцогом Рэймским.

— Нам повезло, что милорд Верд взял нас под свое покровительство.

— Вы не понимаете, Вероника, — не согласился со мной император. — Никто еще не понял, что герцог в Империи Тигвердов. Его тут и не искали.

— В любом случае Рэму ничего не грозит, — обрадовался милорд Верд. — А глава не сообщил, кто заказал наследного герцога?

— Глава гильдии, конечно, раскаивается. Но не настолько, — насмешливо протянул Его Величество. — Но я пытался.

Утром следующего дня я отправилась заказывать платье для представления ко двору. И свадебное — заодно. Торжественный, как слон, Джон в роли сопровождающего. Несколько человек верхом. Охрана. Видимо, это были люди неведомого мне графа Крайома. Интересно, я теперь и в деревню буду прогуливаться в сопровождении нескольких охранников, когда пойду в очередной раз заказывать продукты в поместье? Я тяжело вздохнула. Общество Вилли мне как-то нравилось больше. И чем, кстати говоря, я буду заниматься после свадьбы? Вести хозяйство в

поместье? Мрак... Студенты первого курса академии МВД и мои любимые заочники вспоминались мне как что-то на редкость приятное... Все хорошо, но в моем отпуске я рано или поздно заскучаю. Да, все труды и дни в поместье по сравнению с моими обычными метаниями — это чистый отпуск и есть... Минус некоторые нервные потрясения.

Карета остановилась. Джон выскочил, чтобы помочь выйти мне.

— Вас сопроводить, миледи? — спросил он.

— Я думаю, это излишне. У вас же, как обычно, большое количество поручений, — рассмеялась я и вошла в салон.

— Что вам, милая? — поприветствовала меня какая-то девица, исполненная того самого снобизма прислуги, приближенной к высшему свету, который даже какому-нибудь герцогу и не снился. — Вы работу ищете?

— Мне рекомендовали обратиться к вам за платьем, — покачала я головой, но ответила вполне мирно.

— Вы уверены, что вам дали именно наш адрес?

— Какой адрес Его Величество написал на листочке — туда я и отправилась. — Что-то наша беседа стала меня раздражать.

— У вас тонкий юмор, — величественно покачала головой девица. — Но вы, наверное, все же ошиблись.

— Меня зовут миледи Вероника, я — невеста милорда Верда. Пригласите хозяйку, — холодно отозвалась я.

Девица осеклась и отправилась выполнять приказ.

— Невеста милорда Верда? — издевательски протянул знакомый голос.

Вот только общения с графиней Олмри мне для полного счастья и не хватало.

— Ваше сиятельство, — чуть склонилась я.

— Прислуга...

Я осмотрелась повнимательнее. И осознала, что все происходящее было представлением.

Салон был полон аристократок. Все они ждали меня. И пусть в этом мире не было принято заговаривать с людьми, которые не были тебе представлены, или выступать против решений, принятых императором, но дамы таким образом решили выразить свой протест. И заодно свое отношение к безродной выскочке, что неожиданно для всех стала невестой сына императора, пусть даже и незаконнорожденного. Я читала в прицеле их глаз и презрение, и брезгливость, и недоумение — как аристократа угоразило связаться с такой... персоной. Ни внешности, ни воспитания,

ни молодости... Позор.

Все это они не могли сказать вслух. Может, боялись навредить себе или своим семьям, может, показывали, что скандалы — ниже их достоинства. Тем более они не посмели колдовать, чтобы как-то навредить мне. Но молча, без слов они смогли выразить все.

Через какое-то время выплыла владелица салона — изящная и величественная одновременно.

— Миледи Вероника, — поприветствовала она меня, — маркиза Вустер предупреждала о вашем визите. Чем могу помочь?

Я улыбнулась:

— Думаю, что вы помочь мне не сможете.

— Боюсь, вы правильно меня поняли, — склонила она голову.

— Скорее всего, вы просто-напросто не захотите лишиться клиентуры. — И я обвела взглядом дам.

Вот интересно, как они будут мне кланяться во дворце, буквально через день.

И я направилась к дверям.

— Пойдите, — обратилась к моей спине хозяйка салона. — И в каком платье вы собираетесь выходить замуж?

— Какая, собственно, разница, — улыбнулась я ей, разворачиваясь. — Главное, чтобы настроение было хорошее.

— Ну, да... В вашем возрасте все равно. — Хозяйка изо всех сил старалась сделать приятное постоянным клиенткам.

Я рассмеялась и удалилась.

Охранники, настроившись меня ожидать долго, встретили меня удивленными взглядами.

— Скажите, а можно предупредить господина Арчера, что мы встретимся с ним в другом месте?

— Да, миледи, — ответил один из них.

— И спросите у него, где мы в прошлый раз одежду покупали. Если можно, отвезите меня туда.

Еще через двадцать минут я была в том милом магазинчике, где покупала себе вещи.

— Миледи Вероника! — радостно поприветствовала меня хозяйка.

— Здравствуйте, Мария. А я к вам, — доложила я и без сил опустилась на стул. Не то чтобы меня задела взгляды аристократок, но... все же заставили задуматься. Кто я? И кто Ричард Фредерик Рэ, милорд Верд, старший сын императора...

— Жаль, что Джон вас вчера не перехватил. — Хозяйка подала мне

чашку. — Угощайтесь. Это чай на травах. Должно помочь.

Я кивнула и с благодарностью выпила терпкий напиток.

— Я, честно говоря, подумала, что в салоне «У Нинель» вам платье лучше сделают. И такое, как вам положено. Да и вам теперь не по статусу шить у меня платья. Не экономка вы, чай... Но... смотрю на вас — и понимаю: я была не права. А вот Джон и мой муж — правы.

— В каком смысле?

— Вы знаете, Джон Адерли, камердинер его милости, и мой муж — они ведь служили вместе. Под начальством милорда Верда — понятное дело. И они, и их боевые товарищи очень переживали за милорда. За его неустроенность в личной жизни.

Я вспомнила, как нечаянно подслушала пьяные вопли военных в деревенской таверне, и усмехнулась.

— Вот... — правильно поняла меня хозяйка, — как есть переживали. А потом появились вы — и ветераны просто духом воспрянули. А уж как милорд стал вокруг вас кругами ходить... Да потом, когда вы в книжный магазин отправились, а в его особняке оказались...

— Я поняла. — Мне пришлось прервать разговарившую хозяйку магазина, потому что, казалось, еще мгновение — и она мне расскажет, каким именно действиям милорда в его особняке особенно радовались отставные военные.

— Не обижайтесь, — улыбнулась мне женщина. — Мы, правда, счастливы за вас.

— Спасибо, — искренне улыбнулась я.

— Вскоре после этого мужчины собрались у нас, чтобы отпраздновать вашу помолвку с милордом Вердом. И тогда им в голову пришла идея. Джон сказал, что вас будут представлять ко двору. А потом будет свадьба. А я возьми и спроси, в чем миледи будет одета.

— И что же случилось дальше? — заинтересовалась я.

— Мне заказали два платья. Кричали — чтобы краше их не было! И чтобы всякой высокомерной сволочи нос утереть! Простите, миледи, — густо покраснела женщина, осознав, что она только что сказала.

А меня отпустило. Уж если старые сослуживцы милорда Верда одобряют мою кандидатуру, да еще и до такой степени... Это как от самой строгой свекрови одобрение получить. Так что печалиться от того, что несколько десятков высокомерных дур выразили мне свое неодобрение?

— Давайте платья смотреть, — предложила я.

Когда продавщицы, повинаясь знаку хозяйки, притащили два манекена с готовыми платьями на них, я встала и сказала по-русски:

— Обалдеть.

И повторила хозяйке и ее девочкам уже по-имперски:

— Это же моя мечта. С ума сойти...

Платье для представления ко двору было синим-синим. Переливающимся. Прямого кроя, строго по фигуре, только сзади расходилось складками и небольшим шлейфом. Рукава прямые, безо всяких девичьих романтичных фонариков.

Строго. Элегантно. И очень богато — лиф был заткан сложными завитками из темных сапфиров и бриллиантов. А сам материал — он был как темное небо. Как что-то волшебное.

— Примеряем? — спросила хозяйка, пока я стояла, раскрыв рот.

— Спасибо, — выдохнула я. — Это чудо!

— Ребята расстарались. Нашли знакомых — те им шелк из долины арахнидов достали. Как уж они договаривались, чтобы шелк синим был, — я не знаю. Паучихи его ткут либо белым, либо черным. Да еще и в такой срок...

Девочки тем временем меня переодевали. Я с внутренним трепетом наряжалась в волшебное платье.

— А камни собрали быстро — есть у нас один умелец, женился удачно на дочери ювелира. А потом выкупил участки в горах, в Западной провинции. Теперь добычей занимается, а тесть — камни гранит.

Я молчала и вытирала слезы. И не могла поверить, что эта красавица в зеркале — я.

— Миледи, — окликнула меня Мария, — не плачьте. А то мы с вами...

Оглянувшись — убедилась, что все присутствующие тоже вытирают глаза.

— Так, — распорядилась хозяйка. — А теперь — чуть подгоним. И будем разбираться со свадебным.

Казалось, меня уже ничем нельзя удивить. Но Марии и ее портнихам это удалось. Свадебное платье белым не было — значит, хозяйка магазинчика помнила, как я смеялась, что в таком возрасте, как у меня, в белом выходить замуж смешно. Когда это она меня на откровенность вызвала, я и не помню.

— У меня детям по четырнадцать лет! Какой флердоранж? — возмущалась я еще. — Какие цвета невинности? Вы смеетесь?!

Платье было золотистым с чуть розоватым отливом.

— Это же не атлас, — замерла я перед еще одним произведением искусства.

— Нет, — улыбнулась Мария. — Это ткань из еще одного волшебного

мира. Там принято ткать ткань для свадебных обрядов на границе дня и ночи. Вплетая в ткань луч нарождающегося солнца и уходящей на покой луны. Эту ткань не принято ничем украшать. Но мы расшили рукава жемчужинками. Так положено в Империи, чтобы брак был счастливым...

— Получилось очень красиво...

— Единственно, я все переживаю. Если милорд Верд пожелает надеть на вас фамильные драгоценности, а сапфиры сюда не подойдут.

— Я поговорю с милордом. Думаю, он не будет против...

А сама подумала, что предложу надеть фамильные драгоценности после мероприятия. На голое тело... Милорд не то что против не будет. Ему в предвкушении этого вообще все равно будет, что на мне надето.

Мы примерили и это платье. И в нем я была... не высокородной дамой, как в том, синем, строгом. Но действительно невестой. Бесшабашно-юной, абсолютно уверенной в своей исключительности. Но вместе с тем нежной и готовой сделать все для счастья любимого.

Я уже переоделась и мы с хозяйкой чинно пили чай, когда в магазинчике яростно хлопнула входная дверь. Мы испуганно обернулись. Это был милорд Верд.

Хозяйка низко склонилась.

— Что случилось? — подошла я к нему.

Выражение лица у милорда было пугающее.

— Пойдем. Тебе задолжали извинения, — прорычал он. — И два этих... платья.

— Ричард, — прошептала я ему на ухо. — Да за каким дьяволом мне чьи-то извинения. Что за глупости... Хозяйка пошла на поводу желаний ее клиенток. Я просто в том салоне никогда ничего не куплю — и все. Дамы вашего света всего лишь показывают, как они ко мне относятся. И ты знаешь, что самое главное?

— Что? — Из глаз уходила краснота, они потихоньку становились обычного черного цвета.

— Мне все равно...

Он поцеловал мне руку.

— Ты подождешь меня? — спросила я. — мы уже все решили. И кстати, платья готовы.

— Конечно, — улыбнулся он. И распорядился, обращаясь к Марии: — Пришлите счет.

— Сожалею, ваша милость, — храбро возразила ему хозяйка салона. — Все уже оплачено.

— Как это? — удивился милорд Верд. — Кем?

— Ваши однополчане сделали вам подарок на свадьбу.

Сын императора покачал головой:

— Вот плуты! Я с ними еще поговорю!

— Я тебя хочу, — одними губами сказала я ему на ухо.

— Заканчивай, городской особняк нас ждет, — ответил он мне.

— А ты узнал, где горячую воду включать? — капризно протянула я.

Глаза у него сверкнули. Он перевел взгляд на хозяйку салона и распорядился упаковать мне готовое пальто. Два. Несколько платьев. И еще много чего. Вплоть до чулок.

— Мало ли, вдруг я что-то опять порву, — мечтательно протянул любимый. И тут же добавил, насмешливо посмотрев на Марию: — Надеюсь, счет за эти вещи вы пришлете мне. А не моим сослуживцам.

Глава 36

В императорском дворце я была впервые. Вспомнилось, как, гуляя по улицам роттервика — казалось, это было очень-очень давно, — я засматривалась на шпили и башни, но подойти не решалась.

Парадная мраморная лестница. С первой ступени в глаза бросается черный грифон, распластавший крылья на золотистой стене. Возникает ощущение, что он вот-вот оживет. Я делаю шаг, потом еще один, и у меня складывается впечатление, что на меня и на Ричарда он смотрит одобритительно.

Над парадной лестницей на длинных древках гордо реют штандарты.

— Наиболее отличившихся воинских частей, — шепчет мне на ухо Ричард, мгновенно заметивший мой интерес к ним.

Я опираюсь на его руку и понимаю: что бы ни случилось, он прикроет. Защитит.

Все же вздрагиваю. Вопреки всему я чувствую себя в этом баснословно роскошном дворце самозванкой. Понимаю, будь я Золушкой — ни за что бы на бал не пошла. Посмотрела бы в окна, вздохнула и отправилась домой. К своей тыкве и мышам.

— Ника... — тихо говорит Ричард. — Больше всего мне хочется, чтобы это все... действие быстрее закончилось. И мы отправились домой. Сели бы перед камином... Пожалуй, я бы не отказался от глотка гномьего самогона. Чуть напоил бы тебя. Ты бы мне еще раз объяснила, что значит та твоя загадочная фраза: «Пьяная женщина — доступная женщина».

Я вслушиваюсь в его слова, в его голос и понимаю, что перестаю подрагивать. Мне удастся взять себя в руки. И войти в тронный зал такой, какой там положено появляться: спокойной, уверенной. Чуть насмешливой. И очень-очень отстраненной от того, что в нем будет происходить.

Лакеи в придворных ливреях — черно-золотых, в цвет герба Тигвердов, с грифоном на груди — торжественно раскрывают перед нами двери.

— Ричард Фредерик Рэ, милорд Верд, сын императора Фредерика. С невестой, — провозглашает церемониймейстер двора.

И мы входим.

Услышав в словах распорядителя «сын», а не «бастард», перед нами начинают склоняться присутствующие.

Я замечаю злобный блеск в глазах дам. Но злоба, впрочем, быстро

сменяется завистью, когда они мгновенно оценивают, во что я одета и сколько это стоит. Мужчины держатся как-то доброжелательнее. Успеваю заметить, как нам чуть улыбаются кадеты милорда Верда. Но почти спотыкаюсь о неприязнь графа Троубриджа. С ненавистью на нас смотрит и герцог Борнмут — а этот-то что делает во дворце? Он же вроде арестован. С интересом, неотрывно глядит на меня красивая женщина рядом с ним.

Вижу знакомое лицо милорда Милфорда. Очень хочется остановиться возле него — просто посмотреть на нормального человека, о чье любопытство не спотыкаешься.

Но нельзя. Мы еще не дошли до императора Фредерика и наследника.

Отец Ричарда и брат ждут его возле тронного возвышения. Ждут стоя, демонстрируя всем, что в семье Тигвердов он — равный.

И из-за этого аристократы склоняются перед нами старательнее. И ненавидят и его, и меня — сильнее.

Вот наконец мы подходим.

Склоняемся. Ричард в низком поклоне, я — в придворном реверансе, с припаданием на колено.

— Встаньте, дети мои, — торжественно произносит император. Потом делает паузу, и я понимаю, происходит невозможное — император так волнуется, что у него перехватывает горло. — Ричард... Ричард. Сын мой. Сегодня в честь твоей помолвки я сделаю то, что должен был сделать давно.

Ричард смотрит на него удивленно и, кажется, чуть недовольно. Похоже, он, как и я, не любит сюрпризы.

— Пусть свершится моя воля, — волнение из голоса императора уходит. Остается только безграничная сила. — Я принимаю Ричарда Фредерика Рэ и всех его потомков в род Тигвердов. И объявляю Ричарда ненаследным принцем Тигвердом.

Пауза. Похоже, крайне удивились все. Больше всех, наверное, сам Ричард. Хотя принц Брэндон явно знал. Слишком довольная усмешка при виде растерявшегося старшего брата и ректора собственной академии.

— Слава императору! — улыбаясь, довольно провозглашает принц Брэндон. — Слава роду Тигвердов! Бра-бра-бра!!!

И за ним подхватывают все, присутствующие в зале:

— Слава-слава-слава!!!

Когда крики в зале затихают, снова раздается голос императора:

— Я принимаю твою избранницу, миледи Веронику, сын мой, и желаю вам счастья! Я принимаю ее и ее сыновей в род Тигвердов!

Зал беснуется.

А я понимаю, как мне не хватает Пашки и Рэма. Понятно, что детей на подобные мероприятия не пускают, но все же...

Мы раскланиваемся с императором, потом он целует мне руку и с трудом сдерживается, чтобы не обнять — сначала сына, потом меня.

Брэндон протягивает руку брату:

— Поздравляю, брат мой.

По залу снуют слуги, которые разносят всем шампанское. Наконец подносят бокалы нам четверым. И император провозглашает тост:

— За помолвку моего сына, принца Тигверда!!!

— Бра-бра-бра! — отвечает зал.

Мы выпили. Слуги забрали бокалы.

— Танец помолвленных! — объявляет церемониймейстер.

Первые такты вальса. Ричард кланяется, протягивает мне руку. Мой низкий поклон, я подаю ему свою. Мы кружим. И кажется, что нет никого. Только он. И я.

— Так ты все-таки принц, — в какой-то момент говорю я ему. — А так тщательно скрывал это...

— Насмешничаешь? — нежно говорит Ричард.

— Боюсь расчувствоваться и расплакаться. От счастья.

— Ты прекрасна, — произносит он едва слышно.

Музыка затихает. Ричард подводит меня к императору.

— Позвольте? — подает мне руку император Фредерик.

Снова вальс. Я замечаю, что несколько пар кружат вместе с нами.

— Спасибо вам, — хором говорим мы с императором. И оба смотрим друг на друга удивленно.

— Сначала — вы! — говорит мне отец Ричарда.

— Я думаю, он всегда мечтал, чтобы его признали, — тихо сказала я. — Но даже и мысли не допускал, что это произойдет.

— Я хочу, чтобы сын был счастлив, — отвечает мне император. — С любимой женщиной. А его признание — больше всего для этого сделал он сам. И я желаю, чтобы он знал: принц Ричард для меня — больше, чем просто самый преданный слуга престола. Кстати, я сделал еще один сюрприз, но он как-то остался не замечен.

И тут я понимаю.

— Это вы приказали явиться на сегодняшнее торжество герцогу Борнмуту? — с восторгом спрашиваю я. — Чтобы он склонился в шеренге придворных, когда мы с Ричардом шли? Чтобы он видел, как вы даровали право сыну называться Тигвердом?

— Да, — с видом заговорщика признался мне император.

— Сделать гадость — сердцу радость! — сообщаю я повелителю старую земную присказку.

— В этом что-то есть, — не спорит со мной отец моего жениха.

Потом еще шампанское, я танцую с наследником.

— Вы не злитесь на нас? — осторожно спрашивает у меня он.

— В моем мире есть закон — за одно преступление два раза не наказывают, — улыбаюсь я. — Так что можете не переживать, Ваше высочество.

— Осталось еще, чтобы этому закону следовал и мой брат, — скривился наследник.

— Он серьезно относится к воспитанию доверенных ему кадетов, — заявляю я.

— Это точно, — вздыхает принц.

И мы смеемся.

Император, принц Брэндон, Ричард и я стоим на возвышении. Позади — трон, впереди — придворные. Все как один — в едином, так сказать, порыве — поздравляют меня и Ричарда. С помолвкой и признанием.

Выпиваю шампанское одним жадным глотком — оглядываю придворных. Так вам! Ричард счастлив. А окружающие стремятся заверить его в своем почтении. Мне становится смешно. На этом фоне насупленное и злобное лицо графини Олмри кажется более... человеческим, что ли. Может, потому, что ее чувства искренни. Бывшая любовница бывшего милорда Верда не может скрыть досаду и раздражение. Как и герцог Борнмут.

Но — с другой стороны — ну их! Я перевожу взгляд на любимого и забываю обо всем. Ликование в его глазах. Толика сомнения. И счастье. Бездонное — как небо.

А потом... Много позже. Мы едем домой. В поместье. Сдерживаемся, чтобы не набросится друг на друга прямо в карете. Прямо как в тот день, когда Натан вез нас из книжного магазина в городской дом. Я не ощущаю ничего, кроме счастья и присутствия любимого мужчины, но Ричард вдруг напрягается.

— Что еще? — спрашиваю у него.

— Ты слышишь? Голоса.

Действительно, гул сотен голосов нарастает, словно гул океанской волны, что готовится обрушиться на берег. Карета замедляет ход, я хватаю Ричарда за руку.

— Не бойся, — прижимает он меня к себе. — Если что, я выстрою

портал.

— Милорд, — раздаётся голос Натана. — Ваши сослуживцы собрались, чтобы приветствовать вас и вашу невесту.

Мы выходим. Вся деревня наполнена народом. От огней факелов светло, как днем. При виде нас военные замирают на мгновение — а потом раздаётся гордое имперское: «Бра! Бра! Бра!!!» И следом за ним — команда, перекрывающая шум людского моря:

— Равняйсь! Смирррррна!!!

К удивлению своему, я узнаю этот голос — командует Джон Адерли. Камердинера милорда просто не узнать в форме. А он — суровый и величественный — подходит к нам, печатая шаг, и продолжает:

— Ваше высочество! Разрешите доложить! Солдаты и ветераны Восьмой гвардейской армии, прибывшие на празднование вашей помолвки, построены!

— Благодарю вас, — тихо сказал Ричард. Похоже, теперь у него перехватило горло. — Благодарю.

— В честь командующего Тигверда и его невесты миледи Вероники — на караул! Троекратное «Бра!».

И мы с Ричардом идем через строй, сквозь ликующие крики и приветственные возгласы. Деревня, дорога к поместью, подступы к самому поместью — полны народом.

К нам подбегают Пашка и Рэм. Я обнимаю сыновей. И плачу от счастья. Потом Ричард пожимает им руки. И мне слышится, как он тихонько благодарит стихии...

Мы доходим до ворот, оборачиваемся — и машем рукой всем, кто пришел. Кричим: «Спасибо!» Ричард подхватывает меня на руки и вносит в дом.

Глава 37

День получился каким-то тяжелым. Меня с самого утра подташнивало, болела голова. И все время хотелось прилечь. Может, все-таки мои мечты исполнились?.. Я вспомнила каникулы в другом мире, наши объятия... Наши ласки... И зажмурилась в предвкушении.

— Добрый вечер! — Я неожиданно наткнулась на принца Тигверда в полутемной библиотеке. Он сидел, уставившись в пламя камина. — Никто не слышал, как ты пришел.

Он молчал, не поворачивая головы и никак не реагируя на мои слова.

— Ты голодный?

Еще раздраженное дергание плечами.

— Что случилось?

Перевел на меня тяжелый взгляд, уставился прямо в глаза. Глаза его полыхали алым. И в них я не могла найти ни нежности, ни желания.

— Ричард, ты злишься? На меня?

Закрыв глаза, словно ему было невыносимо меня видеть.

— Кто ты? — раздался несколько непонятный вопрос.

— В каком смысле? — удивилась я.

— Ты не Вероника Евгеньевна, как там фамилия — Журавлева. Единственное, что оказалось правдой, — так это то, что ты сопровождаешь наследника герцогства Рэйм. Вот я и спрашиваю — кто ты? Сама герцогиня? Хотя вряд ли — она не будет отсиживаться в столице Империи, слишком много в ней энергии. Она будет бороться до конца. За трон, за сына. Значит, кто-то из ее придворных дам...

— А почему вариант, что я твоя случайная знакомая из парка по фамилии Журавлева, тобой отвергнут?

— Вернулась команда из мира, который ты называла своим.

— И что?

— Журавлева Вероника Евгеньевна погибла давным-давно. Двенадцать лет назад. Автомобильная авария. Над ее покалеченным сыном Павлом взяли опеку ее родители. Они похоронили дочь — и не лгут.

...Слов не было. Чувств не было. Меня не было. Получается, что тогда, в той автомобильной аварии я все-таки погибла? И не было ничего. Ни помощи от герцогини Рэймской. Ни двенадцати лет нашей жизни. Ни безумного побега в чужой мир с Рэмом. Ни случайной встречи с Ричардом — самой важной встречи в моей жизни. Ни нашей любви...

Одна пустота.

У меня подогнулись ноги, и я опустилась прямо на пол, там, где и стояла. Попыталась зацепиться хоть за что-то, чтобы почувствовать себя живой. Натолкнулась на алый взгляд бешеных глаз. Выдохнула:

— Ричард, как же так? Это все... есть? Или мне все происходящее только мерещится? Я хоть... — голос практически исчез, — живая?

— Довольно. — В его голосе не было никаких эмоций. — Не надо больше представлений.

— Пожалуйста, — меня трясло. — Помоги мне. Я хочу понять.

— Я со многим могу смириться, многое простить, — процедил он. — Но, знаете, в вас была одна черта, которая меня покорила. Я думал, что вы были абсолютно правдивы... И ваша искренность. Ваша открытость. Это было самое главное в наших отношениях. И сейчас, осознав, что все это время вы мне лгали... Я понял, что женщины, которую я полюбил, просто не существует. Поэтому — не надо больше игр.

— Ричард, пожалуйста, — повторила я.

— Вас не затруднит называть меня или милордом Вердом, или принцем Тигвердом — все-таки мы, как выяснилось, не знакомы.

— Что ты делаешь... Что ты делаешь со мной? Что ты делаешь с нами?

Но он, казалось, меня не слышал:

— Получается, что вы с юным герцогом, для того чтобы замести следы, убили ни в чем не повинную женщину. И покалечили ее ребенка.

Тут меня всколыхнуло от гнева. В глазах заплясали черные мушки, но я смогла взять себя в руки и подняться. Когда я заговорила, я больше не просила, я гневалась.

— Ты всерьез думаешь, что я настолько глупа, что сначала убила кого-то в другом мире, а потом попросила тебя проверить, как там жертвы моих преступлений? Видимо, специально для того, чтобы дать возможность себя разоблачить.

— Допустим. Ты не виновата в ее смерти. Но ты мне лгала.

— Я всего лишь полюбила тебя, — тихо и горько сказала я. — И так надеялась, что с острова приехали не только мы с тобой, что я привезла оттуда... кого-то еще.

Тут я натолкнулась на его взгляд. В нем была лишь горькая издевательская насмешка.

— Ну, уж нет... Я не мой отец, и у меня ублюдков не будет. — Слова из него изливались, как желчь. В глазах бесновалось пламя. — Одно дело попользоваться обманщицей, которая проникла в мой дом, в мою жизнь, в

мою постель. Другое — дать ей возможность влиять на меня. Ребенок — это рычаг воздействия. Так вот — у вас его нет. И не будет.

Теперь настала моя очередь закрывать глаза в глупой попытке поверить в то, что это просто ночной кошмар. Я проснулся — и Ричард будет рядом. Нежный, любящий. Счастливый...

— Так что можете мне поверить, я против ублюдков, — расслышала я.

И это слово — такое мерзкое — тем более по отношению к существу, которое я хотела всем сердцем... Во мне что-то щелкнуло... Я распрямилась и посмотрела на мужчину, которого любила, с улыбкой. Должно быть, получилось злобно. И отчаянно. По крайней мере, он замолчал. И лицо его стало выражать крайнее удивление.

— Так, значит, это и есть та любовь, которую вы мне обещали, принц Тигверд? В которую просили меня поверить? Недоразумение — и вы готовы допустить все, что угодно? Любая ложь — и вы не сомневаетесь в том, что я виновна?

Я расхохоталась, вскочила с кресла и заметалась по гостиной.

— Вы сами знаете и много раз говорили, что я не лгу. Вы говорили, что чувствуете ложь. Что изменилось сегодня?

Я резко остановилась и замерла перед ним. Мужчина отвернулся и уставился в огонь.

— Говорите! Я имею право знать!

— После того как прибыла команда, отправленная мною на землю с... новостями, я отдал приказ на ваше исследование.

— Как это?

— В дом прибыли маги — они вас изучали.

— Вот почему у меня целый день голова так зверски болела... И каков вердикт?

— Магии в вас много, но она под какой-то очень сильной блокировкой. С таким потенциалом вы умеете скрывать все, что вам надо. И любая проверка на ложь — в том числе и моя — это не более чем фикция.

— Значит ли это, что все обстоятельства нашей встречи, чувства, желания, мои слова и поступки — это не больше, чем фикция?

— Я думал об этом целый день, — сказал он с мукой в голосе. — Вспоминал нашу встречу, наше общение — день за днем.

— И к какому выводу вы пришли?

— Если откинуть мою уверенность, что вы мне не лгали... То картина получается не очень радостная.

— Отчего же?

— Все слишком неправдоподобно.

— И видимо, в парке заговорила с вами я сама.

— Вы меня спровоцировали.

— Я же не в купальнике там сидела, — вспомнила я о его бурной реакции на такую привычную в нашем мире вещь.

— Нет, — все-таки улыбнулся и он. — Но вы спроецировали на меня неприкрытый и, как я на тот момент думал, искренний интерес. В сочетании с тем, что вы как бы не знали, кто я такой... Эффект нетрудно было просчитать.

— И змеей вползла в дом...

— Избавьте меня от ваших насмешек.

— Как скажете, милорд, — теперь в моем голосе звучал чистый, незамутненный гнев. — А могу я задать вопрос? Не думаю, что он что-то изменит, но попытаться, наверное, стоит...

— Попробуйте.

— А почему вы сами — в идеале со мной под руку — не отправились к моим родителям? Хотя бы для того, чтобы организовать очную ставку и посмотреть — лгу я или нет?

— Боюсь убить вас.

Вот тут я опешила.

— Получается, что и вы меня плохо знаете, иначе бы уже бежали и не провоцировали меня еще больше. Потому что все, все мое существо требует, чтобы я с вами не разговаривал, а сделал шаг вперед и сомкнул руки у вас на шее, пока не раздастся хруст. И я с великим трудом сдерживаюсь.

— Отчего же вы этого не сделаете? — подошла я практически вплотную к его креслу. Как ни странно, несмотря на его слова, я чувствовала себя в абсолютной безопасности.

— Странно, — он замер, прислушиваясь к чему-то, — в вас действительно нет страха. Нет паники... Только злость. С нотками горечи... Вам тоже жаль.

— Я в бешенстве, — улыбнулась я, — а еще мне больно... Вы же уничтожаете нас...

— А вы, по-моему, не до конца отдаете себе отчет в том, насколько я ненавижу ложь и насколько опасно меня злить. Я просто не хочу, окончательно удостоверившись в вашей лжи, уничтожить вас физически. Все-таки нас что-то связывало. Наша любовная связь была феерической.

— Может, я симулировала? — все равно не удержалась я. И к черту инстинкт самосохранения!

— Возможно. Но я-то — нет. И еще... Как бы то ни было, вы спасли

мне жизнь.

— И это могло быть подстроено.

— Даже мне так не кажется.

— Спасибо и на этом... А вот скажите, почему бы нам не обратиться к Его Величеству Фредерику? Вы же сами говорили, что он — самый сильный маг, которого вы только знаете. Следовательно, он поможет нам разобраться в данной ситуации.

— Он ваш любовник. И я думаю, он вам подыграет, — был бесподобный ответ.

— Я даже боюсь предположить, с чего вы это взяли, — покачала я головой. — Вы сегодня настолько логичны в своих выводах... Наверное, после всего, что вы мне наговорили, этот вывод обоснован. Иначе зачем бы я его пирожками кормила...

— Прекратите. Сегодня я в этом удостоверился.

— Вы видели нас вдвоем? — рассмеялась я, глядя прямо в его глаза — они были уже не алые, а словно присыпанные пеплом. Словно огонь перегорел и не осталось ничего.

— Вы... — А во взгляде мелькнуло восхищение. Не отводя от меня взгляда, он разжал кулак — там был черный кристалл, который Ричард сжимал все это время. Он разжал пальцы и уронил его на ковер.

Картинка была четкая. И объемная. Куда там фильмам, которые мы показывали милорду Верду... Этот, который показывал он, был круче. В нем был император Фредерик в роли страстного любовника. И... я, кричавшая: «Любимый».

Я пошатнулась, зажмурилась. И прошептала:

— Прошу тебя, поверь — это не я...

Он горько рассмеялся.

— Не верь глазам своим...

— Но ведь можно как-то доказать, что это не я, — шептала я в растерянности.

— Прекрати. И убирайся.

— А знаете, получается, что вы меня не любили... — подняла я на него глаза.

— Да что вы! — выдохнул он. — Вы же еще живы.

— Когда человек любит — он верит. Вопреки всему.

— Это не любовь, это — глупость.

— То есть либо вы точно знаете, что вам не лгут, потому что чувствуете это. Либо все происходящее вокруг вас — ложь?

— А вы? Вы любите меня?

— Да, — ответила я решительно.

— Наконец-то.

Я обрадовалась, что Ричард пришел в себя, что весь этот абсурд закончился.

— Я поймал в ваших эмоциях точку отсчета для правды и лжи, — довольно сказал он.

— И?.. — Я ожидала извинений.

— Вы солгали.

— Безумец...

— Вы — любовница императора. Поэтому он мне и дал титул ненаследного принца. И принял в род. А вы за это с ним щедро расплатились.

— Нет! — Бешенство меня затопило.

— Опять ложь. Что и требовалось доказать...

Он поднялся, позвонил в колокольчик.

— Милорд, — обрадовалась заглянувшая в библиотеку Оливия. — Вы дома! Миледи! А что вы в темноте сидите? Ужин подавать?

— Принесите теплую одежду... — он посмотрел на меня, словно раздумывая, как меня называть, — этой женщине. Она уходит.

Служанка в замешательстве уставилась на меня, ожидая подтверждения приказа. Я только пожала плечами.

— Не понял, — поднял на служанку взгляд милорд.

Оливию затрясло от того, что она там разглядела.

— Да, милорд. Слушаюсь, милорд, — испуганно забормотала она.

— Не смею вас больше задерживать, — обратился принц Тигверд уже ко мне.

Что мне оставалось... Я покачала головой. И почти беззвучно сказала:

— Ричард. Я это переживу. Я не сломаюсь. Максимум, что со мной случится плохого, — это я снова курить начну. А вот что касается тебя... Когда-нибудь ты поймешь, что прогнал ту, что тебя любила...

— Уходи, — простонал он. — Просто уходи. Я не хочу... Я не могу... Я ведь убью.

— «Любили так, что плакали навзрыд, а любим так, что хочется ударить...»^[4] — зачем-то процитировала я одно из своих любимых стихотворений. Как будто это что-то могло изменить...

Я вышла из библиотеки, тихонько притворив за собой дверь. Пересекла холл. Подождала, пока Оливия принесла одежду. Переоделась, переобулась, взяла в руки «тревожный» саквояж. Прошла под недоумевающими взглядами слуг к двери — спрашивать у меня о том, что

случилось, никто не осмелился. Мне стало совсем тошно. Я рванула входную дверь на себя и шагнула в метель.

Эпилог

«Опять метель... И мается былое в темноте...»^[5] Строчка из песни крутилась у меня в голове, словно подхваченная ветром снежинка, что никак не могла найти покоя.

Она все неслась и неслась куда-то. Сквозь отчаянные слезы, дикий холод, что достал до сердца. Сквозь бесприютность. Кто-то — вроде бы женщина — бродила и бродила вокруг какого-то дома. Странно, но она как будто потерялась в метели и не могла найти дороги... Она все шла и шла...

Глупая... Глупая маленькая Герда... Зачем ты целовала Кая? Зачем плакала? Ему же было хорошо... Холод снаружи — холод внутри. Минус на минус дает плюс. И все хорошо. Хорошо — потому что не болит. Анестезия. Только бы не на время. Только бы навсегда. И так красиво — хрустально, белоснежно... У меня станут ледяными глаза и будут сверкать. У меня станет ледяным сердце и не будет болеть. Никогда. Никогда-никогда. Глупая, глупенькая маленькая Герда. Зачем ты кричишь? Не кричи. Голос — это какие-то несовершенные звуки. Прислушайся — слышишь, воеет метель? Вот это музыка... Ее хочется слушать вечно... Глупая, глупая девочка... Что ты кричишь?

— Миледи Вероника! — Кто-то кого-то звал. Где-то было тепло... А здесь... В этом то ли сне, то ли в бреду была только метель...

— Ника! — Кто-то настойчиво звал меня. — Ника... Не уходите. Не надо...

И сквозь метель до меня донесся родной голос.

— Мама! — кричал и плакал кто-то, перекрикивая завывания метели. — Мама!!!

— Паша? — прошептала я и очнулась.

Неяркий свет. Незнакомая, роскошно обставленная комната. Золото и лепнина — явно излишнее количество на квадратный метр. Надо мной склонился зареванный Паша.

— Что со мной? — Голос был какой-то сиплый, будто и не мой.

— Мама... Ты пришла в себя. — Паша меня обнял. — Я так испугался...

— Где я?

— У меня во дворце, миледи Вероника, — отозвался знакомый голос.

— Ричард, уходи. — Боли не было. Была лишь захватывающая дух звенящая пустота...

— Извините, миледи Вероника, здесь нет моего старшего сына. — И император Фредерик вышел на свет. Выглядел он как-то не очень. Словно не спал и не ел несколько суток.

— Простите, Ваше Величество, я обозналась.

— Ничего. Вам надо поправляться. А нам всем надо поспать. Павел, вам приготовят постель в смежной комнате. А вас, миледи, сейчас осмотрит Ирвин. И не пугайте нас так больше...

— Слушайте, — вдруг испугалась я.

— Что случилось? Вам плохо? — подскочил к моей постели император и как-то привычно схватил за руку.

— Нет... Просто слабость. Надо же что-то делать с моими родителями. Они почему-то уверены в том, что я погибла двенадцать лет назад.

— Я думаю, когда вы поправитесь, мы решим этот вопрос.

Император быстро вышел из комнаты.

— Мама-мама, — протянул Паша.

— А что со мной было?

— Не знаю, но император тебя трое суток вытаскивал. Целители ничего сделать не могли — ты уходила. — Пашу передернуло, и на глазах появились слезы. — Он вытаскивал, а мне приказал звать тебя... Я и звал...

— Прости, милый. — Я вытерла слезы.

— Я его убью!

— Кого?

— Милорда Верда, — отрезал сын. — Что он с тобой сделал?

— Ничего, — честно сказала я. — Только из дома выставил.

— За каким?.. — с трудом проглотил ругательство сын.

— Меня оболгали. Он впал в бешенство и потребовал, чтобы я ушла.

— А что за фигня с бабушкой и дедушкой?

— Не знаю, — расплакалась я.

Зашел уже знакомый целитель. Порадовался, что я вернулась. Посетовал, что мы встречаемся все время при таких печальных обстоятельствах. И выгнал Пашу. Отдыхать.

Разговор с императором Фредериком состоялся через несколько дней. Я уже не только лежала пластом в кровати. Я вставала, читала — мне, кстати, доставили стопку детективов. Немного ходила по отведенным мне покоям, состоящим из нескольких комнат.

— Вы уделите мне время, миледи Вероника?

— Да, Ваше Величество. — Я отложила книгу и стала подниматься с диванчика, на котором сидела.

— Оставьте это, — поморщился император.

— Хорошо. — Я снова уселась и вопросительно поглядела на него.

— Вы можете ответить мне на несколько вопросов, или вам тяжело говорить?

— Я постараюсь ответить.

— Интерес мой не праздный и спрашиваю я не из пустого любопытства, — почему-то раздраженно проговорил повелитель.

— Я понимаю.

— А вот я ничего не понимаю. Что произошло за три дня до вашей с Ричардом свадьбы? Почему вы оказались на улице? Кто наслал на вас магическую метель? Почему Ричард не пришел вам на помощь? Где он вообще? И почему родовое кольцо валялось на ковре возле камина?

И император показал мне знакомое кольцо. С распластавшим крылья грифоном, перечеркнутым алой полосой.

— Ваш сын обвинил меня во лжи. В том, что я не Вероника из другого мира, что все было подстроено и я, скорее всего, придворная дама герцогини Рэймской. А в довершение нашей беседы он сообщил мне, что я — ваша любовница. И показал мне некий кристалл. С весьма впечатляющей записью.

— Какого рода записью? — не понял император Тигверд.

— Мы в вашем кабинете занимались любовью.

Император дернулся, как будто его ударили.

— Что? — проскрипел он. — Как это?! Кто занимался?

— Вы и я. По крайней мере, изображение показывало именно это.

Я говорила — а сама ужасалась тому, насколько у меня безучастный голос. Ни боли. Ни слез. НИЧЕГО. Слово все, что было живое во мне, так и осталось в той самой магической метели...

— Сын действительно вас самозабвенно любит, — прошептал император.

И я поразились его непонятной реакции.

— Странное у вас представление о проявлениях любви, — съязвила я.

— Вы не понимаете... Измена для такого, как он... Это не просто повод для убийства. Это право на него. Это потребность всей его сущности...

— Как занятно, — разозлилась я. — Значит ли это, что принц Тигверд напустил на меня эту самую метель, от которой я чуть не погибла?

— Нет. Это была не его магия. Он как раз дал вам уйти. К счастью, тот или та, кто придумали этот план, не учли глубину его чувств к вам. Метель — это запасной план, когда наш противник осознал, что задуманное не

удалось.

— Что вам известно? — посмотрела я в черные, такие знакомые глаза и вздрогнула. И отвела взор.

— Я внезапно почувствовал, что Ричард на грани срыва. Я так его ощущал, когда его мать погибла, — прошептал император. — Столько боли, столько горечи... Безумие. Я подумал, что с вами что-то случилось. Что-то непоправимое. Перенесся в поместье. Ричард ушел. Ушел так, чтобы невозможно было отследить. Куда-то очень далеко. Слуги перепуганы. Вы... Я чувствовал, что вы где-то совсем рядом, замерзаете, а пробиться к вам не мог. Потом сообразил и настроился на перстень. Какое счастье, что вы его не сняли! Кто-то угрожал чудовищное количество энергии. Метель лучше всего действует на кого-то в состоянии крайнего отчаяния. Все было рассчитано очень точно... Я нашел и перенес вас во дворец. Трое суток целители делали все возможное. К счастью, обошлось.

— Паша рассказал, что вы не дали мне уйти. Спасибо.

— Вероника... Я могу вас попросить?

— Вы — и просить?

— Об этом я могу только просить...

— О чем же?

— Проявите снисхождение к Ричарду.

— Откуда вообще взялась запись на кристалле? — решила сменить тему я.

— Это моя вина, — склонил голову император.

— В каком смысле? — похолодела я.

— Кто-то решил порезвиться за ваш счет. И за счет Ричарда. А принимать личины в нашем мире умеют только очень сильные маги. Я не уследил. И... Мне надо увидеть то, что на этом кристалле.

— Зачем?

— Надо понять, где это все действие происходит. И найти тех, кто подготовил этот исключительный розыгрыш...

Я смотрела на него. Не отрываясь. Не говоря ни слова.

— Я найду того, кто это сделал, — тихо сказал император. — Клянусь.

— Отпустите меня домой. В мой мир... Я больше не могу тут находиться. Не могу. Не хочу. И не буду.

Примечания

Т. Шаов.

Н. А. Некрасов.

А. Пет.

А. Иващенко.

Музыка К. Меладзе. Слова Д. Полыевой.